

Л. Е. СЕМЕНОВА

РУССКО- ВАЛАШСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

в конце XVII – начале XVIII в.

и възбн. дозн. 499+4н. ч 7у4у, зеңтүшлек иеңд. + ср29777..
и джозин дозн. 20279н, зеңтүшлек, 4068н. ч 98ДИА, 2и зеңтүш.
и 805н. ч 4070ДИЧ ч 1550н ч 1550н ; шиңд. 454 балт. зеңтүшлек
и зеңтүшлек, 4050718, 4и зеңт. джозин зеңтүшлек : зеңтүшлек
и зеңтүшлек, зеңтүшлек, + 5+ зеңтүшлек, + 5+ зеңтүшлек, зеңтүшлек
и зеңтүшлек, + зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек
и зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек
и зеңтүшлек, + зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек
и зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек, зеңтүшлек

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Дорогому

Владимиру Михайловичу
на добрую память

22/X-69г. А.Семёнова.

Л. Е. Семенова

РУССКО-
ВАЛАШСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В КОНЦЕ XVII —
НАЧАЛЕ XVIII в.

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Работа посвящена одной из малоизученных страниц в истории русско-румынских взаимоотношений — связям России с Валахией в конце XVII—начале XVIII в. Русско-валашские связи в этот период были многообразными. Главное внимание уделяется истории дипломатических отношений Валахии с Россией; на основе имеющихся материалов рассматриваются также торговые и культурные взаимосвязи; с привлечением новых архивных документов освещаются русско-валашские связи во время Прутского похода Петра I и в 1712—1713 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук Л. В. ЧЕРЕПНИН

Введение

За последнее время советскими и в особенности румынскими историками немало сделано для изучения русско-румынских связей в различные периоды истории. Выявлено и собрано много нового фактического материала и на основе его написано большое количество статей и ряд монографий. Однако еще не все периоды и не все вопросы данной проблемы исследованы одинаково полно.

Предметом исследования в настоящей монографии являются связи Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в., в один из интересных и значительных периодов истории русско-румынских отношений. Наличие достаточной базы источников, как архивных, так и изданных, позволяет установить их конкретную историю.

Русско-валашские отношения рассматриваются автором не изолированно, а в общей связи взаимоотношений Молдавского княжества и Валахии с Россией. Поэтому в работе отмечаются отдельные моменты русско-молдавских связей.

В исторической литературе нет специальных исследований о связях Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в.

Оценить встречающиеся в литературе выводы, положения и факты относительно русско-валашских связей этого периода можно лишь в результате сопоставления их с материалом памятников. Мы сделаем это в ходе их исследования и в заключении. Сейчас ограничимся лишь общей характеристикой работ, авторы которых выявили мате-

риал, сделали те или иные наблюдения над данными источников по истории русско-валашских связей интересующего нас периода.

Русские дворянские и буржуазные историки интересовались вопросами отношений Молдавского княжества и Валахии с Россией главным образом в плане внешней политики царизма на Дунае, рассматривая их с позиций идеалистического понимания истории как «проявление единства религий»¹.

Отдельные моменты русско-валашских связей в интересующий нас период нашли отражение в ряде обобщающих трудов по русской истории С. М. Соловьева², Н. Г. Устриялова³, А. Г. Брикнера⁴.

Специальные труды по истории Молдавского княжества и Валахии, как работы Г. Карра⁵, С. Н. Палаузова⁶, также лишь вскользь касаются вопросов валашско-русских связей конца XVII — начала XVIII в. Наиболее значительными являются работы А. А. Кочубинского⁷, хотя отношения России с Валахией не были для Кочубинского предметом специального изучения, а рассматривались только попутно, в общем плане исследования вопроса о связях России с балканскими народами, интерес к которому в русской историографии XIX в. был вызван внешнеполитическими планами русского правительства на Дунае. РА

¹ С. Н. Палаузов. Румынские государства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 124; С. Жигарев. Русская политика в восточном вопросе, т. I. М., 1896, стр. 44—46; см. также Н. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях. М., 1885; Е. Карнович. Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига. — «Отечественные записки». СПб., 1878, № 1, стр. 121—158; № 2, стр. 361—418.

² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII, т. 14; кн. VIII, т. 16. М., 1962.

³ Н. Г. Устриялов. История царствования Петра Великого, т. 3. СПб., 1858.

⁴ А. Г. Брикнер. Иллюстрированная история Петра Великого, т. 2. СПб., 1912.

⁵ Г. Кара. История Молдавии и Валахии с рассуждением о настоящем состоянии обоих княжеств. СПб., 1791.

⁶ С. Н. Палаузов. Указ. соч.

⁷ А. А. Кочубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами.—«Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1872, кн. 2; он же. Мы и Они (1711—1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878.

боты Кочубинского дают возможность проследить историю политических отношений России с Молдавским княжеством и Валахией в конце XVII — начале XVIII в. на общем фоне русской политики на Балканах.

Среди русских историков, занимавшихся историей Румынии, румыно-русских связей, особое место принадлежит историку-лингвисту А. И. Яцимирскому. Занимаясь вопросами славянской филологии, Яцимирский уделил большое внимание изучению истории славянской письменности в Молдавском княжестве и Валахии и в связи с этим русско-румынских культурных взаимоотношений. В ряде своих работ он обращался непосредственно к истории румыно-русских связей в прошлом, в частности культурных связей.⁸

Работы Яцимирского по румынской филологии, истории, основанные на глубоком знании источников и языка, имеют важное значение как для филолога, так и для историка, изучающего историю Румынии и румыно-русских связей.

Румынские буржуазные историки (А. Д. Ксенопол, Н. Иорга, К. К. Джуреску) в угоду интересам правящих кругов своей страны предпочитали умалчивать о румыно-русских связях.

Вышедшая в 1917 г. небольшая книга Н. Иорга по истории русско-румынских отношений⁹ была почти единственной в румынской буржуазной исторической литературе. Она была написана в условиях, когда в 1916 г. Румыния сделала поворот во внешней политике в сторону Антанты, а следовательно и России. Книга Н. Иорга содержит довольно объективный краткий очерк истории экономических, культурных и политических русско-румынских связей до конца XIX в.

⁸ А. И. Яцимирский. Благотворительность русских государей в Румынии в XVI—XIX вв.—«Русский вестник», 1899, май — июнь, т. 261, стр. 605—620; он же. Николай Миленский-Спафарий. Страница из истории русско-румынских сношений в XVII веке. Казань, 1908; он же. Румыно-славянские очерки. Книжное влияние славянского языка на румынский. Отд. отт. из «Русского филологического вестника», вып. II, ч. 1 «Румынский язык и этнография». Варшава, 1903; он же. Русское влияние на печатные книги у румын в XVII веке.—«Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук», т. XI, кн. 4. СПб., 1907, стр. 416—430.

⁹ N. Iorga. Histoire des relations russo-roumaines. Jassy, 1917.

Валашско-русские отношения конца XVII — начала XVIII в. в работах румынских буржуазных историков освещались в основном в связи с 1711 г. и политикой Брынковяну в этот период. События русско-турецкой войны 1711 г. оценивались румынскими буржуазными историками как начало подчинения русскими румынских земель. С 1711 г., писал А. Д. Ксенопол, для румын появилась угроза оказаться под более опасной протекцией, чем турецкая, — русской, которая преследовала более глубокие цели, угрожая самому существованию румынского народа.¹⁰

Румынские буржуазные историки восхваляли Брынковяну, представляя его как патриота, который в 1711 г. не перешел на сторону русских и никогда не имел с ними тесных связей.

Специальной западноевропейской исторической литературы по данному вопросу нет. Отдельные работы по истории Молдавского княжества и Валахии австрийских, французских историков, исходивших не столько из интересов науки, сколько политики, представляют небольшую научную ценность при изучении валашско-русских связей конца XVII — начала XVIII в.¹¹

Внимание австрийских историков к истории Молдавского княжества и Валахии было связано с агрессивными планами установления господства Австрии на Дунае. Поэтому понятно, что в своих трудах по истории Молдавского княжества и Валахии они стремились подчеркнуть их исторические связи с Габсбургами, умалчивая о связях их с Россией. Если австрийским историкам приходилось говорить об отношениях княжеств с Россией, то они освещали их с враждебных России позиций.

¹⁰ A. D. X e n o p o l. Resboalele dintre Ruși și Turci și înriurirea lor asupra țărilor române, vol. I. Jassy, 1880, p. 46—47, 217—218.

¹¹ I. E n g e l. Geschichte der Moldau und Walachei. Halle, 1804; I. F. N e i g e b a u r. Die Donaufürstenthümer. Die staatlichen Verhältnisse der Moldau und Walachei in geschichtlicher Zusammenstellung der auf das öffentliche Recht bezüglichen Verträge. 3-tes Heft. Breslau, 1856; E. R e g n a u t. Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris, 1855; A. B e a u g e et H. M a t h o g e l. La Roumanie. Paris, 1878; E. F i s c h e r. Die Kulturarbeit des Deutschtums in Rumänien. Hermannstadt, 1911; C. B r a u n. Die Entwicklung des Innungswesens in Rumänien. Erlangen, 1913; F. V e r g a g. Rumänien. Gotha, 1916.

Для нас представляют интерес работы И. Энгеля¹² и И. Нейгебаура¹³, в которых затрагиваются вопросы валашско-русских связей конца XVII — начала XVIII в.

В работах советских историков русско-румынские отношения конца XVII — начала XVIII в. освещались преимущественно с точки зрения русско-молдавских связей, а русско-валашские связи рассматривались лишь попутно при описании русско-турецкой войны 1711 г.¹⁴ При этом историки обычно ограничивались указанием на предательские действия Брынковяну в 1711 г. по отношению к России¹⁵.

Из работ советских историков, касающихся, хотя и попутно, связей России с Валахией в интересующий нас период, надо отметить работы Т. К. Крыловой, посвященные русско-турецким отношениям начала XVIII в.¹⁶

¹² I. Engel. Op. cit.

¹³ I. F. Neigebaug. Op. cit.

¹⁴ И. Чебан. О взаимоотношениях Молдавии с Московским государством в XV—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1945, № 2, стр. 59—71; Н. П. Кирichenko. О русско-молдавских отношениях в первом десятилетии XVIII в.—«Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института», т. VI, 1957, стр. 21—29; он же. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 года.—«Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института», т. VIII, 1958, стр. 15—28; он же. Текст русско-молдавского договора 1711 г. и соответствие его летописи И. Некулче.—«Вековая дружба». Кишинев, 1961, стр. 198—210; Н. А. Моков. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961. Валашско-русские связи конца XVII — начала XVIII в. освещаются в наших статьях: Л. Е. Семенова. Из истории румыно-русских связей в конце XVII и в начале XVIII в. (внешнеполитические отношения румынского княжества Валахии с Русским государством).—«Вестник Московского университета», 1958, № 3, стр. 159—180; L. Semenova. Stabilirea legăturilor diplomatice permanente între Țara Românească și Rusia la sfîrșitul secolului al XVII-lea și începutul secolului al XVIII-lea.—«Romanoslavica», vol. V. București, 1962, p. 29—49.

¹⁵ Р. Ю. Энгельгардт. Из истории Прутского похода Петра I.—«Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. VI, 1953, стр. 100, 109; «Очерки истории СССР». XVIII век. Первая четверть. М., 1954, стр. 529; Н. П. Кирichenko. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 года.—«Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института», т. VIII, 1958, стр. 25; Л. Е. Семенова. Из истории румыно-русских связей в конце XVII и в начале XVIII в., стр. 179—180.

¹⁶ Т. К. Крылова. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. — «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 250—279; она же. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в.

в которых затрагивается один из моментов валашско-русских связей начала XVIII в.— взаимоотношения русского посла в Константинополе П. А. Толстого с Брынковяну и боярами Кантакузино.

Книга Ф. Джинджихашвили о жизни и деятельности валашского митрополита Антима Ивериану содержит богатый материал для изучения культурных взаимосвязей России и Валахии в конце XVII — начале XVIII в.¹⁷ Определенный интерес представляет работа украинского историка Г. И. Коляда, освещая отношения России, Украины и Румынии в XVI—XVII вв. в области книгопечатания¹⁸.

После установления в Румынии народно-демократического строя вопрос о румыно-русских связях стал привлекать внимание многих исследователей¹⁹. За последнее время в Социалистической Республике Румынии появился ряд работ, содержащих новые материалы и дающих новую научную оценку фактов и событий, характеризующих румыно-русские связи в различные периоды их истории.

Среди многочисленных исследований, посвященных истории румыно-русских отношений, имеются и работы, в которых рассматриваются отдельные моменты валашско-русских связей конца XVII — начала XVIII в.²⁰

(1700—1709).— «Исторические записки», т. 65, 1959, стр. 249—277; он же. Русская дипломатия на Босфоре в 1711—1714 гг.— В кн.: «Международные связи России в XVII—XVIII вв.» М., 1966, стр. 410—446.

¹⁷ Ф. Джинджихашвили. Атимоз Ивериели (Антим Ивериану). Жизнь и творчество. Тбилиси, 1967.

¹⁸ Г. И. Коляда. Из истории книгопечатных связей России, Украины, Румынии в XVI—XVII вв.— «У истоков русского книгопечатания». К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова (1583—1958). М., 1959, стр. 81—100.

¹⁹ N. Pătrășcu și G. Bezviconi. Relațiile româno-ruse. București, 1945; D. Bogdan. Intre români și ruși. Legături și influențe din veacul XVII până la 1721.— «Analele româno-sovietice», 1946, 2, р. 262—273; 1947, 5, р. 813—824. G. Bezviconi. Călători ruși în Moldova și Muntenia. București, 1947; Al. Greco [P. Panaitescu]. Despre începuturile relațiilor româno-ruse.— «Studii. Revistă de istorie și filosofie», 1949, № 3, р. 95—101; П. Константинеску-Яш. Об изучении румыно-русских и румыно-советских связей.— «О румыно-русских и румыно-советских связях» (Совместная сессия румынских и советских историков. Июнь 1958 г.). М., 1960.

²⁰ G. S. Ardeleanu. Stiri privitoare la istoria ţărilor române în corespondență împăratului Rusiei Petru I.— «Studii și cercetări

Следует особо выделить статьи К. Шербана о связях валашского стольника Константина Кантакузино с Россией²¹, о взятии русскими войсками крепости Браилы в 1711 г.²², статьи Г. Джорджеску-Бузеу о пребывании валашского посла Давида Корбя в Москве²³ и Шт. Метеша о деятельности братьев Давида и Федора Корбя²⁴, освещающие важные моменты политических отношений Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в. Валашско-руssкие культурные связи этого времени получили отражение в монографическом исследовании академика П. Константинеску-Яшь о румыно-русских культурных связях в прошлом²⁵.

Работы Д. Богдана, посвященные описанию русских книг, имевших распространение в Валахии в период прав-

de istorie medie», I, 1950, p. 181—222; P. Constantinescu - Iaș i. Relațiile culturale româno-ruse din trecut. București, 1954; G. Strempeal. Sprijinul acordat de Rusia tiparului românesc în secolul al XVII-lea.— «Studii și cercetări de bibliologie», I, 1955, p. 15—40; Tr. Ionescu - Nișcovo și A. Constantinescu. Relații comerciale româno-ruse în a doua jumătate a secolului al XVII-lea.— «Analele româno-sovietice». Seria istorie, 1956, 3, p. 83—96; P. Panaitescu. Dimitrie Cantemir. Viața și opera. București, 1958; П. Панайтеску. Культурные связи румынских государств с Россией в эпоху реформ Петра I. Новые данные. — «Romanoslavica», vol. II. București, 1958, стр. 235—247; N. Stoicescu. Constructori ruși de izauri în secolul al XVII-lea în Tara Românească și Moldova.— «Studii și materiale de istorie medie», III, 1959, p. 373—378; Tr. Ionescu - Nișcovo. Memoriul din 1674 al boierilor munteni către țarul Rusiei.— «Revista Arhivelor», 1960, 2, p. 213—225; G. Bezeconici. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. București, 1962; D. Pleșia. Noi contribuții la cunoașterea legăturilor dintre Rusia și Tara Românească, în veacul al XVII-lea.— «Biserica ortodoxă române», 1963, N 9—10, p. 951—958.

²¹ C. Şerban. Legăturile stolnicului Constantin Cantacuzino cu Rusia.— «Studii și articole de istorie», II, 1957, p. 237—254.

²² C. Şerban. Un episod al companiei de la Prut: cucerirea Brăilei (1711).— «Studii și materiale de istorie medie», II, 1957, p. 449—456.

²³ G. Georgescu - Buzău. Un diplomat român la Moscova la începutul secolului al XVIII-lea: David Corbea ceaușul.— «Relații româno-ruse în trecut». Studii și conferințe. București, 1957, p. 42—62.

²⁴ St. Metes. Din relațiile noastre cu Rusia. Frații David și Teodor Corbea din Brașov în slujba poporului român, ca luptători contra Unirii cu Roma, ca diplomați și scriitori.— «Mitropolia Ardealului», V, 1960, N 11—12, p. 836—862.

²⁵ P. Constantinescu - Iaș i. Op. cit.

ления Брынковяну²⁶ и деятельности валашского митрополита Антима Ивериану²⁷, представляют исключительный интерес для характеристики культурных взаимоотношений Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в.

Однако несмотря на все значение перечисленных трудов румынских историков, вопрос о связях между Россией и Валахией в конце XVII — начале XVIII в. как в целом, так и в частностях остается еще недостаточно изученным и в румынской исторической литературе.

Заканчивая историографический обзор, необходимо сказать несколько слов и о современной буржуазной исторической литературе. Хотя в зарубежной буржуазной историографии нет специальных работ по вопросам русско-румынских отношений интересующего нас периода, но в некоторых работах современных буржуазных историков, в той или иной мере затрагивающих эти вопросы, легко проследить характерную для них тенденцию к умалению влияния России в Молдавском княжестве и Валахии, стремление представить связи между ними как результат влияния православной церкви, используемой русским правительством в своих политических целях на Балканах²⁸.

Использованные в настоящей работе источники можно разделить на две группы. Первую группу составляют актевые и делопроизводственные материалы, отложившиеся в результате деятельности различных учреждений, официальных лиц; вторая группа — повествовательные материалы (валашские и молдавские хроники, описания современников).

К первой группе относятся прежде всего грамоты валашских и молдавских господарей и ответные грамоты русского правительства, переписка между ними, делопроизводственные материалы Посольского приказа конца XVII — начала XVIII в. о приездах в Россию валашских и молдавских послов, торговцев, духовенства (отписки, рас-

²⁶ D. Bogdan. Cărți rusești în Țara Românească sub Constantin Brâncoveanu.— «Biserica ortodoxă română», 1956, 6—7, An. LXXIV, p. 543—557.

²⁷ D. Teodora [Bogdan]. Despre Antim Ivireanul.— «Studii teologice», 1955, 3—4, An. VII, ser. II, p. 236—263.

²⁸ B. Smolneg. Peter the Great and the Ottoman empire. Oxford, 1949; H. Wezegkä. Das mittelalterliche und frühneuzeitliche Deutschtum im Fürstentum Moldau von seinen Anfängen bis zu einem Untergang (13—18 Jahrhundert). München, 1960.

спросные речи, статейные списки, памяти, выписи в доклад, расписи товаров и т. д.). Эта группа источников имеет первостепенное, основополагающее в источниковедческом плане значение для исследования русско-валашских связей конца XVII — начала XVIII в.

Большинство делопроизводственных материалов являются подлинниками, а иногда копиями того времени. Грамоты и письма господарей используются автором по сохранившимся в фондах Посольского приказа переводам того времени.

Сравнение этих переводов с имеющимися отдельными подлинниками грамот и писем для определения степени точности перевода не проводилось. Но здесь необходимо учесть, что с 1671 по 1708 г. в Посольском приказе работал переводчиком молдаванин Николай Милеску. В России он был известен под фамилией Спафарий, данной ему по придворной должности спафария, или спатаря²⁹.

Образование Николай Милеску получил в Константинополе, а завершил его в Италии. По возвращении после учебы в Молдавское княжество Милеску занимал должность писаря, достигнув затем должности спафария. Своей образованностью он вскоре обратил на себя внимание современников.

При господаре Георге Штефане Милеску пользовался особым влиянием и покровительством господаря. После свержения Георге Штефана он был секретарем господаря Штефаницы Лупу, а потом перешел на службу к валашскому господарю Григоре Гике. С 1664 г. Милеску жил в Бранденбурге, Померании и Швеции. В Померании он встретился с изгнанным господарем-покровителем Георге Штефаном³⁰. Последний использовал его в качестве дипломата, посыпал в Стокгольм и Париж³¹. В 1670 г. Милеску приехал в Константинополь и вскоре был рекомендован русскому правительству иерусалимским патриархом Дорифеем как знаток восточных языков, в которых русское правительство нуждалось во второй половине XVII в.,

²⁹ А. И. Яцимирский. Николай Милеску-Спафарий. Страница из истории русско-румынских сошений в XVII веке, стр. 2. См. также Al. Grecu [P. Panaitescu]. Despre legăturile lui Nicolae Milescu spătarul cu Rusia.— «Studii. Revistă de istorie», 1950, N 4, p. 113.

³⁰ А. И. Яцимирский. Николай Милеску-Спафарий, стр. 3—5.

³¹ P. Constantinescu - Iași. Op. cit., p. 166.

когда необходимость борьбы с Турцией потребовала расширения и укрепления связей с балканскими странами. В 1671 г. Милеску приехал в Москву и был назначен переводчиком в Посольский приказ³².

Будучи образованнейшим человеком своего времени, Николай Милеску-Спафарий занимал видное место в русской культурной жизни конца XVII — начала XVIII в. Он перевел на русский язык много книг с латинского и греческого языков, написал свыше 30 разнообразных и оригинальных по своему характеру сочинений³³. Милеску был также автором книг географического характера о Китае, которые были написаны в результате двух его посольств в эту страну³⁴.

Сличение почерков переводов молдавских и валашских документов конца XVII — начала XVIII в., сохранившихся в фондах Посольского приказа, убеждает нас в том, что большинство этих переводов было сделано Николаем Спафарием-Милеску или отредактировано им. Исключительная образованность Милеску, превосходное знание языков дают основание не сомневаться в точности сделанных переводов.

Основная масса источников первой группы, положенных в основу настоящей работы, не опубликована. Наиболее важная и существенная часть их хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА) в различных фондах Посольского приказа.

Среди них первое место как по количеству, так и по значимости занимают материалы, собранные в фонде Сношения России с Молдавией и Валахией. Здесь содержатся многочисленные материалы о приездах в Россию из Молдавского княжества и Валахии послов, купцов, духовенства и отправках в эти княжества русских посланцев. Из документов этого фонда важными источниками для освещения русско-валашских связей конца XVII — начала XVIII в. являются материалы о приезде в Москву в 1674 г. посланца молдавского и валашского господарей игумена

³² А. И. Я ц и м и р с к и й. Николай Милеску-Спафарий, стр. 8.

³³ Характеристику произведений см.: G. Beziș o p i. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse, р. 103; Д. У р с у л. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955, стр. 29.

³⁴ См. избранные тексты на русском языке трудов Милеску: Николай Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Сост. В. Соловьев и А. Кидель. Кишинев, 1960.

Святогорского монастыря Федора³⁵, статьи валашских бояр Раду и Петрашку об условиях признания Валахией русского сюзеренитета³⁶, о приезде их в 1675 г. в Москву с просьбой освободить Молдавское княжество и Валахию от турецкой зависимости³⁷, материалы о приезде в Россию в 1697 г. валашского посла Георгия Кастроита³⁸, о пребывании в Москве валашского резидента Давида Корбя³⁹ и другие.

О том, сколь необходимо многоплановое исследование памятников и сопоставление их данных друг с другом, свидетельствует неверная трактовка одного из источников — статей валашских бояр Раду и Петрашку об условиях признания Валахией русского сюзеренитета. Н. А. Моховым высказано мнение, согласно которому Раду (он назван Радулом) и Петрашку якобы были молдавскими послами, прибывшими в 1674 г. в Москву для переговоров о признании Молдавским княжеством русского сюзеренитета на предложенных ими условиях из 17 статей⁴⁰. При этом Н. А. Мохов ссылается на хранящийся в фонде Сношения России с Молдавией и Валахией перевод этих статей с польского языка, датированный 20 августа 1674 г.⁴¹ Но текст этого памятника не подтверждает мнения Н. А. Мохова. Свой оригинал переводчик именует статьями, «каковые прислали Мутьянские земли (Валахии.—Л. С.) бояре»⁴², и указывает, что статьи были подписаны «пово-лоски» Радулом, бывшим логофетом, и Петрашко, бывшим великим капитаном⁴³.

Румынский историк Т. Ионеску-Нишков установил, что авторами статей были валашские бояре, бывшие второй логофет Раду, а не Радул Нестурел, как предполагали

³⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1674 г., д. 1, лл. 1—109.

³⁶ Там же, 1674 г., д. 2, лл. 5—9.

³⁷ Там же, д. 2, лл. 11—30; 1674—1675 гг., кн. 2, лл. 79 об.—122 об.

³⁸ Там же, 1698 г., д. 1, лл. 1—505.

³⁹ Там же, 1702 г., д. 1, лл. 15, 32—44; 1704 г., д. 1, лл. 16—18 об.; д. 2, лл. 1—2 об.; д. 4, лл. 1—124; д. 11, лл. 1—5 об., 20—21; 1705 г., д. 1, лл. 6—12; д. 2, лл. 9—47 об.; д. 6, л. 2—2 об.; д. 7, л. 1; д. 8, лл. 10—17; 1707 г., д. 2, лл. 38—47; д. 3, лл. 57—58 об.; д. 4, лл. 26—27.

⁴⁰ Н. А. М о х о в. Указ. соч., стр. 112—113.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1674 г., д. 2, лл. 5—9.

⁴² Там же, л. 5.

⁴³ Там же, л. 9.

раньше историки, и великий капитан Петрашку⁴⁴. Вывод этого исследователя подтверждается и хранящимся в этом же фонде переводом с письма Раду и Петрашку, датированного 1 августа 1674 г.⁴⁵ Из содержания этого письма можно предположить, что оно было адресовано Николаю Спафарию. В нем Раду и Петрашку сообщали о передаче русскому резиденту в Варшаве написанных ими статей об условиях признания Валахией русского сузеренитета⁴⁶. Письмо подписано: «Радул, логофет Мултнянские земли. Петрашко, капитан той же земли. Писано в Варшаве августа в 1 день лета 1674-го»⁴⁷.

Следовательно, во-первых, статьи с 17 пунктами были написаны валашскими боярами, бывшими логофетом Раду и капитаном Петрашку не позднее 1 августа 1674 г. и относились к Валахии, а не к Молдавскому княжеству, как полагает Н. А. Мохов. Неправильно и определение их как статей «воловских бояр Радула и Петряшки», содержащееся в заголовке к публикации памятника в «Полном собрании законов Российской империи»⁴⁸.

Во-вторых, эти статьи были переданы русскому правительству через его резидента в Варшаве В. Тяпкина. В 1674 г. Раду и Петрашку не были послами в Москве. Послы от бывших господарей молдавского Штефана Петричейку и валашского Константина Шербана — Раду и Петрашку — прибыли в Москву в следующем 1675 г. для переговоров об освобождении Молдавского княжества и Валахии от турецкой зависимости⁴⁹.

В фонде Сношения России с Молдавией и Валахией сохранились также документы о приездах из Валахии тор-

⁴⁴ Тр. Iopescu-Nissov. Op. cit., p. 215—216.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Сношения с Молдавией и Валахией, 1674 г., д. 2, лл. 1—4.

⁴⁶ Там же, л. 1.

⁴⁷ Там же, л. 4. Мунтения — название восточной части княжества Валахии, расположенной к востоку от реки Олта. В делопроизводственных материалах Посольского приказа XVII — начала XVIII в. название «Мунтения» или «Мултнянская земля» распространялось на всю Валахию, а «мунтянский» или «мултянский» означало «валашский».

⁴⁸ «Полное собрание законов Российской империи», собр. 1-е, т. II. СПб., 1830, стр. 971—972. «Волохи», «волоский» в делопроизводственных материалах Посольского приказа XVII — первой половины XVIII в. означали «молдаване», «молдавский».

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1674 г., д. 2, лл. 11—24, 30; 1674—1675 гг., кн. 2, лл. 79 об.—86 об., 106—117 об., 120 об.—122 об.

говых посланцев Дементия Христофорова и Матвея Иванова в 1706 г.⁵⁰, Григория Грозова в 1707 г.⁵¹, Дементия Павлова в 1710 г.⁵², являющиеся важными источниками для характеристики официальных торговых отношений Валахии с Россией в начале XVIII в. Здесь же имеются документы, отражающие валашско-русские культурные связи этого времени⁵³.

Особую ценность для освещения русско-валашских связей конца XVII — начала XVIII в. представляет относящаяся к этому периоду обширная переписка между валашским господарем Константином Брынковяну и боярами Кантакузино, с одной стороны, и русским правительством — с другой. Сюда же примыкает и переписка между Давидом Корбя во время его пребывания в Москве и боярами Кантакузино. Некоторые письма полностью или частично опубликованы в издании «Письма и бумаги императора Петра Великого»⁵⁴. Большая часть переписки была опубликована в коллекции документов А. К. Стурдзы «К. Бранкован, князь Валахии, 1688—1714. Его правление и его эпоха»⁵⁵, изданной в 1915 г. в Париже по копиям с документов московских архивов и ставшей в настоящее время библиографической редкостью⁵⁶.

⁵⁰ Там же, 1706 г., д. 5, лл. 10—11 об.

⁵¹ Там же, 1707 г., д. 13, лл. 7—12.

⁵² Там же, 1710 г., д. 4, лл. 2—10 об.

⁵³ Там же, 1704 г., д. 11, л. 24—24 об.; 1707 г., д. 14, л. 1—1 об.; 1707 г., д. 4, л. 54; д. 12, л. 4—4 об.

⁵⁴ Петр I — Константину Брынковяну 30 апреля 1707 г. («Письма и бумаги императора Петра Великого», т. V, стр. 225, № 1699); Петр I — Константину Кантакузино 30 апреля 1707 г. (там же, стр. 266, № 1700); Г. И. Головкин — Константину Брынковяну 16 декабря 1706 г. (т. IV, ч. II, стр. 704, прим. к № 1143); Ф. А. Головин — Давиду Корбя 19 марта 1706 г. (там же, стр. 702, прим. к № 1143); Константин Кантакузино — Г. И. Головкину 15 мая 1707 г. (т. V, стр. 634—636, прим. к № 1700); Константин Брынковяну — Г. И. Головкину 15 мая 1707 г. (там же, стр. 634, прим. к № 1699); Константин Брынковяну — Петру I 24 февраля 1707 г. (там же, стр. 544, прим. к № 1629); Давид Корбя — Г. И. Головкину 20 июля 1707 г. (т. VI, стр. 219—221, прим. к № 1842); Константин Брынковяну — Г. И. Головкину август — сентябрь 1707 г. (там же, стр. 215—216, прим. к № 1841); Петр I — Константину Брынковяну 1 июля 1707 г. (там же, стр. 1—2, № 1841).

⁵⁵ A. C. Stougrand. C. Brancovan, prince de Valachie, 1688—1714. Son règne et son époque. Paris, 1915.

⁵⁶ Один экземпляр этого издания сохранился в библиотеке Института истории Академии Социалистической Республики Румынии. Характеристику этого издания и его содержания см.: Gh. C. (Саг-

Переписка до сих пор мало использовалась историками. Между тем она является интересным, разносторонним источником. Переписка содержит ценные сведения о действии Брынковяну и Кантакузино в пересылке через Валахию корреспонденций между русским правительством и его послом в Константинополе П. А. Толстым, об оказании ими русскому послу дипломатической, а в нужных случаях и денежной поддержки. Поскольку переписка между обеими сторонами была связана также с сообщением из Валахии ценных для русского правительства сведений о положении в Турции, письма Брынковяну и Кантакузино содержат многочисленные подробные данные об отношениях Турции с Россией, Крымом, Польшей, Швецией, Францией и другими странами. В письмах содержатся сведения о внутреннем положении Валахии, о положении угнетенных султаном христианских народов Балканского полуострова. Несомненно, что переписка валашского господаря и Кантакузино с русским правительством является ценным источником не только для освещения русско-валаших связей конца XVII — начала XVIII в., но и для истории международных отношений России, Турции и других стран.

Не меньший интерес представляют материалы другого фонда Посольского приказа — Сношения России с Грецией. Среди многочисленных документов о приездах в Россию греческого духовенства, послов, торговцев находятся дела о приезде в Москву архимандрита Исаи от валашского господаря Шербана Кантакузино с предложением заключения союза в борьбе против турецкого султана⁵⁷ и о посыпке русским правительством в Валахию грека Дементия Фомина с ответами на предложения валашского господаря⁵⁸. Здесь же имеются документы о приездах в Россию, наряду с греческими торговцами и духовенством, валашских и молдавских торговцев⁵⁹, характеризующие частные торговые связи Валахии с Россией в начале XVIII в. Сохранившиеся в этом фонде материалы произведенной в Посольском приказе в начале XVIII в. переписи всех живших в Москве греков обнаруживают наличие в это время

dași Gh.). Legături între Petru cel Mare și Constantin Brâncoveanu.—«Studii. Revistă de istorie», 1950, N 3, p. 169—177.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16, лл. 1—208.

⁵⁸ Там же, 1689 г., д. 2, лл. 1—103.

⁵⁹ Там же, 1700 г., д. 4, лл. 1—6.

в Москве валашских мастеров скорняжного дела⁶⁰. Этот материал позволяет раскрыть новые стороны русско-валашских культурных связей начала XVIII в.

В фонде Сношения России с Турцией содержится меньшее количество документов, относящихся к данной теме, но не менее интересных. В статейных списках русского посла в Константинополе П. А. Толстого имеются свидетельства об отношениях его с Брынковяну и Кантакузино, их содействии в его переписке с русским правительством и оказании ему дипломатической и денежной поддержки⁶¹. Кроме того, в этом фонде находятся материалы, относящиеся к периоду русско-турецкой войны 1711 г. Письма К. Ренне Петру I от 19 июля 1711 г., Г. И. Головкину от 23 сентября 1711 г. содержат данные не только о военных действиях русских войск в 1711 г., но ценные, хотя и косвенные, свидетельства о помощи местных жителей Браилы русским войскам во время штурма крепости войсками генерала Ренне⁶². Эти сведения очень важны, так как у нас почти нет источников, характеризующих отношение жителей Валахии к русским войскам.

Особого внимания заслуживает находящаяся в этом фонде переписка Брынковяну с киевским губернатором Д. М. Голицыным, а также переписка между Г. И. Головкиным, Б. П. Шереметевым и Д. М. Голицыным, относящаяся к 1712—1713 гг., когда до окончательного утверждения Прутского мира ухудшаются русско-турецкие отношения⁶³. Материалы этой переписки, связанной с пересылкой писем между русскими послами в Турции П. П. Шафировым, М. Б. Шереметевым и русским правительством, являются новым и необычайно интересным источником для освещения валашско-русских связей 1712—1713 гг., позволяющим углубить и расширить представление о политике Брынковяну по отношению к России.

Отдельные документы по истории русско-валашских связей конца XVII — начала XVIII в. имеются и в других фондах ЦГАДА.

⁶⁰ Там же, 1708 г., д. 2, лл. 6—16 об., 18, 26 об.—28 об.

⁶¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1704 г., кн. 3, лл. 289—295; 1707 г., кн. 3, лл. 120, 125—126, 147—147 об., 152, 182—183; 1708 г., кн. 2, лл. 124—126.

⁶² Там же, 1711 г., д. 6а, лл. 3—4, 19—19 об.

⁶³ Там же, 1712 г., д. 15, 16, 19, 20; 1713 г., д. 22, лл. 101—114 об., 122—141, 179—181, 195—196.

Важным источником для характеристики русско-валашских отношений конца XVII в. является сохранившееся в фонде Кабинета Петра Великого письмо валашского посла Георгия Кастириота русскому правительству с изложением плана совместных военных действий русских, валашских и молдавских войск в случае войны России с Турцией⁶⁴.

Находящиеся в фонде Разрядного приказа переписка севских таможенных властей с Разрядом и Приказом Большой казны о порядке взимания проезжих пошлин с торговых греков, молдаван и валахов, память из Разряда в Приказ Большой казны о выписке статей по сбору таможенных пошлин с греков, молдаван, валахов, едущих с товарами через Севск, выписки Приказа Большой казны из статей по сбору таможенных пошлин с торговых греков, молдаван, валахов⁶⁵ представляют новый любопытный материал, отражающий частные торговые связи Валахии с Россией в конце XVII в.

В работе использованы отдельные документы из фондов Сношения России с Австрией и Малороссийские дела⁶⁶.

Среди материалов фонда архива Оружейной палаты автором найден датированный 21 августа 1700 г. подлинник дела об изготовлении по указу Петра I кавалерского креста и принадлежностей к нему — черена к кортику, пояса с золотыми пряжками — для посылки Константину Брынковяну⁶⁷. Этот документ дает основание утверждать, что в 1700 г. Брынковяну был награжден Петром I орденом св. Андрея Первозванного. Между тем до сих пор историки относили это награждение к 1709 г.⁶⁸

Обращает на себя внимание имеющаяся в деле Оружейной палаты помета дьяка Алексея Курбатова: «Взять на

⁶⁴ ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 53, лл. 1117—1126. Опубл.: Н. Г. Устрилов. История царствования Петра Великого т. 3, прилож. № VII, стр. 477—478.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Севский стол, стлб. 329, лл. 24—36; Белгородский стол, стлб. 980, лл. 33—36; стлб. 1487, л. 14.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Австрией, 1701 г., д. 4; 1703 г., д. 4; ф. Малороссийские дела, 1700 г., д. 5.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Архив Оружейной палаты, № 396, 1700—1701 гг., оп. 1, ч. XXII, д. 34668, лл. 1—2.

⁶⁸ А. А. Кочубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, стр. 21—22; А. Г. Брикнер. Иллюстрированная история Петра Великого, т. 2, стр. 147; R. Constantinescu-Găsi. Op. cit., p. 163.

вышеозначенные дела деньги из неокладных приходов от расходу подьячего Андрея Беляева и велеть делать с поспешением»⁶⁹. Поспешность вызывалась тем, что кавалерский крест и принадлежности к нему должны были быть посланы Брынковяну с его послом Георгием Кастиотом. В архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ) в собрании И. Х. Гамеля сохранилась копия выписи от 2 августа 1700 г. о выдаче из Оружейной палаты денег на покупку золотых вещей для пояса к кортику, который предназначен «для посылки в подарки мултянскому господарю через посланника его Кастиота»⁷⁰.

Оба вышеназванных документа не только являются важными источниками для уточнения даты награждения Петром I Брынковяну орденом Андрея Первозванного, но свидетельствуют о большом значении, которое Петр I придавал установлению постоянных связей с Валахией уже в самом начале XVIII в.

Эти документы хранятся среди материалов для исследования Гамеля «О древних коронах, находящихся в Оружейной палате» — об орденах и регалиях, в частности об ордене Андрея Первозванного. Здесь же находятся черновые заметки, выписки, копии и отдельные подлинники документов Посольского приказа о связях с Россией Брынковяну, как одного из первых кавалеров этого ордена. Среди них подлинное письмо Николая Спафария-Милеску Ф. А. Головину от 1705 г. с сообщением о приезде грека Параксевы, посланного Ф. М. Апраксиным из Азова в Царьград, и о привозе им из Бухареста мастера каторги, подмастерья и кормщика⁷¹. Это один из немногочисленных документов, позволяющих говорить о наличии в России начала XVIII в. корабельных мастеров из Валахии. Из хранящихся в указанном фонде рукописных заметок Гамеля заслуживает внимания докладная записка Николаю I о дипломатических отношениях Брынковяну с Россией. На основе анализа архивных материалов Гамель высказывает здесь мысль о том, «что Бранкован, подозреваемый у нас в произвольном нарушении в 1711 году его обещания государю Петру Великому, не так виновен, как повествуют о том отечественные наши предания (основанные на указаниях врага его

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Архив Оружейной палаты, № 396, 1700—1701 гг., оп. 1, ч. ХХII, д. 34668, л. 1.

⁷⁰ Архив ЛОИИ, ф. Собрание Гамеля, оп. 3, № 21, лл. 79 об.—80.

⁷¹ Там же, л. 251.

Кантемира, перешедшего в 1711 году из Молдавии в Россию»⁷². В фонде Походной канцелярии кн. А. Д. Меньшикова хранятся относящиеся к 1712 г. письма Кастириота Б. П. Шереметеву, а также переводы писем, полученных Кастириотом из Валахии, письма Фомы Кантакузино Б. П. Шереметеву, Михаила Кантакузино Фоме Кантакузино и другие⁷³.

Для освещения валашско-русских связей 1712 г. в настоящей работе использованы также несколько документов Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА). В фонде Военно-ученого архива имеются копии писем 1712 г. Петра I и Г. И. Головкина Фоме Кантакузино и Михаилу Кантакузино. В условиях угрозы войны с Турцией в письмах выражалось стремление возобновить связи с Валахией, а через Михаила Кантакузино привлечь на русскую сторону сербов⁷⁴. Несмотря на то что копии этих документов были опубликованы Н. Иорга⁷⁵ и использованы А. А. Кочубинским⁷⁶, они малоизвестны историкам и представляют большой интерес для истории не только связей Валахии с Россией, но и внешней политики России в начале XVIII в. вообще.

Заканчивая обзор архивных материалов, использованных в настоящей работе, необходимо отметить два документа, хранящихся в Бухарестском государственном архиве Социалистической Республики Румыния. Это жалованные грамоты Брынковяну Святогорскому монастырю св. Павла от 1694 г., которые подтверждали монастырю и архимандриту Исаиे владения, принадлежавшие ранее Константину Балачану и отнятые у него за то, что он, находясь в 1689 г. в Вене, предал немцам Исаию, возвращавшегося из Москвы в Валахию⁷⁷. Грамоты являются важным источником, не только содержащим свидетельства о судьбе архимандрита

⁷² Архив ЛОИИ, ф. Собрание Гамеля, оп. 1, № 460, 4-я папка, л. 1.

⁷³ Там же, ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меньшикова, оп. 1, карт. 18, № 56, 285а; карт. 20, № 274, 275, 276а; карт. 21, № 976.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, отд. I, № 33, лл. 1 — 8.

⁷⁵ «Documente privitoare la familia Cantacuzino». Publ. de N. Iorga. Bucureşti, 1902, p. 264 — 273.

⁷⁶ А. А. Кочубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, стр. 95 — 97.

⁷⁷ Arhivele Statului Bucureşti, Condica m-rii Jijianul, пг. 723, f. 517—521. Копии этих документов были нам любезно предоставлены румынским историком Ш. Штефэнеску.

Исайи, посланного в 1688 г. в Москву валашским господарем Шербаном Кантакузино, но и служащим доказательством того, что уже в 1694 г. Брынковяну был сторонником сближения с Россией.

В работе использовано также значительное количество опубликованных источников, как русских, так и румынских. Большую ценность представляют материалы публикации, подготовленной совместно советскими и румынскими историками ⁷⁸. Здесь собраны как уже изданные, так и новые архивные документы, отражающие политические, экономические и культурные связи между Россией, Молдавским княжеством и Валахией с начала XV в. вплоть до 1711 г.

Громадный исторический материал для освещения отношений России с Валахией, а также целого ряда вопросов, непосредственно или косвенно связанных с настоящей проблемой, содержится в тексте и комментариях публикации писем и бумаг Петра Великого ⁷⁹.

Отдельные документы, касающиеся интересующей темы, имеются и в таких крупных публикациях, как «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» ⁸⁰, «Полное собрание законов Российской империи» ⁸¹.

В сборнике документов о Прутских событиях 1711 г. ⁸², журнале Петра Великого ⁸³, походном журнале 1711 г. ⁸⁴ представлен обширный материал, освещающий не только военные операции русских войск в период русско-турецкой войны 1711 г., но и отношения России с княжествами, в частности с Валахией, в это время.

⁷⁸ «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.». Документы и материалы в трех томах, т. I, 1408—1632. М., 1965; т. II, 1633—1673. М., 1968; т. III, 1674—1710 (находится в издательстве).

⁷⁹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I—VII (вып. 1). СПб., 1887—1918; т. VII (вып. 2) — т. XI (вып. 1—2). М.—Л., 1946—1964.

⁸⁰ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию», т. XI, 1672—1674 гг. СПб., 1879; т. XIII, 1677—1678 гг. СПб., 1885.

⁸¹ «Полное собрание законов Российской империи», собр. 1-е, т. I—IV, 1649—1712. СПб., 1830.

⁸² «Война с Турциею 1711 года (Прутская операция)». Под ред. А. З. Мышилевского. СПб., 1898.

⁸³ «Журнал или поденная записка блаженныя и венчнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира», ч. 1. СПб., 1770.

⁸⁴ «Походный журнал 1711 года». СПб., 1913.

Для характеристики русско-валашских связей 1712 г. большое значение имеют данные военно-походного журнала Б. П. Шереметева за 1711 и 1712 гг.⁸⁵

Румынские публикации содержат разнообразный материал по истории Валахии конца XVII — начала XVIII в., среди которого имеются и документы, представляющие интерес при изучении русско-валашских отношений этого времени.

В многотомной коллекции документов Е. Хурмузаки, получившей свое название по имени первого публикатора, собран огромный документальный материал по истории Румынии, начиная с XIV в. и кончая новым временем, из архивов почти всех стран Европы. В настоящей работе использованы материалы VI, IX (ч. 1) томов и первого тома приложений⁸⁶, отдельные документы из других томов, характеризующие внутреннюю историю Валахии и Молдавского княжества конца XVII — начала XVIII в., их взаимоотношения с Турцией, европейскими странами и непосредственно отражающие валашско-русские связи этого периода.

Меньший по объему, но не менее важный материал по интересующим нас вопросам находится в первом томе собрания «Актов и фрагментов, относящихся к истории Румынии», изданного Н. Иорга⁸⁷. Помещенные в собрании документы из архивов Парижа, Берлина, Лейпцига, Дрездена, Нюрнберга, Мюнхена в основной массе представляют собой донесения и письма представителей различных стран из Константинополя, Вены о событиях в Турции, отношениях ее с другими странами, о положении в Валахии и Молдавском княжестве. Из них к данной теме хронологически относится лишь небольшая группа документов первого тома. Однако эти документы, большая часть которых датируется 1711 г., представляют для нас особый интерес. В них имеются свидетельства о поведении валашского господаря Константина Брынковяну в период русско-турецкой войны 1711 г., углубляющие представление о валашско-русских связях 1711 г.

⁸⁵ Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. Под ред. А. З. Мышилаевского. СПб., 1898.

⁸⁶ «Documente privitoare la istoria Românilor». Culese de E. Hurmuza-ki, vol. VI, 1700—1750. Bucureşti, 1878; vol. IX (1), 1650—1747. Bucureşti, 1897; Supl. I, vol. I, 1518—1780. Bucureşti, 1897 (далее — Е. Hurmuza-ki).

⁸⁷ «Acte și fragmente cu privire la istoria Românilor». Publ. de N. Iorga, vol. I. Bucureşti, 1895.

В опубликованный Н. Иорга сборник документов по истории правления Брынковяну⁸⁸ вошли многочисленные донесения и письма представителей различных европейских стран из Константинополя о положении в Турции, Валахии и Молдавском княжестве, о взаимоотношениях валашского господаря с Портой, Габсбургами, о страшной казни, учиненной турками Брынковяну в 1714 г. В этих донесениях и письмах содержатся любопытные сведения о связях валашского кагая с русским послом в Константинополе, о поведении Брынковяну в 1711 г. и отношениях его с русскими.

Внутреннее положение Валахии в конце XVII — начале XVIII в. подробно отражено в документах пятого тома коллекции Н. Иорга «Материалы и документы, относящиеся к истории Румынии»^{89—90}.

Одним из ценнейших источников для изучения финансового положения княжества является книга записей доходов и расходов казны за 1694—1704 гг., опубликованная К. Д. Арическу⁹¹. В ней содержатся также данные о торговых связях Валахии с Россией в период правления Брынковяну.

Для освещения валашско-русских связей периода Михая Храброго (1593—1601), а также ряда вопросов, прямо или косвенно затрагивающих проблему русско-валашских отношений конца XVII — начала XVIII в., в настоящей работе использованы отдельные документы V, VI, XI томов большого собрания А. Вереша⁹², второго тома «Исторического архива Румынии», опубликованного Б. Хашдеу⁹³, и изданного П. Панайеску сборника документов, относящихся ко времени правления Михая Храброго⁹⁴.

Недостаточность валашского актового материала в значительной мере восполняется повествовательными источниками

⁸⁸ «Documente privitoare la Constantin Vodă Brîncoveanu, la domnia și sfîrșitul lui». Publicate cu o prefată N. Iorga. București, 1901.

^{89—90} «Studii și documente cu privire la istoria Românilor». Ed.

de N. Iorga, vol. V. București, 1903.

⁹¹ «Condica de venituri și cheltuieli a vîstieriei. De la leatul 7202—7212 (1694—1704)». Publ. de C. D. Aricescu. București, 1878.

⁹² «Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Tării Românești». Publ. de A. Veress, vol. V, VI, XI. București, 1932, 1933. 1939.

⁹³ «Arhiya Istorică a României». Publ. de B. P. Hâjdeu, tom II. București, 1865.

⁹⁴ «Documente privitoare la istoria lui Mihai Viteazul». Publ. de P. P. Panaitescu. București, 1936.

ками. Их источниковедческий анализ имеет важное значение для исследований отношений Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в.

Молдавская хроника Иона Некулче (1672—1745)⁹⁵ охватывает историю княжества с 1661 по 1743 г. Она является ценнейшим источником по внутренней и внешней истории Молдавского княжества второй половины XVII и первой половины XVIII в., а также по истории молдавско-русских и валашско-русских связей, в особенности периода русско-турецкой войны 1711 г.

Широкий кругозор хрониста позволяет ему описывать историю Молдавского княжества в связи с событиями, происходившими в соседних странах. Хроника Некулче содержит многочисленные сведения по истории Валахии, Польши, Турции, России и других стран.

Исследователями хроники установлено, что хронист начал писать ее после 1733 г., когда он уходит от общественно-политической жизни страны, в которой он принимал активное участие, занимая видные государственные должности^{96—97}.

В предисловии к своему труду хронист говорит: «До господаря Дуки Старого я писал по отдельным спискам, найденным кое у кого, и по услышанному от старых бояр, а от господаря Дуки Старого писал то, что знал сам и что произошло во время моей жизни»⁹³. Следовательно, часть хроники, начиная с 1684 г., представляет собой как бы мемуары современника и участника описываемых событий, что придает ей особенную историческую ценность.

Некулче принимал участие во всех операциях 1711 г. в качестве командующего молдавским войском, действовавшим в составе русской армии. Поэтому его описание этого периода в хронике отличается большой подробностью и достаточной хронологической точностью, что делает ее неза-

⁹⁵ Ion Neculce. *Letopiseșul Tării Moldovei și o samă de cuvinte*. Ed. de I. Iordan. București, 1955 (далее — Neculce). О списках, библиографии изданий и исследований см.: «Repertoriul manuscriselor de cronică interne sec. XV — XVIII. Privind istoria României». Înlocuit de I. Crăciun și A. Ilieș. București, 1963, p. 110—115 (далее — Repertoriul).

^{96—97} См. об этом подробно: N. Iorga. *Istoria literaturii românești*, vol. 2. București, 1928, p. 278—283; В. П. Коробан и Е. М. Руцкое. Летописец Ион Некулче. Жизнь и творчество. Кишинев, 1958, стр. 41—44

⁹⁸ Neculce, p. 101

менимым источником для всех историков, занимающихся вопросами, связанными с событиями русско-турецкой войны 1711 г.

Хроника Некулче представляет особый интерес для освещения валашско-русских связей этого периода.

Но при использовании ее данных мы должны учитывать систему взглядов автора, обусловленную его положением в обществе. Некулче не просто регистрирует факты, он выражает свое отношение просвещенного боярина к этим фактам. История для него есть результат воли бога, которую исполняют господари и бояре.

По своим политическим взглядам Некулче был противником турок, сторонником союза с Россией в борьбе за освобождение Молдавского княжества от турецкой зависимости. Симпатии к России пронизывают все его сочинение. Правление Димитрия Кантемира, заключившего союз с Петром I и предпринявшего попытку освободить княжество с помощью русского оружия от турецкой зависимости, занимает в хронике центральное место и описано с многочисленными подробностями.

При использовании данных хроники Некулче для характеристики русско-валашских связей конца XVII — начала XVIII в., и в особенности связей Валахии с Россией в 1711 г., необходимо учесть отношение хрониста к Константину Брынковяну и его политике. Некулче выражает недовольство по отношению к Брынковяну, стремившемуся к захвату молдавского престола. Как противник турок и сторонник союза с Россией в борьбе против султана, он справедливо осуждает нерешительность и колебание валашского господаря в отношении перехода на сторону русских в 1711 г. Но в дальнейшем изложении хронист проявляет тенденциозность по отношению к Брынковяну.

Некулче считает Брынковяну виновным в исходе Прутского сражения, неблагоприятном для России, Молдавского княжества, Валахии и других балканских народов. Поэтому, говоря о страшной казни, учиненной турками Брынковяну и его семье, хронист замечает, что бывший валашский господарь заслужил такое наказание⁹⁹. В отношении Некулче к валашскому господарю оказались отголоски вражды между Брынковяну и Кантемирами, с которыми он имел тесные связи.

⁹⁹ Ibid., p. 317—318.

Некулче повествует о связях Валахии с Россией еще задолго до 1711 г. Хроника содержит интересные сведения о связях господаря Шербана Кантакузино с Россией, дополняющие имеющиеся у нас свидетельства архивных материалов¹⁰⁰.

Хронист отмечает также тесные связи Брынковяну с Россией в период, предшествующий 1711 г. Говоря о связях молдавского господаря Михаила Раковицы с русскими, Некулче замечает, что не только он договаривался с Москвой, «но Брынковяну и вся Сербия еще раньше говорились с Москвой и надеялись на нее с часу на час с радостью»¹⁰¹.

Особого внимания заслуживает замечание Некулче о том, что Брынковяну обещал Петру I в случае войны России с Турцией предоставить продовольствие для русских войск и перейти на сторону русских с 30-тысячным валашским войском и 20 тысячами сербов¹⁰². Некулче сообщает, что Петр I послал Брынковяну 300 кошельков бань для заготовки продовольственных запасов¹⁰³. В исторической литературе эти обещания валашского господаря связывают обычно с заключением в 1709 г. тайного союзного договора между Петром I и Брынковяну¹⁰⁴. Текста договора и прямых указаний источников на заключение договора в 1709 г. нам не удалось найти.

Из замечаний Некулче неясно, когда и в какой форме были даны Константином Брынковяну обещания Петру I: в форме ли письменного договора или устного соглашения. Современный румынский историк И. Фокшеняну считает, что обещания Брынковяну Петру I не были «объектом письменного договора»¹⁰⁵.

Петр I в «пунктах» Б. П. Шереметеву и В. В. Долгорукому от 7 мая 1711 г., извещая о заключении письменного союзного договора с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром,

¹⁰⁰ Neculce, p. 178.

¹⁰¹ Ibid., p. 246.

¹⁰² Ibid., p. 264.

¹⁰³ Ibid., p. 266, 279.

¹⁰⁴ I. E g e l, Op. cit., S. 366; А. А. Ко ч у б и н с к и й. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, стр. 21—22; А. Г. Брикнер. Указ. соч., т. 2, стр. 147; P. Constantinescu-Iaș i. Op. cit., p. 163.

¹⁰⁵ I. F o c ș e n e a n u. Tratatul de la Luă și campania țarului Petru I în Moldova (1711).— «Studii privind relațiile româno-ruse», București, 1963, p. 27.

П е т р I

писал: «Тако же и мултятинской господарь вскоре таковыми же трактаты с нами обяжется»¹⁰⁶. Из этих слов Петра I следует, что к началу русско-турецкой войны 1711 г. он не имел письменного союзного договора с Брынковяну. В таком случае возможно, что обещания Брынковяну Петру I, о которых говорит Некулче, были результатом устного соглашения между ними.

Документы Посольского приказа о сношениях России с Валахией позволяют сделать некоторые интересные наблюдения в этом отношении. Грек Дементий Фомин, прибывший в марте 1689 г. из Валахии, куда он был послан русским правительством с ответом на предложения валашского господаря Шербана Кантакузино о признании Валахией русского суверенитета, в расспросных речах в Посольском приказе говорил, что новый господарь Константин Брынковяну устно заявил о своих надеждах на освобождение Валахии от турецкой зависимости с помощью России и обещал, в случае похода русских войск в Крым, выслать им навстречу 30-тысячное войско¹⁰⁷. Других упоминаний о количестве войска, которое Брынковяну обещал послать навстречу русским войскам, мы не нашли.

О готовности сербов, находящихся на службе у Габсбургов, перейти на сторону русских Брынковяну сообщал в письме к Г. И. Головкину от 28 июля 1709 г. Валашский господарь писал о приезде в Валахию сербского генерала Текели, который говорил, что в случае войны России с Турцией сербы в количестве 30—40 тысяч человек перейдут на сторону русских войск¹⁰⁸.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют говорить, когда Брынковяну обещал Петру I приготовить продовольствие для русских войск. О посылке же в Валахию денег с целью закупки продовольствия для русских войск Петр I писал Б. П. Шереметеву только 21 июня 1711 г.¹⁰⁹

Из приведенных свидетельств видно, что обещания Брынковяну Петру I, о которых говорит Некулче, относятся не

¹⁰⁶ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1. М., 1962, стр. 221, № 4436.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1689 г., д. 2, лл. 57—58.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1709 г., д. 3, лл. 47—50.

¹⁰⁹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 299, № 4535.

к одному времени и вполне возможно, что они не были связаны с заключением какого-то определенного соглашения между ними. Они были высказаны устно или в письмах в ходе постоянных отношений Валахии с Россией, установившихся в конце XVII — начале XVIII в.

Некулче подробно описывает попытки турок обличить валашского господаря в связях с Россией и лишить его престола¹¹⁰. С нескрываемой радостью он пишет о том смятении турецкого султана, которое вызвало вступление русских войск на территорию Молдавского княжества и переход Кантемира на сторону русских. В связи с этим Некулче описывает попытки султана через посредство Брынковяну предложить России мир¹¹¹. Это описание молдавского хрониста, наряду с русскими печатными источниками¹¹², содержит интересные данные о посредничестве валашского господаря между Россией и Турцией.

С симпатией рассказывает Некулче о валашском спафарии Фоме Кантакузино, перешедшем на сторону русских в 1711 г. При этом необходимо учесть, что симпатия хрониста к Фоме по мере повествования переходит в пристрастие, вызванное, по всей вероятности, родством с валашским спафарием¹¹³. Это приводит его к неправильному пониманию некоторых событий, связанных с именем Фомы Кантакузино. Так, например, решение русского командования послать корпус к Браиле Некулче связывает с предложениями Фомы Кантакузино¹¹⁴. В действительности же задачи этого корпуса определялись тактическим и стратегическим положением всей русской армии.

Особого внимания заслуживает описание Некулче браильских событий, имевших важное значение в развитии валашско-русских связей в период русско-турецкой войны 1711 г. И в этом повествовании снова проявляются симпатии хрониста к Фоме Кантакузино. Взятие русскими Браилы Некулче связывает только с именем Фомы Кантакузино,

¹¹⁰ Neculce, p. 257—258.

¹¹¹ Ibid., p. 279.

¹¹² «Походный журнал 1711 года», стр. 16, 50; «Война с Турциею 1711 года», стр. 254—255, № 35.

¹¹³ По материнской линии Некулче происходил из рода Кантакузино. Его мать Катерина была дочерью великого вистерника Иордаки Кантакузино и двоюродной сестрой валашского господаря Шербана Кантакузино (В. П. Коробан и Е. М. Руссов. Указ. соч., стр. 8).

¹¹⁴ Neculce, p. 279—280.

хотя указывает, что Петр I послал к Браиле генерала Ренне с корпусом и полком молдаван во главе с Кропотовым.¹¹⁵

Дату взятия Браилы Некулче не указывает, а пишет, что Фома занял Браилу на третий день после того, как достиг ее, и начал собирать продовольственные запасы и войска, чтобы выступить в Фальчи.¹¹⁶ Причем интересно его замечание о том, что сведения, отсылаемые Петру I из-под Браилы, перехватывались молдавским ворником Лупу и пересыпались великому везирю. «И москали не знали ничего, что взял Фома Браилу», — пишет Некулче¹¹⁷. Далее, повествуя об условиях мирного договора между Россией и Турцией, Некулче отмечает, что только во время мирных переговоров русские узнали о взятии Браилы, когда турки попросили вывести оттуда русские войска¹¹⁸.

Таким образом, из повествования Некулче следует, что крепость была захвачена русскими войсками до заключения мирного договора 12 июля 1711 г.

В подстрочном примечании к описанию браильских событий в русском переводе части хроники Некулче, освещющей период русско-турецкой войны 1711 г.¹¹⁹, приводятся данные другой молдавской хроники — Николая Костины — и указывается на взятие русскими Браилы 7 июля¹²⁰.

Сравнение этого перевода и подстрочных примечаний с румынскими изданиями хроник Некулче и Костины показывает, что перевод их на русский язык не всегда точен и требует осторожности при пользовании¹²¹. Так, в хронике Костины румынского издания называется дата взятия русскими Браилы 14 июля¹²². Правильность этой даты подтверждается русскими источниками. (Письмо К. Ренне Петру I

¹¹⁵ Neculce, p. 280.

¹¹⁶ Ibid., p. 282.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Ibid., p. 294.

¹¹⁹ Н. Г. Петр Великий на берегах Прута.— «Журнал Министерства народного просвещения», 1847, LIII, ч. I, стр. 29—76; ч. II, стр. 85—123.

¹²⁰ Там же, ч. II, стр. 87—88.

¹²¹ Переводы описаний событий 1711 г. в летописях Некулче и Костины сделаны с французского языка по изданию: «Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoïr de Pierre-la-Grand, Charles XII, St. Leszczynski, Démètre Cantemir et Constantin Brancovan». Par M. Kogalnicean, t. I—II. Jassi, 1845.

¹²² «Cronicele României seu Letopisețele Moldaviei și Valahiei». Ed. de M. Kogălniceanu, vol. II. București, 1872, p. 108.

от 19 июля 1711 г. о Браильской операции¹²³, русская реляция об атаке Браильской¹²⁴).

Между тем использование данных хроники Некулче по русскому переводу и недооценка русских источников, относящихся к событиям 1711 г., привели некоторых дореволюционных и советских историков к неправильным выводам о значении захвата русскими Браилы в решении султана начать переговоры с Россией¹²⁵.

Хронологическая неточность в описании браильских событий у Некулче обусловлена, вероятно, просто неточностью имевшихся у него сведений об этих событиях. Тенденциозность летописца по отношению к валашскому господарю проявилась в описании поведения Брынковяну во время браильских событий. Некулче пишет, что Брынковяну, услышав о предоставлении русскими войска Фоме Кантакузино, чтобы идти к Браиле, обиделся и все припасы, приготовленные им для русских в Фальчи, передал туркам. И как только русские войска вступили на территорию его княжества, говорит хронист, он отоспал им деньги, полученные для заготовки войска и продовольствия¹²⁶. Однако имеющиеся у нас другие источники показывают, что в действительности дело обстояло иначе.

Письма Брынковяну Г. И. Головкину и Кастроиту от 6 июля¹²⁷, письмо Ренне Брынковяну от 13 июля¹²⁸ свидетельствуют о том, что валашский господарь не был на стороне турок, ожидал освобождения русскими войсками Валахии и имел с ними связь.

Таким образом, сравнение данных хроники Некулче с данными других источников показывает, что, несмотря на большую полноту и хронологическую точность его описания событий 1711 г. в целом, отдельные сведения относительно валашско-русских связей неполны и неточны. Здесь не-

¹²³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1711 г., д. 6а, лл. 3—4.

¹²⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 37—38, № 4621.

¹²⁵ А. А. Коучубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, стр. 67; «Очерки истории СССР». XVIII век. Первая четверть. М., 1954, стр. 536.

¹²⁶ Neculce, p. 282.

¹²⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1711 г., д. 5, лл. 3—6.

¹²⁸ S. Callimachi. Un document inedit din anul 1711 privitor la colaborarea militară româno-rusă.—«Studii. Revistă de istorie și filosofie», 1950, N 3, p. 178—179.

обходимо учесть то обстоятельство, что Некулче был молдавским хронистом и о многом, что происходило в Валахии, писал по слухам.

Русско-валашские связи 1711 г. нашли отражение и в молдавской хронике Николая Костина (1660—1712 гг.), охватывающей историю Молдавского княжества в 1710—1712 гг.¹²⁹ В 1711 г. Костин занимал пост великого логопеда и был хорошо осведомлен о всех происходивших в то время событиях. Поэтому эта часть его хроники как описание современника содержит любопытные сведения по истории русско-турецкой войны 1711 г., молдавско-русских, а также валашско-русских отношений в это время.

Официальным историком-хронистом господаря Брынковяну был Раду Гречану.

Брынковяну стремился к созданию хроники, достойной культурного блеска его двора. Для этого требовался человек с большими знаниями и писательским мастерством. Его внимание привлек Раду Гречану. Гречану был образованным человеком своего времени, знавшим труды Демокрита, Платона, Аристотеля¹³⁰. Вместе со своим братом Шербаном Раду Гречану перевел на румынский язык Библию, которая была издана в 1689 г. в Бухаресте при господаре Шербане Кантакузино¹³¹. По указанию Брынковяну им были переведены греческие письма святого Иоана Златоуста, а также редактировался сделанный его братом Шербаном и молдаванином Анастасием Томайдул перевод Евангелия на румынский язык, изданный в 1693 г. в типографии митрополии Бухареста¹³². Работая над переводом Библии, Гречану занимался и историей, делая заметки для предисловия к Библии. Раду Гречану пытался написать историю Валахии от основания княжества до правления Брынковяну. Однако уже попытка составить хронологию первых валашских господарей оказалась неудачной. От-

¹²⁹ N. Costin. De domnia lui Nicolae Alexandru vodă.— «Cronicile României se și Letopisele Moldaviei și Valahiei». Ed. de M. Kogălniceanu, t. II. București, 1872, p. 70—117 (далее — Costin). О списках, библиографии изданий и исследований см.: Repertoriul, p. 96—100.

¹³⁰ N. Iorga. Activitatea culturală a lui Constantin-Vodă Brâncoveanu și scopurile Academiei Române, p. 164.

¹³¹ St. D. Greceanu. Scrisoarea lui Radu Logofetul cronicarul. București, 1904, p. 8—10.

¹³² A. D. Xepopol. Istoria Românilor din Dacia Traiană, v. VIII, p. 230.

существие датированных документов для ранней истории Валахии привело Гречану к ряду ошибок¹³³. Гораздо больший исторический интерес представляла написанная им история первых десяти лет правления Брынковяну, которая и привлекла внимание последнего. С 1698 г. Раду Гречану становится официальным хронистом валашского господаря и по его просьбе продолжает написание истории его правления.

Свою хронику Гречану неоднократно переделывал в зависимости от настроений двора, поэтому она имеет несколько редакций. Наиболее полные из них доходят до 1713 г.¹³⁴

Хроника Гречану представляет собой подробное описание истории правления одного господаря, Константина Брынковяну. Но официозность хроники не только в ее форме. Все события в ней освещаются под углом зрения взглядов господаря и интересов валашского двора. В условиях вражды боярских партий, возникшей еще в ходе борьбы Брынковяну за престол, господарь вознаграждал того историографа, который своим пером разил врагов и защищал его имя.

Принцип защиты интересов господаря и проводил Гречану. Полны злобы и страсти описания противников Брынковяну, например Константина Балачану, родственника Шербана Кантакузино, спафария Фомы Кантакузино и близких ему людей, перешедших вместе с ним на сторону русских в 1711 г.

Гречану не был сторонником союза с Россией. Он был представителем господствующего класса Валахии, находившегося на службе у турок. Хотя хронист и говорит о «любви и стремлении христианском» Брынковяну к русскому императору, однако он старается представить его политику в 1711 г. как мирную, как политику патриота, ставившего своей целью обеспечение безопасности Валахии как со стороны турок, так и со стороны русских¹³⁵.

Официальный тон хроники Гречану снижает ее историческую ценность как источника. Но при критическом подходе, учитывающем взгляды автора, условия и время

¹³³ Ibid., p. 227—228.

¹³⁴ О списках, библиографии изданий и исследований см.: Repertoriul, p. 172—178.

¹³⁵ R. Grecianu. Viața lui Constantin Vodă Brîncoveanu. București, 1906, p. 198 (далее — Grecianu).

написания, хроника Гречану может быть использована при изучении истории Валахии в правление Брынковяну.

В хронике содержатся свидетельства о социально-экономическом положении Валахии. Хронист описывает тяжелое финансовое состояние княжества в конце XVII — начале XVIII в.¹³⁶, связанное с усилением турецкой зависимости.

Хронист касается валашско-русских отношений только в связи с событиями русско-турецкой войны 1711 г. В хронике даже не упоминается о связях Брынковяну с russkimi до 1711 г. Это можно объяснить как взглядами самого хрониста, так и тем, что Брынковяну, боясь турок, сохранял свои отношения с russkimi втайне.

В отличие от Некулче Гречану описывает события 1711 г. и приводит свидетельства о валашско-русских отношениях этого времени главным образом в связи с событиями внутри Валахии, с действиями ее господаря Брынковяну. Поэтому хроника Гречану представляет для нас особый интерес. В ней содержатся такие данные о валашско-русских связях, которых мы не имеем в других источниках. Так, со злобой описывая переход спафария Фомы Кантакузино на сторону russkikh в 1711 г. как попытку скомпрометировать Брынковяну, Гречану называет бояр и служилых людей, перешедших вместе со спафарием к russkим.¹³⁷

В хронике Гречану содержатся любопытные свидетельства о распространении в Валахии russkimi войсками во время движения к Браиле манифестов с призывом оказать им помощь в снабжении продовольствием и объединиться для совместной борьбы с Турцией. Хронист замечает, что такой манифест был доставлен тайно знаменосцем Власием митрополиту Антиму Ивериану¹³⁸.

Особого внимания в хронике заслуживает то, что, будучи представителем господствующего класса, находящегося на службе у турок, Раду Гречану вынужден признать выступления жителей Валахии против турок во время штурма russkimi войсками Браилы¹³⁹. Эти свидетельства валашского хрониста являются исключительно важными, так как они являются почти единственными для освещения отношения жителей Валахии к russkим войскам в 1711 г.

¹³⁶ Grecianu, p. 72—73, 78, 92.

¹³⁷ Ibid., p. 200—201.

¹³⁸ Ibid., p. 206.

¹³⁹ Ibid., p. 213—214.

При критическом использовании хроники Гречану, учитывающем особенности ее как исторического источника, из нее можно почерпнуть также ряд других сведений по истории Валахии в правление Брынковяну и русско-валашских связей в этот период. Правление Брынковяну описано также в анонимной хронике, охватывающей события истории Валахии с 1688 по 1717 г.¹⁴⁰

Из содержания хроники ясно, что автор ее являлся представителем валашского боярства, поддерживавшего власть турок. Однако примечательно, что он вынужден признать усиление зависимости Валахии от власти турецкого султана в конце XVII — начале XVIII в. Автор описывает финансовый гнет турок, притеснения и грабежи турецких и татарских войск при переходах через Валахию и постоях, расходы княжества, связанные с обеспечением турецких крепостей продовольствием, тягловой и рабочей силой¹⁴¹.

Необычайно интересны замечания хрониста о том, что при следовании через Валахию турецких караванов с продовольствием для снабжения пограничных крепостей Брынковяну был обязан выставлять им военную охрану от «гайдуков» и «грабителей», скрывавшихся в горах¹⁴². Это, хотя и косвенное, признание хрониста, являвшегося представителем господствующего класса, свидетельствует о широком распространении в конце XVII — начале XVIII в. бегства крестьян, которые, будучи не в состоянии нести тяготы феодального гнета, дополнявшегося турецким, скрывались в горах и лесах, организуя гайдуцкие отряды.

Что касается валашско-русских связей, то автор хроники затрагивает их только при описании событий 1711 г. Он не был сторонником союза с Россией. Являясь последовательным защитником политики Брынковяну, автор хроники оправдывает его колебание и нерешительность в 1711 г., замечая, что он поступил правильно, сохранив верность Турции¹⁴³. Восхваляя политику Брынковяну, хронист противопоставляет ее политике бояр Кантакузино. Он резко обвиняет Фому Кантакузино за то, что он без ведома госпо-

¹⁴⁰ *Istoria Tării Românești de la octombrie 1688 pînă la martie 1717.* — In: «Cronicari munteni». Ed. M. Gregorian și E. Stănescu, vol. II. București, 1961, p. 275—352 (далее — «Cronicari munteni»). О списках, библиографии изданий и исследований см.: Repertoriul, p. 178—179.

¹⁴¹ «Cronicari munteni», v. II, p. 284, 293, 305, 307, 310, 336.

¹⁴² Ibid., p. 310, 312.

¹⁴³ Ibid., p. 339.

даря перешел на сторону русских, вызвав тем самым недоверие турок к Брынковяну¹⁴⁴.

К группе повествовательных источников надо отнести также описание Валахии итальянца Дель Киаро, жившего при дворе Брынковяну¹⁴⁵. Наряду с описанием географических условий, населения, нравов и обычаяев, Дель Киаро излагает политические события, происходившие в Валахии того времени. В его описании содержатся свидетельства, показывающие отрицательные последствия турецкой зависимости для экономики и населения Валахии¹⁴⁶. Приведенные Дель Киаро сведения о пребывании в Валахии того времени русских мастеров иконописи¹⁴⁷, о наличии в казне валашского господаря большого количества мехов, привезенных из Москвы¹⁴⁸, имеют важное значение при изучении валашско-русских торговых и культурных связей периода правления Брынковяну.

Таковы основные источники, представляющие в совокупности разнообразный и обширный материал для характеристики русско-валашских отношений конца XVII — начала XVIII в.

Отдельные части работы были опубликованы в советской периодической печати и в Социалистической Республике Румынии. Для настоящего издания они в значительной мере переработаны, дополнены, уточнены формулировки.

Автор приносит свою благодарность сотрудникам секторов истории СССР периода феодализма и истории стран народной демократии Института истории АН СССР, а также сотрудникам Института истории АН МССР, принялшим участие в обсуждении работы. За ценные советы и замечания, учтенные при окончательной подготовке монографии, автор выражает признательность А. А. Новосельскому, Е. М. Руссову, Н. А. Мохову, Ф. А. Грекулу, Л. Н. Пушкиреву, Е. П. Подъяпольской, В. П. Шушарину.

Автор благодарит румынских коллег из Института истории Академии CPP за помощь, оказанную при сборе материалов для монографии.

¹⁴⁴ «Cronicări munteni», v. II, p. 340.

¹⁴⁵ «Revoluțiiile Valahiei» de A.- Maria Del Chiaro (după textul reeditat de N. Iorga) în românește de S. Cris-Cristian. Iași, 1929 (далее— Del Chiaro).

¹⁴⁶ Ibid., p. 6, 8.

¹⁴⁷ Ibid., p. 53.

¹⁴⁸ Ibid., p. 122.

ГЛАВА I

Русско-валашские связи конца XVII — начала XVIII в.

1. Усиление турецкого гнета в Валахии

Распространение османских завоеваний на территории Юго-Восточной Европы привело к тому, что к началу XVI в. Молдавское княжество и Валахия оказались в зависимости от Османской империи. Господарь Мирча Старый (1386—1418), несмотря на успешную и решительную борьбу с завоевателями, в 1415 г. был вынужден признать вассальную зависимость Валахии от султана, согласившись на уплату харака.

В конце XVII — начале XVIII в. начавшийся еще ранее процесс разложения Османской империи, простиравшейся на огромной территории и господствовавшей на Средиземном море¹, привел к ухудшению ее внутреннего и международного положения. Слабое развитие производительных сил, рост фискального гнета подрывали и без того слабую экономику. Социальные волнения, экономический и финансовый хаос, усиление крупных феодалов и децентрализация государства приводили к постоянным политическим кризисам. Только с 1700 по 1711 г. сменилось не менее 10 великих визирей².

¹ I. Zinckisen. Geschichte des osmanischen Reichs in Europa, Bd. III. Gotha, 1855, S. 3 ff.

² M. A. Mehmet. Cronica lui Mehmed Raşid ca izvor pentru campania de la Prut (1711).— «Studii. Revistă de istorie», 1961, N 4, p. 921.

Несколько веков существования Османской империи не привели к экономической и политической консолидации покоренных земель. Она состояла из отдельных провинций, находившихся под управлением полуавтономных пашей, которые стремились к независимости от Константинополя. Кризис военно-ленной системы, повлекший за собой кризис турецкого военно-феодального государства в целом, вызвал упадок военной мощи империи. Поражение турок под Веной в 1683 г. свидетельствовало, по словам Маркса, о том, что «организация Турецкой империи находилась тогда в состоянии разложения и что уже за некоторое время до этого эпохи оттоманского могущества и величия быстро приходил конец»³.

Ряд военных неудач, последовавших после поражения под Веной, привел к дальнейшему углублению и обострению этого процесса. Прямыми следствием этих неудач были восстания в турецкой армии и в некоторых малоазиатских городах. Отступление турок из Венгрии в 1686—1687 гг. вызвало крупный мятеж в войсках. В Константинополе вспыхнуло очередное восстание янычарских частей, в результате которого султан Мехмет IV был свергнут с престола⁴. Выход из внутренних и внешнеполитических трудностей новый султан видел в военных авантюрах, в еще большем усилении эксплуатации покоренных народов. Жестоко подавляя освободительные движения в подвластных и зависимых странах, Турция стремилась всеми мерами укрепить в них свое господство.

Вассальная султану Валахия, как и Молдавское княжество, находилась в это время под угрозой превращения в обычный пашалык, управляемый турецким чиновником. Сопротивление сильного валашского боярства не позволило туркам осуществить это, но их вмешательство во внутренние дела Валахии усилилось. В результате неудач Османской империи в войне с Габсбургами, включения во владения последних Венгрии и Трансильваний и сокращения в связи с этим базы продовольственного снабжения огромной империи, поставки туркам стали для Валахии особенно тяжелыми в конце XVII в. Не случайно, что, описывая положение разоренного турками княжества под 1697 г., когда

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, стр. 262.

⁴ N. Iorga. Geschichte des osmanischen Reichs, Bd. IV. Gotha, 1911, S. 221—222.

турки потерпели поражение в битве при Зенте, валашский хронист Раду Гречану образно замечает, что в Валахии не осталось ничего, «ни одного быка, ни одной овцы, ни одной лошади»⁵.

В начале XVIII в. увеличился характ Валахии. Если в первые годы правления господаря Константина Брынковяну характ не превышал 273 кошельков бань («рингі»), то в 1703 г. он повысился до 500—520 кошельков бань⁶.

В письме Г. И. Головкину от 2 июня 1708 г. Константин Кантакузино, сообщая о тяжелом экономическом положении Валахии, писал, что турки «накладывают невозможны и сказать тяжкой характ и иные подати, которых никогда поныне таких не было...»⁷

Часто, нуждаясь в деньгах, султан требовал уплаты характа за год вперед. Так, в сентябре 1702 г. Брынковяну получил фирманс об уплате характа за следующий год⁸. А в сентябре 1704 г. Константин Кантакузино писал валашскому послу в Москве Давиду Корбя о прибытии в Валахию турецких чиновников с требованием характа за следующий год⁹.

Турки пользовались всеми предлогами и способами, чтобы, помимо характа, получать из Валахии дополнительные доходы. На финансовом положении княжества особенно тяжело оказывались частые перемены в Турции визирей и чиновников, каждый из которых требовал большие денежные суммы¹⁰.

Кроме характа, валашский господарь должен был подносить туркам многочисленные суммы в качестве «подарков» (пешкешей), которые шли на содержание султана и его приближенных во главе с великим визирём. Так, к празднику байрама было необходимо преподнести великому визирю 10 000 лей, 2500 лей жене султана, от 1000 до 500 лей вид-

⁵ Grecianu, p. 78.

⁶ Подсчет по данным источников: M. V e g z a. *Naraciu Moldovei și ţării Românești în sec. XV — XIX. — Studii și materiale de istorie medie*, II, 1957, p. 40—41.

⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 2, лл. 104 об.—105.

⁸ G. S. Ardeleanu. *Stiri privitoare la istoria ţărilor Române în corespondență împăratului Rusiei Petru I. — Studii și cercetări de istorie medie*, I, 1950, p. 190.

⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1704 г., д. 4, л. 119.

¹⁰ Там же, лл. 7 об.—8.

ным турецким чиновникам и, наконец, обычную дань на «поклон» крымскому хану¹¹.

Установленный турками порядок, когда при назначении нового господаря или продлении правления старого султану и турецким чиновникам уплачивалась определенная сумма (мукарер), позволял им получать большие дополнительные денежные доходы с Валахии и Молдавского княжества. Так, за 1694—1703 гг. мукарер Валахии составил 290 000 талеров¹².

Помимо уплаты за фирманс о возобновлении правления, валашский господарь был вынужден совершать частые поездки в турецкую столицу на «поклон» султану.

В 1703 г. Брынковяну получил вызов на «поклон» султану¹³. Ценой огромных денежных затрат (740 000 талеров¹⁴) валашскому господарю удалось удержаться на престоле. Результатом его визита в Адрианополь к султану было не только возобновление фирмана о правлении, но и увеличение харача¹⁵. В 1707 г. Брынковяну был вынужден снова ехать на «поклон» султану и истратить большую сумму денег, чтобы сохранить престол¹⁶.

Турецкий султан смотрел на Валахию как на свою «кладовую», снабжавшую огромную империю всем необходимым.

Валахия должна была поставлять нескончаемые стада овец, быков, коров, тысячи мер меда, воска, животного жира, снабжать всем необходимым турецкие пограничные крепости. Хронист Раду Гречану, описывая тяжелое положение Валахии в конце XVII — начале XVIII в., отмечал, что она должна была, помимо регулярных денежных по-винностей, уплачивать султану огромные суммы, поставлять большое количество лошадей, быков, овец, повозок с бы-

¹¹ N. Iorga. Prefață.— In: «Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu la domnia și sfîrșitul lui». București, 1901, p. XIX.

¹² Подсчет по свидетельствам источников: M. Berga. Variațiile exploatarii Tării Românești de către Poarta otomană în secolele XVI—XVIII.—«Studii. Revistă de istorie», 1958, N 2, p. 66.

¹³ Grecianu, p. 119; E. Hurtuzaki, IX (I), 1650—1747. București, 1897, p. 400—401.

¹⁴ Подсчет на основе свидетельств источников: M. Berga. Variațiile exploatarii Tării Românești, p. 65.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1705 г., д. 8, л. 15а; M. Berga. Națaciu Moldovei și Tării Românești..., p. 40—41; N. Iorga. Viața și domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu. București, 1914, p. 137.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1707 г., кн. 3, лл. 119—120.

ками, отправлявшихся в турецкие крепости в район Очакова. Хронист подробно описывает, как один за другим в Валахию прибывали турецкие чиновники всё с новыми и новыми фирмантами, один разорительнее другого. По словам хрониста, господарь и бояре не знали, какой указ султана выполнять раньше¹⁷. Автор анонимной хроники отмечает, что в 1695 г. валашский господарь получил указ о поставке туркам лошадей, повозок, быков¹⁸. 25 декабря 1695 г. по статье расходов казны записано о посылке в турецкую крепость Белгород (Аккерман) 12 тыс. ока масла и по тысяче ока визирю и муфтию¹⁹. В 1699 г. великому визирю было послано 6 тыс. ока масла, другим визирем — 1000, муфтию — 1700, каймакану — 1320, Юсуф-паше в Бендерах — 1000 ока²⁰. А в 1700 г. на турецкие нужды было израсходовано 11 756 ока масла²¹. В 1696 г. в Белгород было отправлено 300 быков²², а в мае 1698 г.— 1009 быков и еще 200 быков в августе того же года²³.

Помимо тягловой силы Валахия должна была поставлять рабочих для строительства турецких крепостей и военных сооружений. В 1704 г. при строительстве крепости возле Керчи турки потребовали с Валахии 250 работных людей²⁴. А в 1707 г. Брынковяну по приказу султана должен был выслать для укрепления турецкой крепости Бендерах 100 каменщиков, 200 плотников, 2000 носильщиков и 350 подвод²⁵. 10 июля 1707 г. Константин Кантакузино писал Давиду Корбя, что посланы работники в турецкие крепости Белгород, Тигину (Бендерах) и Темешвар, а в Белгород, кроме того, отправлено 2 тыс. войска для работы по укреплению сооружений крепости²⁶. 23 марта 1708 г. Кантакузино сообщал Г. И. Головкину о прибытии в Ва-

¹⁷ Grecianu, p. 72—73.

¹⁸ «Cronica munteni», vol. II. Bucureşti, 1961, p. 310.

¹⁹ «Condica de venituri și cheltueli a vîstieriei. De la leatul 7202—7212 (1694—1704)». Publ. de C. D. Aricescu. Bucureşti, 1878, p. 177—178 (далее — «Condica»).

²⁰ Ibid., p. 481—482.

²¹ Ibid., p. 571—572.

²² Ibid., p. 209.

²³ Ibid., p. 399, 427.

²⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1704 г., д. 4, л. 42 об.

²⁵ I. Engel. Geschichte der Moldau und Walachei. Halle, 1804, S. 364.

²⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 4, л. 50.

лахию турецкого чиновника для сбора «1500 работников и телег», необходимых на строительство по укреплению Бендер²⁷.

Большие разорения испытывало население во время постоев или переходов турецких и татарских войск через княжество. Так, в 1695 г. переход султана через Валахию обошелся княжеству в 124 738 талеров²⁸. А в мае 1696 г. Брынковяну получил приказ великого визиря собрать 100 тыс. кил продовольствия для турецких войск, которые должны были проходить через Валахию²⁹.

Не меньше разорений испытывало княжество и от постоев габсбургских войск, воевавших с турками в конце XVII в. и пытавшихся организовать в Валахии военную базу. Анонимная хроника описывает грабежи и хищения этих войск, останавливавшихся в Валахии на длительное время³⁰.

Турецкий гнет всей своей тяжестью ложился прежде всего на плечи крестьянства. Это признает даже хронист Раду Гречану, представитель господствующего класса³¹. В 1696/97 г. налогоплательщики Валахии были обложены 33 налогами³², а в 1698 г. в княжестве насчитывалось 38 разных налогов³³. Сумма всех этих налогов превышала платежную способность населения и тяжело отражалась на положении крестьянства.

Тяжесть налогов увеличивалась условиями самой фискальной системы. Взимание податей с населения производилось капитанами местностей, уездов³⁴. Установление общей суммы для массы налогоплательщиков и частота взимания порождали злоупотребления и произвол сборщиков по отношению к крестьянам.

²⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 2, л. 72 об.

²⁸ Данные источников: M. B e g z a. Variațiile exploatarii țării Românești, p. 65.

²⁹ Grecianu, p. 73.

³⁰ «Cronicari munteni», vol. II, p. 290.

³¹ Grecianu, p. 92.

³² Подсчет по казначейским записям: D. C. Giurescu. Anateftărul. Condica de porunci a vistieriei lui Constantin Brâncoveanu.—«Studii și materiale de istorie medie», V, 1962, p. 357—358.

³³ Подсчет по материалам книги записей казны: N. Chircă. Veniturile vistieriei lui Constantin Brâncoveanu după condica vistieriei.—«Studii și materiale de istorie medie», I, 1956, p. 228.

³⁴ A. D. Xeopor. Op. cit., p. 164.

Очень часто для поспешной уплаты требуемой турками суммы господарь брал деньги у крупных бояр, отдавая им на откуп налоги определенных уездов³⁵.

Пытаясь спастись от разорительных налогов, крестьяне бежали. Бегство, как форма классового сопротивления крестьянства усилившемуся феодальному гнету, стало довольно частым к концу XVII — началу XVIII в. Итальянец Дель Киаро, хорошо знавший жизнь Валахии того времени, писал о распространении бегства крестьян, которые не в состоянии были выполнять неограниченные фискальные требования³⁶. Крестьяне скрывались в лесах, горах, организуя гайдуцкие отряды. Автор анонимной хроники замечает, что леса и горы в области Чернецы были полны гайдуками, которые нападали на турецкие караваны с продовольствием, направлявшиеся в пограничные крепости³⁷.

Очень часто крестьяне бежали в села, привилегированные с фискальной точки зрения, а из пограничных областей — за границу. Молдавско-валашский порубежный договор 1706 г. содержал специальную статью о людях, перебегающих границу вследствие тяжелых поборов³⁸.

Бегство крестьян и вымирание населения от голода и болезней приводили к опустению ряда местностей. В таких случаях валашский господарь был вынужден вводить фискальную систему «рупта», т. е. подушную подать, существовавшую еще в XVII в. для незначительных привилегированных категорий населения, в том числе и для иностранных колонистов³⁹.

Вместо многочисленных податей устанавливался единый денежный налог, который уплачивался в четыре срока. Режим «рупта» жаловался населению определенной местности по договоренности с местным феодалом, поэтому и сумма его не была одинаковой для всех рупташей княжества⁴⁰.

14 января 1689 г. Брынковяну пожаловал населению села Флэмынзешти монастыря Арджеш режим «рупта».

³⁵ «Studii și documente cu privire la istoria Românilor». Ed. de N. Iorga, vol. V, București, 1903, p. 139.

³⁶ Del Chiaro, p. 6.

³⁷ «Cronicari munteni», v. II, p. 310.

³⁸ Изложение статьи со ссылкой на источник: S. Papacosteia. Contribuție la problema relațiilor agrare în Țara Românească în prima jumătate a veacului al XVIII-lea.— «Studii și materiale de istorie medie», III, 1959, p. 250.

³⁹ Ibid., p. 257.

⁴⁰ H. Chițcă. Op. cit., p. 217.

освободив его от более чем 20 регулярных податей, помимо непредвиденных, чтобы вернуть в опустевшее село жителей⁴¹. В 1699 г. такой же режим валашский господарь пожаловал населению монастыря Бреб⁴². Но под угрозой все учащавшихся побегов крестьян Брынковяну был вынужден провести в 1701 г. фискальную реформу, распространив режим «рупта» на все княжество⁴³. Временное ослабление турецких требований после заключения Карловицкого мира 1699 г. способствовало проведению реформы. Следствием упорядочения податной системы было сокращение доходов казны и иммиграция жителей южнодунайских областей, в частности сербов, в Валахию⁴⁴.

Однако кратковременное ослабление турецкого финансового гнета сменилось возросшими требованиями турок. В этих условиях казна была вынуждена в первые же годы после проведения реформы обращаться к пятой «четверти», т. е. взимать дополнительные налоги. Это были те же налоги, которые взимались еще до реформы. Так, уже в 1703 г. в эту пятую четверть входили четыре налога, существовавшие до реформы: налоги на «поклон» визирю, хану, калгесултану и сераскеру с войсками⁴⁵. А после 1703 г., когда Брынковяну был вызван на «поклон» к турецкому султану, платежи в пользу Порты возросли еще больше. Сообщая о бедственном положении Валахии, Давид Корбя писал Г. И. Головкину в 1706 г., «что никогда таким образом неизвестно. И то если всегда тако будет пребывать, не знаю, к чему придет сия христианская православная земля»⁴⁶.

Ограбление турками Валахии в конце XVII — начале XVIII в. приводило к подрыву экономики и производительных сил княжества, разорению народного хозяйства, сокращению национального дохода. В общей сложности из всего ежегодного дохода княжества лишь $\frac{1}{4}$ шла на внутренние нужды страны, остальные $\frac{3}{4}$ — турецкому султану в форме различных платежей и поставок⁴⁷. Если в на-

⁴¹ Свидетельство архивного документа: S. Paracoste a. Op.cit., p. 256.

⁴² Свидетельство архивного документа: ibid., p. 256—257.

⁴³ Grecianu, p. 105—106.

⁴⁴ Ibid., p. 176—177.

⁴⁵ «Condica», p. 699.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1706 г., д. 2, л. 12.

⁴⁷ Результаты подсчетов по данным источников: C. Giurescu și N. Dobrescu. Prefață.—In: «Documente și regeste privitoare la Constantin Brâncoveanu». București, 1907, p. XLII—XLIII.

чале XVII в. сумма всех ежегодных платежей Валахии в пользу Порты составляла в переводе на золото 100 тыс. дукатов, то за 1694—1703 гг. эта сумма достигла 218 714 дукатов⁴⁸.

Экономика и производительные силы княжества приходили в состояние упадка и застоя. Природные богатства оставались в недрах земли неиспользованными. Дель Киаро писал, что в Валахии залежи золота, серебра и других металлов скрыты в недрах земли от глаз алчных турок⁴⁹. Имея в виду не только Валахию, Маркс справедливо заметил, что «пребывание турок в Европе представляет собой серьезное препятствие для развития всех ресурсов, которыми обладает фракийско-иллирийский полуостров»⁵⁰.

Турки препятствовали и свободной торговле Валахии, захватив монополию на многие товары, в том числе на зерно⁵¹. Турецкие купцы, вытеснив итальянских, польских и купцов других стран, могли скупать за бесценок необходимые им товары. В результате усиливалась зависимость валашской торговли от Турции, что также отрицательно сказывалось на развитии экономики княжества.

Обострение противоречий внутри Османской империи и нарастание борьбы покоренных турками народов привели к росту религиозного антагонизма между мусульманами и христианами. В конце XVII — начале XVIII в. усилились проявления мусульманского религиозного фанатизма по отношению к христианским подданным, в частности к валахам. В письме Г. И. Головкину от 2 июня 1708 г. Константин Кантакузино писал о турецких притеснениях христианской церкви в Валахии, о насильственном обращении в мусульманскую религию целых деревень⁵².

Зависимость Валахии от Турции была основным тормозом для свободного экономического и общественно-политического развития княжества. Наш материал подтверждает выводы и наблюдения К. Маркса и Ф. Энгельса, сделанные в середине XIX в. главным образом на основе свидетельств,

⁴⁸ Подсчет по данным источников: M. V e g z a. Variațiile explu-
atării Tării Românești..., p. 62, 67.

⁴⁹ Del Chiaro, p. 8.

⁵⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 9, стр. 6.

⁵¹ S. Paracoste a. Op. cit., p. 238—239.

⁵² ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 2, лл. 104 об.—105.

которыми тогда располагала наука. Маркс и Энгельс неоднократно указывали на пагубные последствия турецкого владычества для экономической, политической и культурной жизни народов Балканского полуострова. Придавая большое значение их освобождению, Маркс и Энгельс отмечали, что все христианские народы Турции ждали помощи от России, относились к ней с большой симпатией⁵³.

Турки больше всего боялись усиления русского влияния в Валахии и вообще среди покоренных ими христианских народов. В письме Г. И. Головкину от 23 марта 1708 г. Константин Кантакузино писал, что турки «великой страхи имеют... в сердце своем от христиан, а наиначе от вас», «чтоб не было дружбы и миру между ими...», «чтоб не подняться на них...»⁵⁴. В этом же письме валашский стольник посыпал Головкину донесение своего резидента из Константинополя, из которого видно, что турки опасались привлечения и захвата русскими Валахии и Молдавского княжества, вследствие чего Россия получила бы, с одной стороны, Днестр, с другой — через Черкасск Черное море⁵⁵.

Поэтому турецкий султан подавлял всякое стремление Валахии к освобождению, особенно жестоко карая за связи с Россией и свергая неугодных ему господарей. Но следствием этого было усиление турецкой зависимости, которая и вынуждала валахов обращаться за помощью и защитой к России⁵⁶.

В конце XVII — начале XVIII в. одной из задач внешней политики России была борьба с Крымом и Турцией за выход к Азовскому и Чёрному морям. Решение этой задачи диктовалось не только необходимостью прекращения татарских набегов и укрепления южных границ, но и экономическими интересами господствующих классов, помещиков и купцов, их стремлениями увеличить свои земельные владения за счет южных степных районов для обеспечения новых рынков сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции, расширить внешнюю торговлю путем захвата выхода в Чёрное море. Внешняя политика рус-

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 9, 31—32.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 2, л. 74 об.

⁵⁵ Там же, л. 79—79 об.

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 32.

ского правительства отражала эти стремления господствующих классов⁵⁷.

Говоря об отношениях России с Турцией и народами Балканского полуострова, Маркс и Энгельс неизменно различали своекорыстные цели русского правительства во главе с дворянами-помещиками и объективные результаты его внешней политики для освободительной борьбы балканских народов⁵⁸.

Русское правительство рассматривало Валахию и Молдавское княжество как возможные опорные пункты в борьбе с Турцией за выход в Черное море. Поэтому оно стремилось укрепить свое влияние в этих княжествах и вообще на Балканах, охотно откликаясь на просьбы валахов и молдаван об оказании им помощи в освобождении от турецкой зависимости.

Однако, несмотря на своекорыстные цели, внешняя политика русского правительства на Балканах объективно имела прогрессивные последствия. Борьба России против Турции, подрывая турецкое господство на Балканах, создавала благоприятные условия для освободительной борьбы угнетенных султаном народов.

2. Развитие русско-валашских политических связей в XV — второй половине XVII в.

Первые свидетельства о существовании политических связей России с Валахией относятся к концу XV в.⁵⁹ Источники говорят о том, что в конце XV в. были случаи обмена послами между обеими сторонами. 29 июля 1488 г. в Польшу был отправлен боярин А. Карамышев с просьбой пропустить через польскую территорию в Валахию русских послов. Польский король обещал выполнить просьбу русского правительства⁶⁰. В 1538 г. русское правительство

⁵⁷ Подробное изложение внешнеполитических планов Русского государства в конце XVII — начале XVIII в. выходит за рамки данной работы.

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 241.

⁵⁹ Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 354, Вологодское собрание, № 169, лл. 118—119 об.

⁶⁰ Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. III. М., 1897, стр. 76.

через гонца Олябьева снова просило короля о пропуске послов в Валахию⁶¹.

Следующие свидетельства о русско-валашских связях относятся уже к концу XVI в., ко времени правления господаря Михая Храброго (1593—1601), когда появилась общая основа для установления более тесных по сравнению с предшествующим временем политических связей. В своей борьбе против Османской империи Михай Храбрый рассчитывал получить помощь Русского государства.

Известно, что к концу XVI в. перед внешней политикой Русского государства четко выделились три исторические задачи, перешедшие в XVII в.: во-первых, воссоединение земель братских народов Украины и Белоруссии; во-вторых, получение выхода к морю и, в-третьих, завершение борьбы с Крымом и установление безопасности южных границ. Выполнение этих задач должно было привести к столкновению с Османской империей, закрывавшей своими владениями выход России в Черное море и стоявшей за спиной Крыма. Со временем русско-польской войны за Украину, с середины XVII в., вопрос борьбы с Крымом для Русского государства перерос в вопрос борьбы с Турцией⁶².

Таким образом, в лице турок Россия и Валахия имели общего противника, что создавало в конце XVI — начале XVII в. предпосылки для установления политических отношений между обеими сторонами.

В январе 1594 г. габсбургский посол сообщал из Москвы императору о готовности русского правительства принять участие в антитурецкой борьбе⁶³.

Надеясь на поддержку Русского государства в борьбе с турками, Михай Храбрый стремился наладить дипломатические и военные связи с Москвой. В это время Украиной, через которую лежал путь в Москву, овладели поляки. Но Михаю Храброму удалось послать для переговоров с русским царем епископа Луку из Бузеу с просьбой о военной поддержке и денежной помощи в борьбе против турок⁶⁴.

⁶¹ Н. Н. Бантыш - Каменский. Указ. соч., ч. III, стр. 94—95.

⁶² А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. — Л., 1948, стр. 422—423.

⁶³ Е. Hurmuzaki, vol. XI. *Vicșurești*, 1900, p. 400.

⁶⁴ Письмо валашского митрополита Луки царю Михаилу Федоровичу с упоминанием о своем посольстве в Москву в 1596 г. см.: «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.», т. I, 1408—1632. М., 1965, стр. 269.

В июне 1596 г. Борис Годунов ответил Михаю Храброму грамотой, в которой извещал о получении его писем, посланных с Лукой, предлагал Валахии русское покровительство и защиту от всех врагов и сообщал также, что посыпает через Луку 500 золотых и 5 пар собольих мехов и серебристо-черной лисицы⁶⁵.

В донесении Иоана де Марини Поли из Алба-Юлии от 15—22 августа 1597 г. к императору, между прочим, говорилось о денежной помощи русского правительства Михаю Храброму для найма войск⁶⁶.

В последующие годы своего правления Михай Храбрый поддерживал связи с Россией. В 1599 г. валашские послы при дворе императора Рудольфа II Габсбурга встретились с русскими послами и просили передать Борису Годунову благодарность Михая Храброго за полученную помощь, желание его и в будущем иметь покровительство и помочь Русского государства⁶⁷.

Большую военную помощь Михаю Храброму в борьбе против турок оказывали запорожские казаки. В войсках валашского господаря были целые отряды наемных казаков⁶⁸.

Союз с Москвой, с казаками играл важную роль в планах Михая Храброго, в которых польские феодалы видели угрозу своим захватническим замыслам в отношении Валахии и Молдавского княжества⁶⁹. Поэтому они стремились воспрепятствовать связям валашского господаря с Рос-

⁶⁵ Отрывок из оригинала, хранящегося в румыно-русском музее Бухареста: M. M. Muzeul relațiilor militare româno-ruse dealungul veacurilor.—«Studii. Revistă de istorie și filosofie», 1952, N 2, p. 82; см. также: V. Negrea. Relațiile lui Mihai Viteazul cu Rusia. București, 1946, p. 9; Al. Grecu [P. Panaitescu]. Mihai Viteazul și Rusia. O scrisoare inedită.—«Studii. Revistă de știință-filosofie-arte», 1948, N 4, p. 142—146.

⁶⁶ E. Hurmuzaki, vol. XII. București, 1903, p. 1261—1262.

⁶⁷ «Памятники дипломатических сношений древней России с Римскою империею», т. II (1594—1621). СПб., 1852, стр. 720—721; см. также «Исторические связи...», т. I, стр. 236.

⁶⁸ «Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Tării Românești». Publ. de A. Veress, vol. V. București, 1932, p. 321—323, 340—342; vol. VI. București, 1933, p. 21—22, 115—116; «Исторические связи...», т. I, стр. 232—233, 238, 241, 324—325.

⁶⁹ «Documente privitoare la istoria lui Mihai Viteazul». Publ. de P. Panaitescu. București, 1936, p. 162—164; T. Holban. Din relațiile lui Mihai Viteazul cu rușii.—«Revista Istorică», 1935, XXI, p. 223—225; V. Negrea. Op. cit., p. 21.

сией. В марте 1600 г. польское правительство отказалось пропустить посла Михая Храброго в Москву⁷⁰.

Наряду с дипломатическими и военными отношениями, при Михаиле Храбром развивались и валашско-русские церковные связи⁷¹.

Во время правления Матея Басараба (1632—1654) связи Валахии с Россией расширяются. В сложной обстановке войн с Молдавским княжеством, когда его господарь Василий Лупу (1634—1653) при покровительстве Порты стремился захватить валашский престол и использовал с этой целью боярскую оппозицию внутри Валахии⁷², Матей Басараб попытался заручиться поддержкой России. В конце 1638 г. он направил с послом Иваном Петровым грамоту царю Михаилу Федоровичу с выражением дружбы и надежды на помощь⁷³.

Установление отношений с русским правительством имело важное значение для Матея Басараба также и в связи с планами организации широких антитурецких действий. Состоявшееся в 1644 г. примирение Матея Басараба с Василием Лупу благоприятствовало объединению Валахии, Молдавского княжества, Трансильвании и Польши для борьбы против турок, в которой должны были принять участие также болгары, сербы и другие угнетенные султаном народы⁷⁴.

В феврале 1645 г. через посла Павла Николаева Матей Басараб подтвердил желание поддерживать политические и торговые отношения с Россией⁷⁵. Русское правительство выразило готовность сохранять дружественные отношения с валашским господарем и содействовать торговле с Вала-

⁷⁰ V. Negrea. Op. cit., p. 22.

⁷¹ А. И. Яцимирский. Благотворительность русских государей в Румынии XVI—XIX вв.—«Русский вестник», 1899, май — июнь, т. 261, стр. 607—608.

⁷² О войнах между Валахией и Молдавским княжеством в 1637—1639 гг., их причинах см.: P. Răpătescu. Poziția internațională a Țărilor române.—In: «Istoria României», vol. III. București, 1964, p. 166—169.

⁷³ Текст грамоты см.: «Исторические связи...», т. II, 1633—1673, М., 1968, стр. 29—30.

⁷⁴ О создании антитурецкой лиги см.: P. Răpătescu. Poziția internațională..., р. 170—172.

⁷⁵ См. грамоту Матея Басараба царю Михаилу Федоровичу от 18 февраля 1645 г.: «Исторические связи...», т. II, стр. 140—141.

хий⁷⁶. С этого времени становятся частыми приезды в Россию валашских посланцев с целью покупки собольих мехов для Матея Басараба⁷⁷.

В 1648 г. началась освободительная борьба украинского народа под руководством гетмана Богдана Хмельницкого против гнета польских феодалов. В Богдане Хмельницком Матей Басараб увидел своего союзника в борьбе против султана. О планах Хмельницкого по организации антитурецкого восстания всех «православных христиан» валашский господарь узнал через иерусалимского патриарха Паисия, посетившего Валахию проездом с Украины⁷⁸. Арсений Суханов, сопровождавший в 1649—1650 гг. Паисия в Иерусалим, посетил Матея Басараба и вручил ему грамоту царя Алексея Михайловича⁷⁹. Источники говорят о существовании союзных отношений между Богданом Хмельницким и Матеем Басарабом. В статейном списке Арсения Суханова говорится, что 23 сентября 1650 г. к валашскому господарю прибыли «от гетмана Богдана Хмельницкого посол Иван да ясаул Григорей»⁸⁰. Послы русского правительства на Украину П. Протасьев и Г. Богданов 7 ноября 1650 г. в «вестовой» записке сообщали: «Писарь Иван Выговский сказывал, что мутьянской господарь з гетманом живет в большом совете и меж ими договор такой, что им друг другу во всяких мерах добра хотеть, а лиха никакова не мыслить. И против неприятеля стоять заодно и ратными людьми друг другу помогать, и тот договор меж ими закреплен душами и меж собою на том договоре присягали»⁸¹.

Воссоединение Украины с Россией (1654 г.) имело большое международное значение. В частности, оно послужило наглядным примером освобождения для угнетенных султаном народов, в том числе для жителей Валахии и Молдавии.

⁷⁶ См. грамоты царей Михаила Федоровича от 11 июля 1645 г. и Алексея Михайловича от 31 июля 1645 г. Матею Басарабу: «Исторические связи...», т. II, стр. 152—153, 157—159.

⁷⁷ Там же, стр. 169—170, 186—187, 206—207, 217, 228—229, 233—234; 371, прим. 120; 373—374, прим. 138; 376—377, прим. 146; 378, прим. 154; 381, прим. 159; 382, прим. 162.

⁷⁸ См. расспросные речи грека И. Остафьева от 11 января 1649 г. с сообщением о пребывании на Украине иерусалимского патриарха Паисия: «Воссоединение Украины с Россией», т. II, 1648—1651. М., 1953, стр. 123—126.

⁷⁹ См. статейный список А. Суханова: «Исторические связи...», т. II, стр. 220;

⁸⁰ «Воссоединение Украины с Россией», т. II, стр. 184.

⁸¹ Там же, стр. 461.

ского княжества, способствовало росту их симпатий к России. Воссоединение Украины с Россией приблизило границы Русского государства к Молдавскому княжеству и Валахии. В условиях начавшейся в 1654 г. войны с Польшей за освобождение украинских и белорусских земель русское правительство было заинтересовано в укреплении связей с Молдавским княжеством и Валахией. С одной стороны, оно рассчитывало отвлечь их от союза с Польшей, ослабив тем самым позиции польских магнатов, мечтавших о подчинении княжеств. С другой стороны, укрепление русского влияния в княжествах лишило бы Порту ее основных форпостов на одном из направлений наступления на Русское государство, а именно наступления на Украину.

В 1654 г. в Молдавское княжество и Валахию был направлен Г. Ф. Самарин с объявлением о воссоединении Украины с Россией и с предложением союза против Польши. В грамоте, посланной с Самарином валашскому господарю Матею Басарабу, указывалось, что Валахия и ее народ имеет единую с русскими православную веру, а «от Малая Русии от великого княжества Киевского не в дальнем разстоянии»⁸². Ссылаясь на существование связей Валахии с Россией еще при Михаиле Федоровиче, когда прибывали валашские посланцы «о всяких надобных делех», русское правительство предлагало Матею Басарабу установить отношения союза и взаимопомощи, в частности связаться с русскими воеводами, посланными во главе войска в Киев, и Богданом Хмельницким, оказывать им поддержку против Польши и информировать «о всяких порубежных делех» и польских планах. Русское правительство в свою очередь обещало оказывать Валахии поддержку, «держати нашу государскую милость и жалованье»⁸³. Грамота подобного же содержания была отправлена с Самарином молдавскому господарю Георге Штефану (1653—1658). Однако грамота была доставлена только молдавскому господарю⁸⁴. Встретившись с препятствиями на валашской границе, Самарин был вынужден вернуться в Молдавское княжество⁸⁵.

⁸² «Исторические связи...», т. II, стр. 241.

⁸³ Там же, стр. 242.

⁸⁴ См. грамоту Георге Штефана от 30 марта 1654 г. царю Алексею Михайловичу о получении царской грамоты: там же, стр. 246—247.

⁸⁵ Свидетельство архивного документа: Е. Б. Шульман. Русско-молдавские дипломатические сношения в 1654—1656 гг.—«Уче-

Начавшаяся после Матея Басараба частая смена господарей, борьба боярских партий за власть привели к ослаблению связей Валахии с Россией. В политических отношениях княжеств с Россией в середине XVII в. основную роль играло Молдавское княжество. Господарь Георге Штефан установил дипломатические связи с Россией и в 1656 г. вел с русским правительством переговоры об условиях признания Молдавским княжеством русского суверенитета⁸⁶. Во время переговоров с молдавскими послами сучавским митрополитом Гедеоном и логофетом Нянулом русское правительство проявило интерес к положению в Валахии и отношению ее господаря к России. Послы сообщили о дружбе Георге Штефана с валашским господарем Константином Шербаном (1654—1658), о поездке Гедеона в Валахию и приезде в Яссы валашского митрополита Игнатья⁸⁷. Русское правительство через послов просило Георге Штефана склонить Шербана к союзу с Россией. Послы заверили, «что и мултянский Константин воевода от Стефана воеводы не отстанет, потому что-де теснота будет какая мултянскому и ему-де опричь их детца негде»⁸⁸.

В 1655 г. в Валахии вспыхнуло восстание сейменов. Распространившись быстро среди других слоев армии, оно получило широкую поддержку крестьянских масс и городской бедноты. Восстание носило антитурецкий и антифеодальный характер и продолжалось в течение нескольких месяцев. Константин Шербан и бояре были вынуждены обратиться за помощью к трансильванскому князю Дьерду Ракоци II и Георге Штефанию. Объединенные военные силы

ные записки Бельцкого государственного педагогического института», вып. III, 1958, стр. 34.

⁸⁶ «Исторические связи...», т. II, стр. 244—245, 246—247, 249—253, 259—262, 270—271, 273—275; о русско-молдавских отношениях этого времени см. также: Е. Б. Шульман. Указ. соч., стр. 25—53; Н. А. Мухов. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961, стр. 102—108; Е. М. Руссов. Национально-освободительная борьба молдавского народа против турецких поработителей в XVI—XVII вв.— В кн.: «История Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1965, стр. 247—249; G. Bezeviconi. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). București, 1962, р. 90—95.

⁸⁷ Свидетельство архивного документа: Е. Б. Шульман. Указ. соч., стр. 47.

⁸⁸ Там же.

трансильванского князя, молдавского господаря и силистрийского паши с трудом подавили восстание^{88а}.

С самого начала сеймены установили связи с казаками Богдана Хмельницкого. В конце апреля 1655 г. к Хмельницкому была направлена делегация сейменов с просьбой о военной помощи восставшим⁸⁹. Отвечая послам сейменов, гетман говорил, что после завершения войны с Польшей он направится к Молдавскому княжеству и Валахии⁹⁰. Поддержка сейменов отвешала антитурецким планам Хмельницкого, но, занятый в войне с Польшей, он не мог оказать помощи восставшим.

Связи сейменов с казаками не прекратились и после поражения восставших в битве при Шопле 26 июня 1655 г. Ожидая помощи казаков, они готовились к новой борьбе. В середине августа в Валахию прибыло посольство казаков. В Валахии, Молдавском княжестве, Константинополе распространялись слухи о приближении к княжествам Богдана Хмельницкого с большим войском⁹¹.

Но отношение Хмельницкого к восставшим было двойственным. Осуждая действия Константина Шербана по ликвидации сейменов, являвшихся опорой в борьбе с турками и татарами, Хмельницкий как представитель зажиточного казачества в то же время отрицательно относился к выступлению восставших против бояр и господаря. В письме Константину Шербану от июля 1655 г. он выражал удовлетворение по поводу победы над восставшими⁹².

Лишившись опоры сейменов и боясь потерять престол, Константин Шербан в 1656 г. через греков Павла Кондратьева, Юрия Петрова, Николая Михайлова и Федора Изосимова послал в Москву грамоты с просьбой к русскому правительству о военной помощи против турок⁹³. Но в 1658 г. Шербан был низложен турками, господарем был назначен Михая III Раду (март 1658 — ноябрь 1659).

^{88а} Подробно о восстании 1655 г. в Валахии см.: Lidia Demény, L. Stoicescu. Răscoala seimenilor sau răscoala populară? 1655. Tara Românească. Bucureşti, 1968.

⁸⁹ Свидетельство опубликованного источника: Lidia Demény. Relațiile seimenilor cu cazaciî în timpul mișcării populare din 1655 în Tara Românească.— «Studii privind relațiile româno-ruse». Bucureşti, 1963, p. 6.

⁹⁰ Свидетельство опубликованного источника: ibid., p. 7.

⁹¹ Ibid., p. 10—11.

⁹² Ibid., p. 13.

⁹³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1656 г., д. 1, лл. 1—3.

В союзе с Дьердем Ракоци II⁹⁴ валашский господарь вел успешную борьбу с султаном, захватив несколько турецких крепостей на Дунае. Михая III установил связи с казаками и рассчитывал на их помощь в борьбе с турками⁹⁵.

Став временно молдавским господарем в ноябре 1659 г., Константин Шербан вместе с Михаилом III и Ракоци II направили в Москву своего посла архимандрита Парфения с просьбой оказать помощь в борьбе против турок и предложением присоединиться к их военному союзу⁹⁶. Русское правительство, зная политическую неустойчивость в княжествах и стремясь к сохранению мирных отношений с Портой, уклонилось от прямого ответа. Михая III, не сумев воспользоваться своими успехами в антитурецкой борьбе и не получив достаточной поддержки союзников, в ноябре 1659 г. бежал в Трансильванию. Отсюда в 1660 г. Михая направил письмо киевскому воеводе В. Б. Шереметеву с просьбой о военной помощи против турок⁹⁷. Но вскоре Михая III умер. Константин Шербан, спасаясь от турок, в конце ноября 1659 г. скрылся с отрядом около двух тысяч человек в г. Могилеве⁹⁸. В ожидании русской помощи он несколько раз направлял своих послов к В. Б. Шереметеву⁹⁹.

Надеясь при поддержке России не только возвратить себе престол Валахии, но и сделаться господарем обоих княжеств, Константин Шербан в 1660 г. направил для переговоров в Москву своих послов во главе с Некаем Степановым.

В грамоте царю Алексею Михайловичу, присланной с послами, Константин Шербан писал: «...Желаем обороны и помощи от вашей крепкой руки против врагов наших, с кем бы мог землю Молдавскую и Мутьянскую, истинные православные веры ревнительные, на вечную вашего цар-

⁹⁴ О союзных отношениях Михаила III с Дьердем Ракоци II: «Documente privind la domnia lui Mihail Radu (Mihnea III), culese mai cu seamă din arhivele Veneției». Publ. de Al. Ciorănescu, vol. XIII. București, 1934, p. 34.

⁹⁵ Ibid., p. 49, 52—53.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1660 г., д. 1, лл. 2—12.

⁹⁷ Там же, 1660 г., д. 3, лл. 6—7.

⁹⁸ Там же, д. 4, лл. 5, 6, 87.

⁹⁹ См. письмо Шербана В. Б. Шереметеву: «Исторические связи...», т. II, стр. 398.

ского величества славу из неволи освободити и наставити на первую красоту...»¹⁰⁰

Послы подали в Посольский приказ полученную ими от Шербана инструкцию, по которой они должны были вести переговоры с русским правительством. По первому пункту надо было склонить русское правительство оказать княжествам военную помощь против турок и «его, Константина воеводу, с теми землями и с людьми принять под свою государскую высокую руку в вечное подданство...»¹⁰¹ С этой целью во втором и третьем пунктах предписывалось просить русское правительство прислать «боярина своего» и «свое царского пресветлого величества знамя и булаву...»¹⁰² Посланцы доставили письмо Переяславского полковника Т. Е. Цышуры к царю Алексею Михайловичу с ходатайством об исполнении просьбы Константина Шербана¹⁰³.

Но в 1660 г. русское правительство не могло ответить положительно на просьбу Константина Шербана. Заключив мир со Швецией в 1660 г., Польша немедленно возобновила военные действия против России. В этих условиях русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Турцией. К тому же после вторичного кратковременного пребывания в течение месяца на молдавском престоле с января 1661 г. Константин Шербан не был господарем. В Молдавском княжестве снова утвердился Штефаница Лупу (1659 ноябрь 21—1661 январь 17, 1661 февраль — 19 сентября), а после него Еустратий Дабижя (1661—1665). Валашский престол занял Георге Гику (1659—1664). Послам Шербана был дан ответ, что указ о делах, с которыми они прибыли к русскому правительству, послан киевскому воеводе В. Б. Шереметеву, который сообщит его Шербану.

В. Б. Шереметеву в Киев была послана грамота, в которой ему предписывалось сообщить, «что нам, великому государю, воеводу их Константина под нашу царского величества высокую руку в подданство принять нельзя, потому что он, Константин воевода, подданной турского султана, а у нас, великого государя, с турским султаном друж-

¹⁰⁰ «Исторические связи...», т. II, стр. 319.

¹⁰¹ Там же, стр. 322.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, стр. 397, прим. 226.

ба и любовь давная»¹⁰⁴. В грамоте сообщалось, что через Ю. Хмельницкого получены сведения о назначении султаном в княжествах других господарей. В. Б. Шереметеву предписывалось лично связаться с Хмельницким и узнать о подлинности этих сведений¹⁰⁵.

Порта, подстрекаемая Швецией и недовольная условиями Андрушовского перемирия, заключенного в 1667 г. между Россией и Польшей, начала активные действия на Украине, вступив в переговоры с гетманом Правобережной Украины П. Дорошенко¹⁰⁶. Обеспечив поддержку Дорошенко, который в 1668 г., спровоцировав убийство гетмана Левобережной Украины И. Брюховецкого, объявил себя гетманом всей Украины и принял турецкое подданство, султан начал в 1672 г. войну с Польшей за украинские земли.

Вторжение турок на территорию Правобережной Украины и поражение польских войск заставило русское правительство выступить с предложением об организации общеевропейской антитурецкой коалиции и оказании помощи Польше. В сентябре-октябре 1672 г. были направлены послы с грамотами ко всем европейским дворам¹⁰⁷. Предложение русского правительства не встретило поддержки европейских государств. После захвата турецкими войсками 22 октября 1672 г. крепости Каменец-Подольск Польша была вынуждена пойти на перемирие, уступив туркам Правобережную Украину и Подолию.

Но население Правобережной Украины не желало власти турецкого султана. В 1673 г. военные действия возобновились. Коронный гетман Польши Ян Собесский нанес турецким войскам поражение под Хотином. Русское правительство также приняло меры для защиты украинского населения.

Войска под командованием князя Гр. Гр. Ромодановского и казаки гетмана Левобережной Украины Ивана Са-

¹⁰⁴ Там же, стр. 400, прим. 235.

¹⁰⁵ Там же, стр. 401.

¹⁰⁶ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв.—«Ученые записки Московского университета», вып. 94, т. II. М., 1946, стр. 109—110.

¹⁰⁷ О посольствах П. Менезиуса к императору, А. Виниуса в Англию, Францию, Испанию и Е. Украинцева в Швецию, Данию, Голландию см.: Н. Н. Бантыш-Каменский. Указ. соч., ч. I. М., 1894, стр. 24, 120—121, 188.

мойловича перешли Днепр и были радушно встречены жителями Правобережной Украины, которые отказывались от изменника Дорошенко и готовы были признать гетманом Ивана Самойловича. Дорошенко, разбитый русскими и украинскими войсками, укрепился в крепости Чигирин.

Дипломатические шаги русского правительства по созданию антитурецкой коалиции, а также военные действия русских войск против турецкого подданного Дорошенко вызвали у жителей Молдавского княжества и Валахии надежды на возможность русско-турецкой войны, в результате которой, выступив вместе с русскими, они смогут освободиться от власти султана. Весть о прибытии русских войск князя Ромодановского к Днепру и выступление против Дорошенко была с радостью встречена в княжествах.

Торговец из Ясс Николай Иванов в расспросе в Киеве в 1673 г. говорил, что люди, «которые живут около реки Дуная, обрадовались и бога молили, чтоб великого государя ратные люди пришли к Волоской земле против турков воиною, а как-де придут, и они хотели, соединясь с великого государя ратми, итти против турков воиною заодно для того, что они у турского салтана в великой неволе»¹⁰⁸.

По свидетельству киевских жителей, ездивших в 1673 г. в Молдавское княжество для сбора сведений о действиях турок, «воловхи и мутьяне, и греки, и сербы молят бога беспрестанно, чтоб великого государя ратные люди или поляки пришли к Волоской земле на турков воиною, а как придут, и они великого государя ратным людям и полякам учнут помочь чинить и пойдут на турков воиною заодно, потому что им от турков великая налога»¹⁰⁹.

Стремление с помощью России освободиться от турецкой зависимости выражали отдельные господари и бояре.

В феврале 1674 г. в Москву прибыл посланец молдавского господаря Штефана Петричейку (1672 август 10—1673 ноябрь, 1673 декабрь — 1674 февраль, 1683 декабрь — 1684 март) и бывшего валашского господаря Константина Шербана игумен Святогорского монастыря Федор с просьбой о помощи в борьбе против турецкого султана за осво-

¹⁰⁸ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию», т. XI. СПб., 1879, стр. 277—278 (далее — АЮЗР).

¹⁰⁹ Там же, стр. 299.

ождение обоих княжеств¹¹⁰. В грамоте царю Алексею Михайловичу, присланной с Федором, Штефан Петричейку Константин Шербан писали о тяжелом положении обоих княжеств под «игом рабским у неверных» и просили военной помощи против татар и турок, «дабы милостию божией и пресветлым счастием вашего царского величества збавилися бы от ядовитого змия»¹¹¹. В грамоте сообщалось, что турки возлагают большие надежды на татар и Дорошенко и что если русские войска выступят против атар и Дорошенко, то «великую помочь все страны христианские от вашего царского величества имети будут»¹¹². Частно игумену Федору было поручено сообщить русскому правительству, что «они, господари, с Волоскою и Мултанскою землями хотят быть у великого государя в подданстве»¹¹³.

Условия, на которых княжества соглашались признать русский суверенитет, были следующие: русское правительство будет оборонять их своими военными силами от турок и татар, а они будут платить небольшую дань русскому правительству и помогать своим войском¹¹⁴.

В расспросе в Посольском приказе игумен Федор говорил, что с Польшей господари не имеют союза и оказывают ей военную помощь только по ее просьбе¹¹⁵.

Особую грамоту русскому царю прислал Константин Шербан. В своей грамоте он сообщал о тяжелом положении княжества, об увеличении турецкой дани, о поруганиях турок над жителями Валахии. Шербан писал, что в борьбе против «неверных» валахи ни от кого не имеют помощи, и просил, «дабы царское твое величество изволил подати нам силу и помочь и избавити христиан от порабощения и от неволи бусурманские»¹¹⁶.

¹¹⁰ Краткое описание посольства игумена Федора с использованием архивных материалов см.: Н. А. М о х о в. Указ. соч., стр. 110—112; упоминание о посольстве: Е. М. Р у с с е в. Указ. соч., стр. 249—250; N. I o g g a. *Histoire des relations russo-grecques*. Jassy, 1917, p. 92; G. B e z v i c o p i. Op. cit., p. 100.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1674 г., д. 1, лл. 1,5.

¹¹² Там же, л. 9.

¹¹³ Там же, л. 15а.

¹¹⁴ Там же, лл. 16—17.

¹¹⁵ Там же, л. 16.

¹¹⁶ Там же, лл. 39—42.

Несмотря на то что Шербан не был в это время господа
рем, участие его в переговорах представляет интерес для
истории валашско-русских связей второй половины XVII в.
Константин Шербан представлял ту часть валашского бояр-
ства, которая ориентировалась в освобождении княжества
на Россию. Будучи вынужденным бежать из Валахии от
преследований турок, он, однако, не оставлял своих планов
освобождения княжества с помощью России и возвращения
престола. И вот в 1674 г. вместе с молдавским господарем
Штефаном Петричейку он обращается через игумена Федо-
ра к русскому правительству с просьбой об оказании воен-
ной помощи.

Игуменом Федором было доставлено письмо патриарху
московскому Йоасафу от молдавского митрополита Досифея
с просьбой о ходатайстве перед царем об оказании помощи
княжествам¹¹⁷. Подобные письма с просьбой о ходатай-
стве были присланы Николаю Спафарию от Штефана Пет-
ричейку и Константина Шербана, от молдавского митропо-
лита Досифея, от молдавского гетмана и всех бояр¹¹⁸. Ни-
колай Спафарий, игравший большую роль в укреплении
связей Молдавского княжества и Валахии с Россией в
конце XVII — начале XVIII в., выступил в 1674 г. по-
средником в молдавско-русских переговорах.

На просьбу Штефана Петричейку и Константина Шер-
бана русское правительство ответило грамотой от 10 марта
1674 г., в которой сообщало, что оно «похваляет» их за
желание признать русский суверенитет и всегда имеет о
всех православных христианах «попечение неотменное»¹¹⁹.
Русское правительство соглашалось взять под свою защи-
ту Молдавское княжество и Валахию при условии, что они
не являются подданными Польши¹²⁰. Для этого предлага-
лось прислать «к нашему царскому величеству верных и
ближних людей духовного и мирского чину из бояр ваших
по человеку с достойными статьями..., на которых статьях
могли бы с нашими царского величества с ближними думными
людьми о подданстве вашем договор учинить»¹²¹. Одновре-
менно русское правительство извещало о посылке своих

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1674 г.,
д. 1, лл. 33—34.

¹¹⁸ Там же, лл. 49—53, 54—58.

¹¹⁹ Там же, лл. 65—66.

¹²⁰ Там же, л. 72.

¹²¹ Там же, л. 73.

войск под Азов с целью отвлечь турецкие и татарские войска от княжеств, а также о посылке войск князя Гр. Гр. Ромодановского на правый берег Днепра против Дорошенко, чтобы привести его в русское подданство¹²².

Однако переговоры 1674 г. о признании Молдавским княжеством и Валахией русского сузеренитета и оказании им военной помощи против турок и татар не дали положительных результатов. Русское правительство было заинтересовано в том, чтобы не осложнять свои отношения с султаном, тем более что политическая ситуация в княжествах была неустойчивой. Еще до отъезда из Москвы посланца Федора с ответной грамотой русского правительства стало известно, что по приказу султана татарские орды вступили на территорию Молдавского княжества. Господарю Штефану Петричейку и бывшему валашскому господарю Константину Шербану пришлось бежать в Польшу.

Турция больше всего боялась усиления русского влияния среди угнетенных ею христианских народов, в частности среди жителей Молдавского княжества и Валахии. Игумен Федор в Посольском приказе говорил, что султан строго приказал Дорошенко не пропускать никого из поляков, молдаван и валашов к русскому правительству¹²³. В 1674 г. султан предпринял необходимые меры, чтобы отвлечь княжества от союза с Россией. Угрозами и запугиванием, а также обещанием в течение 10 лет не взимать дани ему удалось укрепить свое влияние в Валахии и Молдавском княжестве, что было в это время особенно важно, так как Турция готовилась к войне с Россией за установление своего господства на Украине. Но обращения молдаван и валашов к русскому правительству продолжались.

В августе 1674 г. валашские бояре, бежавшие от турок в Польшу, бывшие второй логофет Раду и великий капитан Петрашку через русского резидента в Варшаве В. Тяпкина направили русскому правительству статьи из 17 пунктов условий, на основе которых Валахия могла бы признать русский суверенитет. Логофет Раду и капитан Петрашку представляли ту часть валашских бояр, которая в освобождении Валахии ориентировалась вначале на Польшу, но под влиянием ряда неудач польской армии в войне с султаном сменила свою ориентацию и начала искать поддержку у Рос-

¹²² Там же, лл. 67—68.

¹²³ Там же, л. 26.

ции. Этому способствовал и полученный через посла Федора положительный ответ русского правительства на просьбу о помощи и предложение о присылке доверенных людей со статьями об условиях русского суверенитета. Письмо валашских бояр со статьями из 17 пунктов и было ответом на это предложение русского правительства, изложенное в грамоте от 10 марта 1674 г.

Основным условием валашские бояре выдвигали освобождение княжества от турецкой зависимости с помощью русских войск и восстановление границ, существовавших до турецкого завоевания. Русскому царю предоставлялось право утверждать господарей, избранных валашскими боярами и духовенством. Помимо уплаты 10 тысяч червонных золотых при утверждении господаря, Валахия не должна платить никакой дани русскому правительству. За боярами и духовенством оставались старые «вольности». Валахия должна была пользоваться правом свободной торговли. Для защиты княжества на его территории должно находиться 10-тысячное русское войско, которое Валахия обязывалась содержать. Со своей стороны Валахия обязывалась оказывать поддержку России против ее неприятелей. Для связи с русским правительством в Москве должен быть валашский резидент¹²⁴.

Из содержания статей, предложенных в качестве условий подданства России, видно, что в них отражены интересы той группы крупного валашского боярства, которая, сменив польскую ориентацию на русскую, стремилась с помощью русских освободиться от турецкой зависимости и укрепить свое влияние в княжестве.

Неизвестно, какой ответ дало русское правительство на предложения валашских бояр. Но в августе 1675 г. те же валашские бояре Раду и Петрашку приехали в Москву с грамотами от бывших господарей — молдавского Штефана Петричейку и валашского Константина Шербана¹²⁵. В своей грамоте от 15 июля 1675 г. Штефан Петричейку и Константин Шербан сообщали о получении грамоты царя Алексея Михайловича от 10 марта 1674 г., присланной с послом игуменом Федором, и выражали сожаление, что не смогли прислать своих верных людей с условиями признания обоими княжествами русского суверенитета, так как

¹²⁴ ЦГАДА, ф. Сношения с Молдавией и Валахией, 1674 г., д. 2, лл. 5—9.

¹²⁵ Там же, л. 21.

татары и турки перерезали все пути, заняв Волынь, Подолию¹²⁶. Бывшие валашский и молдавский господари просили у русского правительства военной помощи против турок и татар, уверяя, что «как воинские люди придут, и в то время церковных чинов люди и бояря к вашему царскому величеству пойдут»¹²⁷.

Посланцы Раду и Петрашку устно в Посольском приказе объявили, что их послали бывшие господари, которые «скитаются по чужим странам, не имеючи государя себе», с просьбой «их из-под ига бусурманского обронить своими царского величества войски и принять под свою царского величества высокодержавную руку в вечное подданство, а они, господари, со обоими своими Волоскою и Мултянскою землями готовы его царскому величеству радеть и служить со всякою верностию»¹²⁸.

Посланцы говорили, что у польского короля они не будут просить о подданстве, так как «поляки народ вольной и в подданстве у себя за несогласием своим держать их не уметь»¹²⁹. Посланцы сообщили также в Посольском приказе, что турецкий султан не хочет продолжения войны с Польшей вследствие слабости своих военных сил, и потому, по их мнению, «ныне самое благополучное время над неприятелем в Украине победу и одоления искати»¹³⁰. Одновременно посланцы уведомили русское правительство о намерении турецко-татарских войск идти к г. Львову и о слабости войск польского короля, который, по их сведениям, через крымского хана предложил турецкому султану начать мирные переговоры на условиях, чтобы Каменец-Подольский, Подolia, Волынь и Правобережная Украина остались за Речью Посполитой¹³¹.

Сведения о польско-турецких отношениях, приведенные посланцами в расспросных речах в Посольском приказе, проливают свет на причины того, почему пропольская группа валашских и молдавских бояр сменила свою ориентацию. Захват турками и татарами Волыни и Подолии, внутренние противоречия и военная слабость Речи Посполитой, ее попытки договориться с султаном ослаб-

¹²⁶ Там же, 1674—1675 гг., кн. 2, лл. 88—89.

¹²⁷ Там же, л. 90.

¹²⁸ Там же, лл. 106 об.—107.

¹²⁹ Там же, л. 109.

¹³⁰ Там же, л. 112—112 об.

¹³¹ Там же, лл. 82—82 об., 84—84 об.

били надежды валашских и молдавских бояр на освобождение от турецкой зависимости с помощью Польши и заставили искать поддержку и помощь у русского правительства, развернувшего вместе с украинскими войсками успешные военные действия на территории Правобережной Украины, в результате которых Дорошенко был вынужден присягнуть России.

Русское правительство отправило с валашскими посланцами грамоту к бывшим господарям, в которой сообщало о посылке войск князя Гр. Гр. Ромодановского для соединения и помощи польским войскам, войск князя Черкасского в Крым для отвлечения татар от военных действий с Польшей и войск князя П. И. Хованского под Азов¹³².

В самой общей форме говорилось, что они всегда могут надеяться на помощь, а стремление признать русский сузеренитет «для единые православные христианские веры содержати бы непреложно, а мы, великий государь наше царское величество, будем вас имети в нашей государской милости всегда непременно»¹³³.

Уклончивый ответ русского правительства был обусловлен, конечно, тем обстоятельством, что Штефан Петричейку и Константин Шербан не были господарями. Порта усилила свое влияние в княжествах и готовилась к войне с Россией. Поэтому русское правительство отнеслось с осторожностью к просьбе бывших молдавского и валашского господарей.

Переговоры 1675 г. в исторической литературе не освещались. Между тем они были продолжением переговоров 1674 г. Хотя переговоры 1675 г. не были официальными переговорами Молдавского княжества и Валахии, но они представляют интерес, так как в них нашли отражение настроения определенных кругов молдавского и валашского боярства, стремившихся путем признания русского суверенитета добиться укрепления своей власти и влияния в княжествах.

Сведения, сообщенные валашскими посланцами в 1675 г. в Посольском приказе о польско-турецких отношениях, о намерении польского короля через крымского хана договориться с турецким султаном, в 1676 г. полностью подтвердились.

¹³² ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1674—1675 гг., кн. 2, лл. 99 об.—104.

¹³³ Там же, л. 104—104 об.

Под воздействием французской дипломатии польский король Ян Собесский склонял султана и крымского хана к войне с Россией, согласившись на унизительный для Польши договор с Турцией.

В 1676 г. в Журавне был заключен договор, по которому Польша уступала Турции на вечные времена Подолию с Каменец-Подольском и Заднепровскую Украину, кроме Белой Церкви. Россия не признавала условий Журавнинского договора, считая Правобережную Украину своей территорией, и держала там войска. Между Россией и Турцией назревала война из-за Украины.

Готовясь к войне, Порта вошла в соглашение с Англией и Францией, которой оказывала содействие и Швеция¹³⁴.

Русское правительство усилило свои войска для защиты Левобережной Украины и Киева и одновременно вело переговоры с европейскими державами о совместной борьбе против турецкой агрессии.

В 1676 г. начались военные действия, сосредоточившиеся в основном около важнейшего политического и стратегического центра Правобережной Украины—крепости Чигирин. Первый период войны (1677 г.) закончился успехом русских и украинских войск и отступлением турецко-татарских войск. Султан начал усиленные военные приготовления для нового наступления на Украину. Военные расходы, как всегда, тяжелым бременем легли на жителей Молдавского княжества и Валахии. По свидетельству сотников киевского полка, турецкий султан приказал молдавскому и валашскому господарям изготовить 60 тыс. тесниц, кирок, лопат, топоров, а в княжествах «такой тесноты никогда на людей не бывало, за подати бывают, водя по улице, покамест отдаст назначенное ему»¹³⁵. Приехавшие в Киев торговые люди из Ясс рассказывали, что молдавскому господарю прислан указ от султана готовить на войско «4000 возов хлеба, 2000 волов, 1000 лошадей с возами»¹³⁶.

В период подготовки новых военных действий на Украине для русского правительства были очень ценные сведения о действиях Порты, о ее военных приготовлениях. Поэтому в 1678 г. по указу русского правительства гетман Иван Са-

¹³⁴ Н. А. Смирнов. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII веке.—«Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 99.

¹³⁵ АЮЗР, т. XIII. СПб., 1885, стр. 448.

¹³⁶ Там же, стр. 710—711.

мойлович направил посланца к молдавскому и валашскому господарям с просьбой присыпать известия о положении в Турции¹³⁷. В том же году турки возобновили военные действия на Украине, в результате которых овладели крепостью Чигирин, но не сумели развить свой успех и под напором русских и украинских войск вынуждены были оставить Украину.

Стремясь предотвратить возобновление военных действий и разорение турками Украины, русское правительство предприняло дипломатические шаги по созданию антитурецкой коалиции. В 1679 г. оно обратилось снова к польскому королю и императору с предложением организовать совместную оборону Юго-Восточной Европы от турецкой агрессии, но получило отказ. Одновременно в 1679 г. русское правительство направило султану грамоту с предложением мирных переговоров.

В 1680 г. начались русско-турецкие мирные переговоры, которые завершились в 1681 г. заключением Бахчисарайского мира.

Правобережная Украина осталась за Турцией. Согласие России на это условие объясняется, с одной стороны, обострившейся борьбой партий за власть внутри страны в период кратковременного царствования Федора Алексеевича, с другой стороны, международным положением России¹³⁸. Русское правительство понимало, что для успешной антитурецкой борьбы необходимо объединить усилия всех государств Юго-Восточной Европы.

3. Установление постоянных дипломатических отношений Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в.

Воспользовавшись обстановкой, создавшейся в связи с началом антигабсбургского движения во главе с Имре Текели (1678 г.), султан начал войну против Габсбургов. Перед лицом турецкой опасности Габсбурги заключили в 1683 г. союз с Польшей. Несмотря на поражение под Веной, Порта продолжала войну. Габсбурги и Польша искали союзников.

¹³⁷ АЮЗР, т. XIII, стр. 480—486.

¹³⁸ Н. А. Смирнов. Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII веке, стр. 104.

В 1684 г. к ним присоединились Венеция и Бранденбург, в результате чего создалась Священная лига для борьбы с турецкой агрессией.

В 1686 г. после долгих усилий на условиях превращения Андрусовского перемирия в «вечный мир» и вступления России в военный союз против султана был заключен русско-польский договор¹³⁹. Польша признавала Левобережную Украину с Киевом и Смоленск с окрестностями принадлежащими России, которая обязывалась послать свои войска в Крым против «общего неприятеля». В результате к 1686 г. состоялось то объединение всех европейских сил для борьбы с Турцией, о котором так упорно хлопотало русское правительство.

В 1678 г. господарем Валахии стал Шербан Кантакузино. В стремлении добиться признания наследственной власти Кантакузино в Валахии Шербан использовал трудности Турции в войне со странами Священной лиги. Валашский господарь с четырехтысячным войском в составе турецких соединений был вынужден участвовать в осаде Вены (1683 г.). В то же время Шербан Кантакузино помогал габсбургским войскам, сообщая им во время осады сведения о численности турецкой армии и ее движении. После поражения турецких войск под Веной валашский господарь вел секретные переговоры с императором. Подстрекаемый Габсбургами, Шербан готовил восстание всех балканских народов за освобождение из-под власти султана. Для этой цели он тайно собирал войска, в которые шли сербы, болгары и другие угнетенные турками народы. Его войско насчитывало от 35 до 40 тыс. человек¹⁴⁰. Как цену за сотрудничество валашский господарь просил императора Леопольда признания независимости княжества и наследственной власти Кантакузино не только в Валахии, но и Молдавском княжестве. Рассматривая Валахию как будущую провинцию империи, Габсбурги отказывались от признания наследственной власти Кантакузино в княжестве¹⁴¹.

Одержав победы над турками у Буды в 1686 г. и у Могача в 1687 г., Габсбурги раскрыли свои планы захвата Валахии.

¹³⁹ Н. Н. Бантыш-Каменский. Указ соч., ч. III, стр. 156—157.

¹⁴⁰ I. Engeli. Op. cit., S. 328.

¹⁴¹ Свидетельство анонимной хроники: «Cronicari munteni», vol. II, p. 281—282.

Стремясь противостоять захватническим планам Габсбургов, Шербан Кантакузино еще в 1686 г. вступил в переговоры с польским королем Яном Собесским. Вступление России в антитурецкий союз и предпринятые ею в 1687 и 1689 гг. два похода против крымских татар не только с целью выполнения союзнического долга, но главным образом для укрепления своих южных границ¹⁴², убедили валашского господаря в возможности получить поддержку русского правительства в борьбе против султана.

В 1688 г. Шербан Кантакузино направил в Москву архимандрита Афонского монастыря св. Павла Исаю с посольством, задача которого состояла в том, чтобы установить отношения с Россией¹⁴³.

16 августа 1688 г. архимандрит Исаи прибыл в обоз гетмана Мазепы. В своем письме к Мазепе Шербан просил оказать содействие архимандриту Исае и выражал ему свои дружеские чувства¹⁴⁴. Гетман отпустил Исаю в Москву¹⁴⁵, где он передал русскому правительству письма от патриарха Дионисия, валашского господаря Шербана Кантакузино и сербского патриарха Арсения.

Патриарх Дионисий в своем письме от 11 июня 1688 г. писал, что все «православные христиане» (сербы и болгары, волохи и мултяне) ожидают своего освобождения с помощью русских. Дионисий рекомендовал Шербана Кантакузино как «преправославного и благочестивого заступника

¹⁴² Г. К. Б а б у ш к и н а. Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг.—«Исторические записки», т. 33, 1950, стр. 165—166.

¹⁴³ Описание посольства Исаи на основе греческих статейных списков и рукописей петербургской синодальной библиотеки см.: Н. К а п т е р е в. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях. М., 1885, стр. 369—375 Материалы Каптерева были использованы С. Драгомиром: S. D r a g o m i r . Contribuții privitoare la relațiile bisericii românești cu Rusia în veacul XVII. București, 1912, p. 54—61. Упоминание о посольстве см.: С. М. С о л о в ь е в. История России с древнейших времен, кн. VII, т. 14. М., 1962, стр. 403—404; А. А. Ко ч у б и н с к и й. Сношения России при Петре первом с южными славянами и румынами, стр. 6—8; N. I o r g a . Histoire des relations russso-roumaines, p. 100; G. B e z v i c o p i . Op. cit., p. 114. Новые данные о посольстве Исаи см.: D. P l e s i a . Noi contribuții la cunoașterea legăturilor dintre Rusia și Tara Românească în veacul al XVII-lea. —«Biserica ortodoxă română», 1963, N 9—10, p. 951—958.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16, лл. 20—21.

¹⁴⁵ Там же, лл. 22—24.

и поборителя христиан», как «светильника православия» для всех христиан¹⁴⁶.

В грамоте царям Ивану и Петру Алексеевичам от 4 июня 1688 г. Шербан Кантакузино писал о тех мучениях и разорениях, которые Валахия терпит от турок, и выражал надежду, что «яко некогда от истинного мессия... ожидал мир избавления своего ... ныне от вас великих и пресильных царей от рук видимого фараона православные ожидают избавления своего...»¹⁴⁷ О таких же страданиях и надеждах сербов писал сербский патриарх Арсений.

Но передачей этих писем не ограничивалась задача посольства Исаи. Исаия должен был устно от имени господаря сообщить русскому правительству важные сведения. В расспросе в Посольском приказе Исаия говорил, что его прислали патриарх Яков, бывший патриарх Дионисий, «все духовенство, весь православный христианский народ», «обретающийся под игом бусурманским, мултятинский господарь Шербан... и все сербы, и болгары, и волохи, и мултяне им, великим государям, бити челом о своем избавлении из-под ига бусурманского, понеже самое то пришло время их избавления»¹⁴⁸.

Исаия сообщил о положении в Османской империи, которое, по его мнению, является благоприятным для борьбы за освобождение православных христиан. Турецкое господство ослабело от поражений и междуусобиц. Казна истощилась. Православные христиане, живущие под турецким игом, разорены, ограблены. Молодые невольники вывезены в Азию, Египет. Города, монастыри и святые церкви разорены и сожжены. И все это, заключает Исаия, учленено по приказу султана, чтобы в «помянутых землях живущие христиане не сложились с неприятели их, с войски христианскими, и на них самих не восстали»¹⁴⁹. С другой стороны, говорил Исаия, все православное христианство желает освобождения русскими и просит великих государей, «дабы из неволи бусурманской в пущую и горшую неволю отдать не изволили...»¹⁵⁰. Исаия имеет здесь в виду габсбургский гнет. Христианам известно, говорил он, что «папежане у себя постановили все митрополии, епископии,

¹⁴⁶ Там же, лл. 34—35.

¹⁴⁷ Там же, л. 46.

¹⁴⁸ Там же, лл. 88—89.

¹⁴⁹ Там же, лл. 90—91.

¹⁵⁰ Там же, л. 92.

взяв из-под ига турского, разделяя в ёпархии, превратить в костелы римские и поставить своих римских бискупов, а православное духовенство искоренить, изогнать»¹⁵¹. От имени всех христиан Исаия просил русское правительство не допустить осуществления захватнических планов Габсбургов.

Исаия передал план валашского господаря о совместных военных действиях против султана. Шербан Кантакузино предлагал послать одну часть русских войск в Аккерманскую орду, в Буджак, а другую — Дунаем в Валахию, откуда он с 70-тысячным войском пойдет на помо́ць русским в Буджак. Валашский господарь сообщал через Исаию, что княжество его недалеко от Буджака, а «запасов всяких у него много». Кроме того, часть войска Шербан предлагал оставить в Запорожье для предотвращения действий крымских татар¹⁵². Валашский господарь заверял русское правительство, что, как только русские войска подойдут к Аккерману и он придет сюда со своим войском, «и тогда-де все сербы, и болгары, и волохи пристанут к ним же», «и будет путь до Царьграда без помешки», «понеже в тех странах за Белгородчиною никаких жилищ бусурманских нет, а все живут христиане, да и крепостей до самого Царьграда нет, и тот путь зело их царского величества войскам способен и ожидают в тех местах живущие христиане их государских ратей приходу с великою радостью, а сберется-де в тех странах сербов и болгар с 300 тысяч»¹⁵³. Таким образом, в предложенном Шербаном Кантакузино плане военных действий против Османской империи важная роль отводилась восставшим христианским народам.

Цифры, названные Исаией, могли быть и преувеличенными, но самый факт подготовки валашским господарем войск для соединения с русскими войсками в случае войны с султаном несомненен. Хронист Некулче, говоря о связях Шербана Кантакузино с Россией, пишет, что Шербан готовил большое войско в Валахии и сосредоточил в Арджеше несколько судов с запасами, чтобы спуститься по Дунаю, встретиться с «москалями» и идти в Крым¹⁵⁴.

В отношении связей Шербана с Габсбургами Исаия уверял, что хотя господарь не отказал императору в под-

¹⁵¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16, л. 93.

¹⁵² Там же, лл. 95—96.

¹⁵³ Там же, л. 96.

¹⁵⁴ Neculce, p. 178.

данстве, но отложил присягу до окончательного разгрома турок. «И отговорился господарь от этого,— сообщил Исаия,— потому что желает быть не под императором, а под православным государем»¹⁵⁵. И все христианские народы, говорил он, немцам «отнюдь не рады, и помочи им чинить не будут, разве из великой неволи и из нужды»¹⁵⁶.

Вступление России в антитурецкую коалицию и первый крымский поход вызвали опасения у Габсбургов. Рост русского влияния на Балканах препятствовал претворению в жизнь габсбургских планов захвата западной части Балканского полуострова и Валахии. Поэтому Габсбурги стремились воспрепятствовать связям Валахии, и вообще балканских народов, с Россией. Они перехватывали валашских послов, оказывая одновременно давление на господаря.

Исаия рассказывал в Посольском приказе, что еще в 1687 г. Шербан Кантакузино посыпал своего посла Дино в Россию с такой же миссией, как его. Румынский исследователь Д. Плештия предполагает, что речь идет о валашском стольнике Дику Рудяну¹⁵⁷. Но посол Шербана Кантакузино был перехвачен Габсбургами в Трансильвании и замучен, а письма, которые он вез, были пересланы в Константинополь. Валашский господарь откупился от визиря суммой в 100 тыс. ефимков¹⁵⁸.

В том же году в Валахию прибыл австрийский посол, чтобы склонить господаря к присяге императору. Когда Шербан Кантакузино уклонился от присяги, австрийский посол стал упрекать его в том, что он «надеется на московских великих государей, чтобы они приняли его в подданство и от турок освободили»¹⁵⁹.

Австрийский посол оправдывал притязания Габсбургов на Валахию тем, что она издавна принадлежала венгерской короне и теперь, как и Венгрия, должна принадлежать императору, а не московским царям¹⁶⁰. По словам Исаии, на это валашский господарь ответил, что поддается тому, кто завладеет Константинополем и кому подадутся сербы и болгары¹⁶¹.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16, л. 93.

¹⁵⁶ Там же, л. 97.

¹⁵⁷ D. Riešia. Op. cit., p. 956.

¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16, л. 101.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, лл. 101—102.

¹⁶¹ Там же, л. 102.

Таковы были сведения, которые Исаия изложил устно в Посольском приказе. Данные о положении в Османской империи, об отношении Габсбургов к Валахии и Молдавскому княжеству, о состоянии угнетенных народов Балканского полуострова имели важное значение для внешней политики русского правительства.

28 декабря 1688 г. была готова ответная грамота для посылки валашскому господарю с архимандритом Исаией. Русское правительство отвечало Шербану, что «похваляет» его и все христианство, живущее в тех странах, за желание принять русский сузеренитет и имеет о них «попечение неотменное»¹⁶². Одновременно русское правительство сообщало валашскому господарю, что, «имея наше государское об освобождении вашем неотменное намерение», посыпает войска в Крым и Аккерман, а затем за Дунай¹⁶³. Шербану Кантакузино было поставлено условие, чтобы он ни с какими другими государствами не заключал союза и посыпал бы свои войска на соединение с русскими войсками¹⁶⁴.

Русское правительство посыпало в Афонский монастырь св. Павла на церковное строение и на милостыню деньгами и соболями 300 рублей¹⁶⁵. С этими дарами и грамотами Шербану Кантакузино, сербскому архимандриту Арсению и константинопольскому патриарху 21 января 1689 г. Исаия отправился из Москвы в Валахию¹⁶⁶. Но на дальнейшей судьбе посольства Исаии оказались притязания Габсбургов на Валахию.

По дороге через Трансильванию в г. Брашове он был узан зятем валашского господаря Константином Балачану, находившимся на службе у императора¹⁶⁷. Предупрежденные им власти арестовали Исаию и отправили в Вену. Находившиеся у него грамоты были распечатаны. Обо всем этом сообщил Мазепе по просьбе Исаии старец монастыря Синайской горы Аверкий¹⁶⁸. В расспросе поозвращении в Москву из венского заточения Исаия рассказывал, что его обвиняли перед императором, будто он по-

¹⁶² ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1688 г., д. 16, лл. 202—203.

¹⁶³ Там же, лл. 203—204.

¹⁶⁴ Там же, лл. 204—206, 208.

¹⁶⁵ Там же, л. 170.

¹⁶⁶ Там же, 1691 г., д. 27, л. 1.

¹⁶⁷ Arhivele Statului Bucureşti, Condica m-rii Jiljanul, nr. 723, f. 517.

¹⁶⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1691 г., д. 27, лл. 3—4.

лан Шербаном Кантакузино и патриархами, чтобы склонить русское правительство выступить против Габсбургов¹⁶⁹.

Находясь в тюрьме, Исаия сумел установить тайную связь с переводчиком императорской канцелярии Адамом Стиллом, проявившим участие к судьбе архимандрита¹⁷⁰. Через А. Стиллу он переслал два письма русскому резиденту в Польше И. Волкову с просьбой к русскому правительству о ходатайстве перед императором о своем освобождении¹⁷¹. Такие же письма Исаия сумел переслать через А. Стиллу в Москву греку Иоанникую Лихудию, находившемуся на русской службе¹⁷². Свою просьбу к русскому правительству Исаия передал и через старца Аверкия¹⁷³.

Только после усиленных хлопот друзей Исаии русское правительство решилось просить австрийского императора об освобождении архимандрита¹⁷⁴.

21 марта 1691 г. грамота, адресованная императору, была отослана Мазепе для посылки в Вену¹⁷⁵. В ноябре 1691 г. Клим Калницкий, посланный Мазепой с грамотой к императору, вернулся с Исаией. Мазепа направил Исаию в Москву для передачи ценных сведений. Прибыв в Москву, Исаия сообщил русскому правительству некоторые секретные дела венской дипломатии, которые ему удалось узнать через А. Стиллу. В частности, он рекомендовал русскому правительству с осторожностью относиться к предложению императора о взаимодействии в войне против султана. Стилла предупреждал через Исаию, что Габсбурги готовы на мир с турками и что при переговорах они не вспомнят об интересах России (что и случилось на Карловицком конгрессе 1698—1699 гг.). Стилла советовал послать в Вену русского резидента, который бы наблюдал за деятельностью венских дипломатов и вскрывал их замыслы. Стилла предлагал свои услуги будущему русскому резиденту¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Там же, л. 39.

¹⁷⁰ «Памятники дипломатических сношений древней России с Римскою империею», т. VII (1686—1699). СПб., 1864, стр. 718 (далее — ПДС).

¹⁷¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1691 г., д. 27, лл. 44—48.

¹⁷² ПДС, т. VII, стр. 719—720.

¹⁷³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1691 г., д. 27, л. 4; S. D g a g o m i g. Op. cit., p. 61.

¹⁷⁴ Н. К а п т е р е в: Указ. соч., стр. 374.

¹⁷⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1691 г., д. 27, лл. 6—11, 18.

¹⁷⁶ Там же, 1692 г., д. 2, л. 261—261 об.

Русское правительство в 1688 г. вело приготовления ко второму крымскому походу. Поэтому его заинтересовали те предложения валашского господаря, которые были переданы Исаией. Не случайно, что еще в октябре 1688 г., когда Исаия находился в Москве в ожидании ответных царских грамот, русское правительство послало к валашскому господарю и к патриарху Дионисию грека Дементия Фомина с ответами на те письма, которые они прислали с Исаией¹⁷⁷. Одновременно русское правительство писало в Константинополь своему резиденту П. Б. Возницыну, чтобы он «под предлогом выкупа пленных послал бы своего подьячего наблюдать за греком Дементием, в то же время и сам бы выведывал о намерении тамошних христиан и о том, много ли войска и удобен ли будет путь для ратных»¹⁷⁸. Надо думать, что речь шла о возможности использовать предложения валашского господаря о походе на Буджак для соединения с валашскими войсками и об использовании восстания христианских народов против султана.

В грамоте от 8 октября 1688 г., посланной Шербану Кантакузино через Дементия Фомина, русское правительство «похваляло» желание валашского господаря и всех христиан быть в русском подданстве и сообщало о своем намерении послать войска в Крым ранней весной и начать войну против турок¹⁷⁹. Валашскому господарю было поставлено условие не заключать союзных договоров с другими государствами и идти с войсками на соединение с русскими¹⁸⁰. Со своей стороны русское правительство заверило: «... Мы, великие государи наше царское величество, ради единые православные христианские веры от вас не отступим»¹⁸¹. Подобного же содержания была послана с Дементием грамота патриарху Дионисию¹⁸².

Но планам Шербана Кантакузино не суждено было сбыться. 24 августа войска Габсбургов вторглись в Валахию. Шербан вынужден был послать послов в Вену для заключения договора, но умер (9 ноября 1688 г.), прежде чем

¹⁷⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1689 г., д. 2, л. 1.

¹⁷⁸ Н. К а п т е р е в. Указ. соч., стр. 375.

¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1689 г., д. 2, лл. 7—9.

¹⁸⁰ Там же, лл. 9—13.

¹⁸¹ Там же, л. 13.

¹⁸² Там же, лл. 15—21.

Валашский господарь
Константин Брынковяну

послы заключили его. Ответ русского правительства, привезенный греком Фоминым, был получен уже другим господарем Валахии — Константином Брынковяну (1688—1714).

*

В марте 1689 г. Дементий Фомин возвратился в Москву с ответными письмами Константина Брынковяну и патриарха Дионисия. Новый валашский господарь в самых общих словах ответил на грамоту русского правительства, поблагодарив за предложение помочи в борьбе с турками¹⁸³.

О позиции Брынковяну русское правительство узнало более подробно из устных расспросов Дементия Фомина в Посольском приказе. Дементий сообщил, что валашский господарь устно выражал свое желание принять русский сузеренитет, «только-де ныне к великим государям о подданстве письма от страха великого писать не смеет», так как нужно это согласовать со многими людьми, а многим объявить нельзя, «и когда-де о том послушат немцы, то-де пришед, и всех их до конца разорят»¹⁸⁴. Кроме того, Брынковяну говорил Дементию, что когда он услышит о походе русских войск в Крым, то пошлет свои войска — около 30 тысяч конных и пеших¹⁸⁵. Дементий сообщил русскому правительству сведения о положении Валахии, которая, как он говорил, платит дань трем сторонам — туркам, татарам и немцам, а габсбургские войска в количестве 6 тыс. стоят на самой границе Валахии. Дементий говорил, что у валашского господаря собирается войска 30 тыс.; уже сейчас для обороны против немцев и татар на границе стоят 12 тыс.,¹⁸⁶

Таким образом, новый валашский господарь весьма осторожно отнесся к вопросу о союзе с Россией.

Свои надежды на освобождение Валахии от турецкой зависимости Брынковяну, как и его предшественник Шербан Кантакузино, возлагал вначале на Габсбургов.

К 1689 г. габсбургские войска, одержав ряд побед над турками, завладели всеми дунайскими крепостями от Видина до Никополя.

¹⁸³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1689 г., д. 2, лл. 77—83.

¹⁸⁴ Там же, л. 56.

¹⁸⁵ Там же, лл. 57—58.

¹⁸⁶ Там же, л. 66.

В письме императору Леопольду I от 29 октября 1689 г. маркиз Людовик сообщал о захвате крепости Видин и о намерении разместить в Валахии 12 оставшихся полков. Маркиз подчеркивал в своем письме, что встречает большие затруднения со стороны валашского господаря, особенно в снабжении армии продовольствием¹⁸⁷.

Несмотря на возражения Брынковяну, ссылки на бедность Валахии и недостаток продовольственных запасов, войска Габсбургов заняли Северную Валахию и расположились на зимовку. 25 декабря 1689 г. генерал Донат Хайслер сообщал императору о размещении войск на зимовку у Кымпулунга и Тырговиште¹⁸⁸.

Угроза оккупации Габсбургами Валахии заставила Брынковяну обратиться за помощью к султану. Но появление в Валахии посланных султаном татарских войск не предвещало княжеству ничего утешительного. Валашский господарь поспешил сообщить Габсбургам о появлении татар, умоляя их отступить, чтобы спасти Валахию от разорения¹⁸⁹. За сведения о турках и продовольствие, предоставленное габсбургским войскам во время пребывания их в Валахии, Брынковяну получил от императора титул «принципа империи»¹⁹⁰.

Но планы Габсбургов в отношении Валахии вызывали у Брынковяну опасение.

Уже в 1693 г. иерусалимский патриарх Досифей после переговоров с Брынковяну просил русское правительство о возобновлении военных действий против турецких крепостей, расположенных на Днепре, и продолжении после их разорения наступления против буджацких татар. Досифей был уполномочен господарем Брынковяну заявить русскому правительству, что, как только русская армия достигнет молдавских границ, валашский народ сразу восстанет против «поганых» и к нему «премножество» людей «совокупится» и выступит на помощь «русской рати»¹⁹¹.

¹⁸⁷ «Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Tării Românești». Publ. de A. Veress, vol. XI. București, 1939, p. 383—386.

¹⁸⁸ Ibid., p. 391—393.

¹⁸⁹ «Cronicari munteni», vol. I, p. 469; см. также А. А. Ко чубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, стр. 10—11.

¹⁹⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавней и Валахией, 1700 г., д. 4, л. 7 об.

¹⁹¹ Н. К а п т е р е в. Указ. соч., стр. 299—300.

Завоевание русскими турецкой крепости Азова в 1696 г. укрепило веру валашского господаря в силу русского оружия и надежду на освобождение с помощью русских. А присоединение к владениям Габсбургов Трансильванию (1691 г.) и переговоры 1699 г. между странами Священной лиги и Турцией на Карловицком конгрессе убедили Брынковяну в том, что Валахия в своем освобождении не может ждать помощи от императора. 17 мая 1698 г. посланный польского короля Августа II Вакербарт писал из Вены, что валахи скорее позовут на помощь русских или останутся в зависимости от султана, чем примут габсбургское подданство¹⁹².

В 1700 г. греческий архимандрит Арсений, прибывший от иерусалимского патриарха Досифея и Брынковяну, доносил в Посольский приказ, что валашский господарь хотя и является «принципом империи», но в случае лишения господарского престола в Трансильванию не поедет, а потому «прилежно молит, чтоб великий государь пожаловал его своею государскою грамотою, которая б была в руках у него. Буде ему случится какое несчастье, чтоб великий государь принял его под свою милость и тою грамотою сыщет причину, чтоб отказати цесарю...»¹⁹³.

Большую роль в политике ориентации Валахии на Россию играла боярская партия во главе с представителями рода Кантакузино. Являясь сторонниками сближения с Россией и занимая важные должности при дворе господаря¹⁹⁴, Кантакузино, несомненно, оказывали решающее влияние на политику Брынковяну, несмотря на проавстрийские настроения значительной части валашского боярства¹⁹⁵. Особая заслуга в этом принадлежала стольнику Константину. Константин Кантакузино был широко образованным человеком и выдающимся политическим деятелем Валахии кон-

¹⁹² «Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu». Publ. de N. Iorga, p. 14.

¹⁹³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1700 г., л. 4, лл. 7 об.—8.

¹⁹⁴ Константин Кантакузино занимал должность стольника, а его брат Михаил — спафария. В 1707 г. спафарием был назначен Фома Кантакузино. Сыновья Константина Кантакузино — Шербан и Штефан — занимали посты великого ворника и великого постельника (Р. Р а п а т е с ч и. Moldova și Tara Românească în ultimele decenii ale secolului al XVII-lea și la începutul secolului al XVIII-lea.— «Istoria României», vol. III. București, 1964, p. 206).

¹⁹⁵ Ibid., p. 209—210.

ца XVII — начала XVIII в. Он хорошо знал греческий и латинский языки, а также итальянский, турецкий, русский¹⁹⁶. Должность стольника давала ему возможность активно участвовать во внутренней жизни и внешней политике княжества, иметь переписку со многими европейскими государственными деятелями и турецким правительством¹⁹⁷. Константин Кантакузино оказывал большое влияние на Брынковяну, содействуя укреплению валашско-русских связей¹⁹⁸. При этом необходимо заметить, что политика бояр Кантакузино преследовала свои цели — с помощью России утвердить свое господарство в Валахии¹⁹⁹. Это особенно ясно выявилось в 1711 и 1714 гг., когда обострились противоречия Кантакузино с Брынковяну.

На Карловицком конгрессе союзники не обращали внимания на требования русского представителя П. Б. Возницына, и тем с большим упорством турецкие уполномоченные отказывали ему в них. С большим трудом 24 января 1699 г. Возницыну удалось заключить с Турцией перемирие на два года. Во время переговоров в Карловице Возницын писал Петру I: «Если б дойти до Дуная, не токмо тысячи, но и тьмы нашего народа, и языка, и веры, и все миру не желают»²⁰⁰.

В Константинополе опасались связей между Россией и единоверными ей подданными Порты²⁰¹. Эти опасения были не случайны. Еще в 1697 г. из Валахии в Москву был

¹⁹⁶ О жизни и деятельности Константина Кантакузино см.: I. I o p a ş c u. *Din viața și activitatea stolnicului Constantin Cantacuzino (1640—1716)*. — *«Studii. Revistă de istorie»*, 1966, № 4, p. 633—650; V. Cândea. *Stolnicul Constantin Cantacuzino, omul politic-umanistul*. — *Ibid.*, p. 651—665; 1967, № 1, p. 45—61.

¹⁹⁷ О круге лиц, с которыми имел переписку Константин Кантакузино, см.: C. Șerbău. *Contribuția la repertoriul corespondenței stolnicului Constantin Cantacuzino*. — *«Studii. Revistă de istorie»*, 1966, № 4, p. 683—705.

¹⁹⁸ О связях валашского стольника с Россией см.: C. Șerbău. *Legăturile stolnicului Constantin Cantacuzino cu Rusia*. — *«Studii și articole de istorie»*, II, 1957, p. 237—254.

¹⁹⁹ P. Panaitescu. *Moldova și Tara Românească în ultimele decenii ale secolului al XVII-lea și la începutul secolului al XVIII-lea*, p. 210.

²⁰⁰ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. III. М., 1946, стр. 403.

²⁰¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII, т. 14, стр. 606.

послан Георгий Кастириот для восстановления дипломатических отношений, установленных архимандритом Исаией, с просьбой к России о помощи в освобождении Валахии от турецкой зависимости, а также с заявлением о готовности признать русский суверенитет. В начале октября 1697 г. Кастириот прибыл к гетману Мазепе в Батурино и оставался здесь до вызова его русским правительством. Отсюда он направил русскому правительству докладную записку о целях своего посольства. Кастириот писал, что валахский господарь «молит и просит вашего самодержавного величества, дабы учинилась какая польза и помочь от вас бедным христианам, которые все вкупе с великою надеждою ожидают..., дабы поспело оружие православного монархия вашего... дабы изволил рассудить самодержавное величество принять их под кров и власть свою»²⁰².

В это время Россия готовилась к широким военным действиям против Турции. Азов должен был служить базой дальнейших операций против турок.

Надеясь на помощь России в освобождении Валахии, Брынковяну через Кастириота предложил Петру I план совместных военных действий против султана. План предусматривал начать наступление на Очаков, являющийся ключом к Черному морю, откуда можно было нападать на Крым, на Буджак. Со стороны Азовского моря необходимо было овладеть Керчию, прервать связи между крымскими и кубанскими татарами и, захватив Перекопский перешеек, помешать крымским татарам выйти из Крыма.

По плану Кастириота валахи, а вместе с ними и молдаване должны были восстать против турок и начать наступление на Буджак, в то время как русские войска будут осаждать крепость Очаков. Кастириот предлагал послать с ним в Молдавское княжество 4 тыс. конников и 1 тыс. пехотинцев, к которым должны присоединиться 10 тыс. молдавского войска во главе с Константином Туркульцом²⁰³.

Георгий Кастириот заверял русское правительство, что военная помощь княжествам не принесет больших убытков его казне, что «мы только ныне просим однажды нас избавити, а потом мы с своими проторями и з животами бу-

²⁰² ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1698 г., д. 1, лл. 11—12, 15.

²⁰³ ЦГАДА, ф. Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 54, лл. 1117—1126.

дем сохраняти не токмо дунайские береги, но будем ступати и наперед, потому что имеем пособников болгаров, и сербян, и македонян»²⁰⁴. Валашский посол подчеркивал, что обращается к России за помощью не только от своего княжества и его господаря, но от всех христианских народов Балкан, «сербов, болгаров, македонов, арнаутов и всех прочих эллинских родов»²⁰⁵.

Надежды балканских народов основывались на вере в силу русского оружия. Об этом говорит предложенный Кастроитом широкий план совместных военных действий России и восставших христианских народов против турок.

В 1698 г. в Москву прибыл также посол и от Антиоха Кантемира Савва Константинов для переговоров о признании Молдавским княжеством русского суверенитета²⁰⁶.

В Батурине Георгий Кастроит получил через валашского посла Федора Корбя письмо Брынковяну вместе с письмами Константина и Михаила Кантакузино с различными сведениями²⁰⁷. В письме Кастроиту от 25 ноября 1697 г. Брынковяну напоминал о надеждах на освобождение Валахии с помощью русских и просил сообщить о результатах посольства. Валашский господарь подчеркивал, что настал удобный момент для освобождения, «понеже зело крепко сила поганская ослабела», что все христианские народы объединились в борьбе, необходимо только соединить их усилия с русскими²⁰⁸.

31 декабря из Посольского приказа гетману Мазепе была послана грамота об отпуске Кастроита в Москву²⁰⁹. Перед отъездом из Батурина Кастроит просил Мазепу ходатайствовать перед Петром I об оказании помощи Валахии²¹⁰. Мазепа 25 января 1698 г. послал Петру I отдельное письмо о сведениях, полученных им во время расспросов Кастроита в Батурине. Гетман особо отмечал выраженную валашским послом просьбу об освобождении Валахии и готовность признать русский суверенитет на условиях, «при каких обретается войско Запорожское и малороссийский

²⁰⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1698 г., д. 1, л. 17.

²⁰⁵ Там же, л. 22.

²⁰⁶ Там же, д. 2, л. 3.

²⁰⁷ Там же, д. 1, лл. 65—80, 87—97.

²⁰⁸ Там же, л. 62.

²⁰⁹ Там же, лл. 49, 56—57.

²¹⁰ Там же, лл. 98—106.

народ»²¹¹. В Москве Кастроит был задержан до возвращения Петра I из-за границы. Но уже в апреле 1698 г. по указу Петра I боярину Л. К. Нарышкину от 26 февраля и 6 марта²¹² валашскому послу был дан положительный ответ с обещанием помочи Валахии в освобождении от турецкой зависимости²¹³. Георгий Кастроит был отпущен в Валахию только в сентябре 1700 г.²¹⁴

На предложения валашского господаря, переданные через Кастроита, кроме общего обещания о готовности освободить Валахию и принять под свое покровительство, русское правительство не дало никакого конкретного ответа, поскольку на Карловицком конгрессе 24 января 1699 г. было подписано перемирие с султаном на два года.

Несмотря на это, результаты посольства Кастроита были положительными как для Валахии, так и для России. С этого времени между ними устанавливаются постоянные дипломатические отношения.

Петр I придавал большое значение связям с Валахией, рассчитывая на их укрепление в будущем, в перспективе борьбы с Турцией за выход к Черному морю. Через Валахию он мог получать подробные сведения о положении на Балканах, в Османской империи, о военных приготовлениях Порты.

Не случайно, что через Кастроита Петр I направил Брынковяну орден св. Андрея Первозванного²¹⁵. К. Брынковяну был в числе первых кавалеров этого ордена²¹⁶.

Награждение Петром I Брынковяну орденом св. Андрея Первозванного должно было способствовать укреплению русско-валашских связей.

После Карловицкого конгресса условия борьбы России за Черное море изменились. Попытка русского правительства создать прочную антитурецкую коалицию не имела

²¹¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1698 г. д. 1, лл. 110—113.

²¹² Там же, лл. 139—140.

²¹³ Там же, лл. 149, 153—155.

²¹⁴ Там же лл. 479—483, 505.

²¹⁵ ЦГАДА, ф. Архив Оружейной палаты, № 396, 1700—1701 гг., оп. 1, ч. XXII, д. 34668, лл. 1—2; Архив ЛОИИ, ф. Собрание Гамеля, оп. 3, № 21, лл. 76—77.

²¹⁶ Архив ЛОИИ, ф. Собрание Гамеля, оп. 3, № 21, л. 20.

успеха. Россия, заключив в 1700 г. тридцатилетний мир с Турцией и закрепив за собой Азов, главное внимание обращает на север, на борьбу со Швецией за завоевание выхода в Балтийское море, жизненно необходимого для экономического развития страны.

В условиях войны со Швецией русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Портой. Но несмотря на это, в начале XVIII в. связи Валахии с Россией укреплялись.

Получив от Петра I орден св. Андрея Первозванного, Константин Брынковяну окончательно решил ориентироваться на Россию в освобождении княжества от турецкой зависимости. Но, являясь турецким данником и вассалом, валашский господарь опасался за судьбу своего государства в случае, если турки узнают о его тайных связях с русскими.

В 1700 г. через греческого архимандрита Арсения Брынковяну и валашские бояре Константин и Михаил Кантакузино просили Петра I об охранной грамоте²¹⁷.

В 1701 г. Петр I пожаловал Брынковяну и боярам Кантакузино грамоту, по которой за верную службу русскому царю им предоставлялось убежище в Малороссии, если обстоятельства заставят Брынковяну оставить престол²¹⁸. В апреле 1701 г. валашский господарь направил Петру I грамоту, в которой выражал благодарность за проявленное внимание²¹⁹.

Гарантировав себя на случай, если турки лишат его государства, Брынковяну стал более решительным в связях с русскими. Еще в 1700 г., во время пребывания в России Георгия Кастроита, он послал в Москву грека Панагиота Родийского в качестве постоянного резидента Валахии²²⁰, но, боясь турок, вскоре отозвал его обратно²²¹. 9 мая 1701 г. из Валахии прибыл Петр Демьянов с письмами Брынковяну и Константина Кантакузино Ф. А. Головину и гетману Мазепе²²².

²¹⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1700 г., д. 4, л. 8.

²¹⁸ Там же, 1701 г., д. 1, л. 1.

²¹⁹ Там же, д. 2, л. 1—1 об.

²²⁰ Там же, 1700 г., д. 2, лл. 3—4 об.

²²¹ Там же, д. 4, л. 8 об.

²²² Там же, 1701 г., д. 2, л. 4.

В 1702 г. валашский господарь направил в Россию с дипломатической миссией чауша Давида Корбя, который и стал постоянным представителем Валахии в Москве²²³.

Давид Корбя родился в Трансильвании, в городе Брашове²²⁴. Отец его, Иоан Корбя, был священником церкви св. Николая, являвшейся центром православной общины Брашова²²⁵. Незадолго до 1690 г. Давид Корбя вместе со своим братом Федором переехал в Валахию, спасаясь от религиозного гнета Габсбургов, осуществлявших принудительную католизацию в Трансильвании. В Валахии Давид Корбя служил в войсках спафария Михаила Кантакузино²²⁶, а брат его Федор был секретарем господаря Брынковяну²²⁷. Давид Корбя знал латинский и русский языки, возможно, немецкий и венгерский. Учитывая знание языков, в особенности латыни, и способности дипломата, Брынковяну использовал Давида Корбя в различных дипломатических миссиях.

Первая миссия Давида Корбя относится к 1698 г., когда он был послан валашским господарем на коронацию польского короля Августа II²²⁸. Эта миссия Давида Корбя описана его братом Федором, который помимо дипломатической и переводческой деятельности занимался литературным творчеством, в «Заметках о посольстве старшего моего брата Давида, о его беседе с ротмистром Туркулецом и другими молдавскими ротмистрами и об ответе, полученном по возвращении от короля»²²⁹.

«Заметки...» Федора Корбя, которые румынский историк Панайтеску называет литературно-политическим произведением, представляют собой, по сути дела, докладную записку русскому правительству, в которой выражена идея объединения Молдавского княжества и Валахии под эгидой Брын-

²²³ P. Constantinescu - Iașii. *Relațiile culturale române-ruse din trecut*. București, 1954, p. 162.

²²⁴ П. П. Панайтеску. Культурные связи румынских государств с Россией в эпоху реформ Петра I. Новые данные. — «Romanoslavica», vol. II. București, 1958, p. 238.

²²⁵ N. Iorga. Viața și domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu. București, 1914, p. 124.

²²⁶ G. Georgescu - Buzău. Un diplomat român la Moscova la începutul secolului al XVIII-lea: David Corbea ceaușul. — «Relații româno-ruse în trecut». Studii și conferințe, 1957, p. 52.

²²⁷ П. П. Панайтеску. Указ. соч., стр. 239.

²²⁸ G. Georgescu - Buzău. Op. cit., p. 53.

²²⁹ Ibidem; П. П. Панайтеску. Указ. соч., стр. 241.

ковяну в целях защиты от Польши, угрожавшей захватом княжеств и введением в них католичества, и сохранения независимости с помощью России²³⁰. Содержание «Заметок...» показывает, что официальная цель дипломатической миссии Давида Корбя в Польшу была лишь предлогом. В действительности он должен был на месте убедиться в намерениях польского короля относительно княжеств.

Интересно, что в Варшаве Давид Корбя пытался установить связь с Петром I, чтобы просить помощи против опасности польского захвата Валахии и Молдавского княжества. Давид Корбя тайно сообщил представителю Петра о польских планах и просил написать об этом императору²³¹. Стремясь воспрепятствовать походу Польши для захвата княжеств, Давид Корбя вступил в соглашение с Константином Туркульцом и другими молдавскими ротмистрами, находившимися со своими отрядами на службе у польского короля. В разговоре с ними Давид Корбя отчетливо выражал мысль о том, что борьба с турками даст желанный результат не с помощью Польши, а с помощью России²³².

Это проявившееся уже в первой дипломатической миссии стремление к сближению с Россией, а также способности дипломата определили решение Брынковяну послать Давида Корбя с посольством в Москву. В 1702 г. Давид Корбя прибыл в Москву во главе посольства, которое состояло из его брата Матвея, офицера гвардии Константина, офицера Тимофея и служилых людей²³³.

За несколько месяцев до приезда Давида Корбя в Москву в Бухаресте состоялось тайное совещание Константина Брынковяну, стольника Константина Кантакузино, спафария Михаила Кантакузино и иерусалимского патриарха Досифея о создании антитурецкой коалиции всех народов Балканского полуострова²³⁴. О решениях и предложениях этого совещания и должен был сообщить в Москве Давид Корбя. Решения совещания были изложены им в докладной записке из 34 пунктов, поданной в Посольский при-

²³⁰ Обоснование вывода: П. П. Панайеску. Указ. соч., стр. 242—243.

²³¹ G. Georgescu-Vizău. Op. cit., p. 54.

²³² Ibidem.

²³³ ЦГАДА ф. Сношения России с Молдавней и Валахией, 1702 г., д. 1, л. 15.

²³⁴ Там же, л. 32—32 об.

каз. Основное содержание их исходило из того, что все балканские народы в своем освобождении надеяются на русскую помощь, готовы подняться против турок и перейти на сторону России, как только она начнет войну против султана²³⁵. В решениях указывалось, что мир России с Турцией непрочен и ненадежен, что турки в настоящее время слабы и боятся русских. Поэтому участники совещания предлагали, поскольку настал благоприятный момент, начать войну против турок, заключив мир со Швецией, «буде есть к славе и прибыль его величества»²³⁶. Предлагался план военных действий, который должна была осуществить Россия с помощью восставших балканских народов. Этот план повторял основные положения плана, предложенного Петру I Георгием Кастроитом в 1698 г.

Часть войска необходимо было направить для захвата и укрепления Керчи, другую часть — в Очаков и Буджак, чтобы отделить Буджак от Крыма и тем самым облегчить соединение русских войск с валашскими войсками и другими восставшими народами. Для предотвращения действий татар предлагалось сосредоточить часть войска у Перекопа²³⁷.

В докладной записке Давида Корбя были изложены не только решения совещания. В ней получило отражение его стремление помочь православным церквам Трансильвании, притесняемым католиками. Он просил Петра I написать императору, чтобы православным церквам, в частности брашовской, было разрешено исповедовать свою веру и чтобы им были предоставлены привилегии²³⁸.

Пункты докладной записки Давида Корбя, касающиеся просьбы о защите православных церквей Трансильвании, были пересланы русскому послу в Вене П. А. Голицыну для ходатайства перед императором²³⁹.

Румынский исследователь К. Шербан считает, что докладная записка редактировалась Давидом Корбя под руководством стольника Константина Кантакузино²⁴⁰. По мнению другого румынского исследователя Шт. Метеша, за-

²³⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1702 г., д. 1, л. 33—33 об.

²³⁶ Там же, л. 37.

²³⁷ Там же, лл. 38—39 об.

²³⁸ Там же, лл. 41—42.

²³⁹ Там же, ф. Сношения России с Австрией, оп. 1, 1703 г., д. 4, лл. 15, 66 об.

²⁴⁰ C. Seghba p. Legăturile stolnicului Constantin Cantacuzino cu Rusia, p. 246.

писка была составлена и написана Федором Корбя²⁴¹. В собственноручной приписке в конце подлинника докладной записки Давид Корбя говорит о том, что все вышеизложенное он написал по поручению иерусалимского патриарха Досифея, валашского господаря, братьев Кантакузино и подал в Посольский приказ²⁴². Сравнение почерков подлинника докладной записки и подлинника проезжей грамоты, данной Константином Брынковяну Давиду Корбя 17 октября 1700 г.²⁴³, обнаруживает полное сходство. Очевидно, что оба документа написаны одним и тем же лицом, а именно Федором Корбя, секретарем господарской канцелярии. Надо полагать, что Федор Корбя переписал докладную записку по поручению своего брата. Пункты записки, касающиеся просьбы о помощи православным церквам Трансильвании, подтверждают, что она была составлена самим Давидом Корбя.

Занятое в войне со Швецией, русское правительство не могло дать конкретного ответа на предложения валашского господаря и бояр Кантакузино, переданные через Давида Корбя, кроме общего обещания о помощи. Но в перспективе будущей войны с султаном Петр I пожелал иметь через Валахию возможно полные сведения о событиях в Турции. Пребывание Давида Корбя в Москве как постоянного представителя Валахии должно было служить этой цели.

Важное значение для укрепления валашско-русских отношений в начале XVIII в. имело посредничество валашского господаря и Кантакузино в поддержании связи между русским правительством и его послами в Константинополе.

Брынковяну и Кантакузино оказывали дипломатическую поддержку и содействие в пересылке корреспонденции Е. Украинцеву, прибывшему в 1700 г. в Константинополь для переговоров по заключению мирного договора России с Турцией на условиях, принятых Карловицким конгрессом 1699 г.²⁴⁴ Письма Е. Украинцева с помощью валашских резидентов доставлялись в Валахию, откуда че-

²⁴¹ St. M e t e ş. Din relațiile noastre cu Rusia. Frații David și Teodor Corbea din Brașov în slujba poporului român, ca luptători contra Unirii cu Roma, ca diplomați și scriitori.— «Mitropolia Ardealului», V, 1960, N 11—12, p. 847.

²⁴² ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1702 г., д. 1, л. 31 об.

²⁴³ Там же, л. 25.

²⁴⁴ Там же, 1698 г., д. 1, лл. 487—489 об; 1700 г., д. 5, лл. 4—6 об.

рез послов гетмана Мазепы пересыпались русскому правительству. Так, 25 февраля 1700 г. Мазепа сообщал Ф. А. Головину о возвращении из Бухареста своего посла С. Рясновского с письмами Е. Украинцева и валашского господаря²⁴⁵. В расспросе в Малороссийском приказе С. Рясновский сообщил о помощи, которую оказывают Брынковяну и Кантакузино в установлении связи с Е. Украинцевым²⁴⁶.

Вместе с письмами Е. Украинцева гетманские посланцы доставляли Мазепе письма от Брынковяну. В своих письмах валашский господарь информировал Мазепу о положении в Турции, о ходе переговоров Украинцева, о помощи, оказываемой им русскому послу²⁴⁷.

Для подтверждения мирного договора, заключенного Е. Украинцевым, в 1701 г. в Турцию был отправлен Д. М. Голицын, который через Валахию имел связь также с русским посланником в Вене П. А. Голицыным²⁴⁸.

По приезде в августе 1702 г. в Адрианополь русский посол П. А. Толстой, по старому турецкому обычаю был лишен права сношений с внешним миром²⁴⁹. В этих условиях связь П. А. Толстого с русским правительством осуществлялась при посредстве Брынковяну и Кантакузино через специальных валашских послов. 5 ноября 1702 г. Константин Кантакузино писал Давиду Корбя: «И прежде сего через двух гонцов наших присыпали к Москве 2 свяски писем от посла московского, а ныне третью уже связку посыпаем от него же посла съльею, человеком гетманским. А в том опять побежал наскоро от гетмана толмач его Михайло и просил нас, чтоб тотчас отпустити тот связок чрез почту к тому ж послу московскому. И мы, не задержав ни часу, послали к нему тот связок, а Михайла задержали здесь, покамест придет отповедь оттуду, и тогда отпустим его к гетману. А и впредь какие письма с Москвы или от гетмана присланы будут к нам, тотчас отпустим их без задержания, где належат, не жалея ни людей, ни протори...»²⁵⁰

17 сентября 1703 г. в Москву прибыл посланный валаш-

²⁴⁵ ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, 1700 г., д. 5, лл. 26—27 об.

²⁴⁶ Там же, лл. 28—30.

²⁴⁷ Там же, лл. 31—34, 50—52, 133—137.

²⁴⁸ Там же, ф. Сношения России с Австрией, 1701 г., д. 4, л. 63.

²⁴⁹ Т. К. Крылова. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700—1709). — «Исторические записки», т. 65, 1959, стр. 2г.

²⁵⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1702г., д. 1, л. 53—53 об.

ского господаря капитан Лукьян Трофимов с письмами П. А. Толстого²⁵¹.

В том же году прибыли с письмами Петру I и Давиду Корбя валашские посланцы Федор Корбя и Лукьян Иванов²⁵². Федор Корбя был постоянным курьером в переписке Давида Корбя с Брынковяну и боярами Кантакузино²⁵³.

В июле 1704 г. письма П. А. Толстого были доставлены в Москву валашским старцем Паисием²⁵⁴. В декабре этого же года письма П. А. Толстому были посланы через валашского посланца Константина Прижвани²⁵⁵. В июне 1706 г. Прижвани снова прибыл в Москву с письмами русского посла²⁵⁶. Посланный в июне 1705 г. с письмами П. А. Толстому валашский посланец Василий Васильев возвратился в августе этого же года с ответными письмами²⁵⁷. 28 февраля 1706 г. с письмами Брынковяну и П. А. Толстого прибыл в Москву валашский посол Михаил Иванов²⁵⁸.

Хорошо налаженная связь П. А. Толстого с русским правительством через Валахию была надежнее, чем прямая. В письме Ф. А. Головину от 22 сентября 1705 г. иерусалимский патриарх Досифей советовал для безопасности посыпать письма П. А. Толстому только через Валахию²⁵⁹. 7 октября 1705 г. К. Брынковяну писал Ф. А. Головину об опасности прямой посылки послов в Турцию с письмами П. А. Толстому²⁶⁰.

Но имея тайные сношения с Москвой в условиях зависимости Валахии от Турции, Брынковяну боялся потерять господарский престол, что делало его в некоторых случаях нерешительным. Так, в 1704 г., боясь турок, Брынковяну решил отзвать Давида Корбя в Валахию. В письме Ф. А. Головину от 9 сентября 1704 г. он просил ходатайства перед Петром I об отпуске чауша, мотивируя тем, что всем стало известно о пребывании резидента валашского

²⁵¹ Там же, 1703 г., д. 6, л. 2.

²⁵² Там же, д. 5, лл. 1, 11.

²⁵³ St. Meteş. Op. cit., p. 859.

²⁵⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1704 г., д. 9, лл. 1—2.

²⁵⁵ Там же, д. 11, л. 10.

²⁵⁶ Там же, 1706 г., д. 5, лл. 12—13.

²⁵⁷ Там же, 1705 г., д. 10, лл. 2—3 об., 6.

²⁵⁸ Там же, 1706 г., д. 5, л. 3.

²⁵⁹ Там же, 1705 г., д. 1, лл. 38—40.

²⁶⁰ Там же, лл. 34 об. — 35.

господаря в России²⁶¹. Ф. А. Головин ответил на это, что «чауш получил верное благоволение при его царском величестве» и что Петр I просит продлить его пребывание в Москве до удобного момента, когда его можно будет отпустить²⁶². Но в ответ на настойчивые требования валашского господаря Давид Корбя был отпущен из Москвы в Валахию²⁶³.

Петр I личным письмом от 28 февраля 1705 г. извещал Брынковяну об отсылке чауша и просил прислать его обратно в нужный момент, «яко верного и удобного общих с вами дел». Петр I благодариł валашского господаря за оказание «к нам паче же христианству попечениях» и выражал надежду, «что вы и впредь яко православный не престанете, в чем да поможет вам господь бог; мы же всегда пребываем в непременности к вам»²⁶⁴.

Опасения Брынковяну оказались не напрасными. Весной 1706 г. в результате непрестанных интриг между валашским и молдавским господарями он был обвинен в связях с русским правительством и подстрекательстве России к войне с Турцией²⁶⁵. Обвинение касалось и иерусалимского патриарха Досифея. Досифей написал письмо русскому послу П. А. Толстому с просьбой о помощи. Толстой ответил, что причина всех осложнений, видимо, в Давиде Корбя, который, «будучи в Москве, поступал в надлежащих ему делах неосторожно», и обещал не оставить это дело без помощи. Но смерть избавила Досифея от тревог²⁶⁶. А Брынковяну ценой огромных усилий и больших денежных расходов удалось восстановить доверие турок²⁶⁷.

Несмотря на пережитые тревоги, в 1707 г. после настоятельных просьб Петра I и Г. И. Головкина валашский господарь снова отпускает Давида Корбя в Москву.

В 1707 г. в результате происков Карла XII ухудшаются русско-турецкие отношения. После неудачного для рус-

²⁶¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1704 г., д. 1, л. 17.

²⁶² Там же, 1704 г., д. 2, лл. 1 об.—2.

²⁶³ Там же, д. 11, л. 35—35 об.

²⁶⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. III, стр. 273, № 776.

²⁶⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1706 г., кн. 3, л. 426—426 об.

²⁶⁶ Там же, 1707 г., кн. 3, лл. 37 об.—41 об.

²⁶⁷ Там же, лл. 119—120.

ских сражения под Нарвой Карл XII вторгся в Польшу. Принудив польского короля Августа II заключить в сентябре 1706 г. мир и порвать союз с Россией, он возвел на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского. С его помощью шведский король прилагал усилия к тому, чтобы склонить к войне с Россией султана и его вассала крымского хана.

В этих условиях Давид Корбя был необходим русскому правительству для укрепления связей с Валахией и другими балканскими народами, для получения подробных сведений о действиях Турции, а также как способный дипломат.

После возвращения валашского чауша в Москву Петр I принял его на свою службу, чтобы обезопасить Константина Брынковяну от подозрений турок и чтобы «беда от противников ваших не приключилась», — писал Петр I Брынковяну 30 апреля 1707 г.²⁶⁸ «Патентом» от 20 апреля 1707 г. Давид Корбя получил чин надворного советника²⁶⁹. Через несколько дней он был послан с дипломатической миссией к Ференцу Ракоци II, руководителю борьбы против Габсбургов (1703—1711) в Венгрии и Трансильвании²⁷⁰.

По инструкции, подписанной П. П. Шафировым 21 апреля 1707 г., Давид Корбя должен был предложить Ракоци II польский престол в связи с отречением Августа II. Установление союзных отношений с Ракоци II не только усилило бы русское влияние в Польше. Известно, что Франция в интересах своих антигабсбургских планов поддерживала освободительное движение под руководством Ференца Ракоци II. Русская дипломатия рассчитывала через Ракоци II наладить отношения с Францией и тем самым если не склонить шведского короля Карла XII к миру, то по крайней мере значительно ослабить его позиции²⁷¹.

²⁶⁸ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. V, стр. 225, № 1699.

²⁶⁹ Там же, стр. 179—180, № 1670.

²⁷⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 4, л. 27. См. также публикацию письма Петра I Ференцу Ракоци II от 21 апреля 1707 г., хранящегося в Венгерском государственном архиве Будапешта: Я. И. Штернберг. Письмо Петра I к Ференцу Ракоци II.— «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 215.

²⁷¹ См. инструкцию Давиду Корбя для переговоров с Ракоци II: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. V, стр. 591—595, прим. к № 1670.

Давид Корбя успешно справился со своей миссией. В июле 1707 г. в качестве русского полномочного он снова был направлен к Ракоци II для переговоров по заключению договора²⁷². В письме Г. И. Головкину от 20 июля 1707 г. Давид Корбя сообщал о выполнении возложенного на него поручения²⁷³. Договор был подписан 4 сентября 1707 г.²⁷⁴, уже после смерти Давида Корбя.

Во время переговоров Давид Корбя оказывал содействие Ракоци II в борьбе против Габсбургов²⁷⁵. Умер Давид Корбя в Варшаве 11 августа 1707 г. Тело его по приказу Петра I было перевезено в Киев, в Печерскую лавру²⁷⁶.

*

Особое значение валашско-русские связи приобрели как для России, так и для Валахии в 1707—1710 гг.

К шведским проискам против России в 1707 г. прибавились французские и крымские. Франция не могла допустить поражения своей постоянной союзницы Швеции, а также усиления русского влияния в Польше. Дело в том, что после крушения планов 1702—1706 гг., связанных с поддержкой антигабсбургского движения под руководством Ракоци II, у Франции усилился интерес к Польше²⁷⁷.

В 1707 г. французский посол в Константинополе Ферриоль, получив от короля предписание поссорить Порту с Россией, вступил в соглашение с крымским ханом²⁷⁸.

Под влиянием французских проiskов крымский хан требовал у султана разрешения выступить против русских²⁷⁹. На том же настаивал и французский посол перед Портой, запугивая возможным влиянием России и ее связями с уг-

²⁷² «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VI, стр. 2, № 1842; стр. 217—219, прим. к № 1842.

²⁷³ Там же, стр. 219—221, прим. к № 1842.

²⁷⁴ ПСЗ, т. IV, № 2156, стр. 385—387.

²⁷⁵ G. Georgescu-Buzău. Op. cit., p. 61.

²⁷⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 3, л. 57—57 об.

²⁷⁷ Т. К. Крылова. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в., стр. 258—259.

²⁷⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1707 г., кн. 3, л. 72; см. также С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII, т. 15, стр. 165—167.

²⁷⁹ Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 260—261.

нетенными султаном народами, «единообразными в вере»²⁸⁰. В июне 1707 г. в Турцию прибыл посол Станислава Лещинского и с помощью французского посла пытался добиться у султана разрешения выступить татарам в помощь Польше против России.

Французские и крымские проказы привели к тому, что турецкий султан начал концентрировать войска на границах. Под предлогом перестройки укреплялась крепость Бендера.

Попытки Франции и крымского хана восстановить Турцию против России были особенно опасны в 1708—1709 гг., когда вся тяжесть Северной войны легла на Россию, и русское правительство было заинтересовано в сохранении мирных отношений с Портой. Русская дипломатия через посла в Константинополе П. А. Толстого прилагала усилия к тому, чтобы не дать Карлу XII использовать в войне против России своих потенциальных союзников — султана и крымского хана²⁸¹.

В этих условиях переписка П. А. Толстого с русским правительством через Валахию приобрела исключительно важное значение. Русское правительство ценило услуги Брынковяну и бояр Кантакузино в пересылке корреспонденции и оказывало им большое доверие. Не случайно, что именно в 1707 г., когда под влиянием шведско-крымских интриг обостряются русско-турецкие отношения, Петр I и Г. И. Головкин направили Брынковяну, Константину и Михаилу Кантакузино письма с выражением благодарности и надежды, что они и в будущем будут прилагать старания для своевременной пересылки корреспонденции.

Г. И. Головкин в письме от 19 ноября 1707 г. выражал удовлетворение тем, что Брынковяну является надежным «и по единоверию и по склонности вашей». «Хотя и сами ведаем,— писал ему Головкин,— что немалую докуку посылками писем наших в Царьград и другими нашими делами вашему сиятельству трудности приносим. Однако надеемся на ваше сиятельство, что оного во отягощение себе по ревности христианской принять не изво-

²⁸⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1707 г., кн. 3, лл. 72 об.—74.

²⁸¹ А. П. Глаголева. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением.— «Полтава». К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 1959, стр. 137—147.

лите»²⁸². В письме от 30 ноября того же года Г. И. Головкин благодарил валашского господаря за «попечение в пересылке писем его царского величества» и просил «яко друга и рачителя по христианству и впредь благоволите в том продолжати и нас уведомлять о тамошнем состоянии»²⁸³.

Петр I в письме от 30 июля 1707 г. благодарил Брынковяну за услуги, которые он оказывал в русско-валашских делах, и усердие в этом, «надлежащее паче к пользе всего христианства»²⁸⁴. Выражая благодарность боярам Кантакузино за их «постоянное и подлинное христианское усердие» в пересылке корреспонденции русского посла, в присылке информации о положении в Турции и в русско-валашских делах вообще, Петр I 30 апреля 1707 г. писал: «Понеже и прежде о постоянном и подлинном вашем к нам христианском усердии известны есьмы из учиненного устного нам доношения господина Корбя: за что зело благодарны пребываем, и впредь того ж от вас надеемся, что мы забвению не предадим»²⁸⁵. Подтверждением того, насколько высоко Петр I ценил заслуги Кантакузино в укреплении валашско-русских связей, является проявленное им участие к судьбе Михаила Кантакузино, лишенного в 1707 г. спафарского чина. Петр I направил письмо валашскому господарю с просьбой сообщить о причине случившегося и вернуть Михаилу Кантакузино прежний чин²⁸⁶.

Переписка 1707—1708 гг. между Г. И. Головкиным, с одной стороны, Брынковяну и Константином Кантакузино — с другой, свидетельствует о том, что письма П. А. Толстого и ответы ему русского правительства своевременно доставлялись валашскими послами в Москву и Константинополь.

Так, в письме от 5 февраля 1707 г. Брынковяну сообщал Г. И. Головкину об отсылке его писем П. А. Толстому

²⁸² ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 3, л. 71—71 об.

²⁸³ Там же, л. 76.

²⁸⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VI, стр. 1, № 1841.

²⁸⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 3, лл. 41 об.—42.

²⁸⁶ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VI, стр. 1—2, № 1841.

в Константинополь²⁸⁷. Константин Кантакузино, сообщая Г. И. Головкину 30 июля того же года о посылке ему писем русского посла из Константинополя, просил известить, доходят ли в целости и без задержки письма П. А. Толстого, посылаемые в Москву через валашских послов, «как мы их отсюда посылаем со всяkim усердием и радением к сиятельству вашему»²⁸⁸. В этом же письме Константин Кантакузино извещал Головкина о получении его писем, адресованных Толстому, и о немедленной отсылке их в Константинополь²⁸⁹. 22 августа Г. И. Головкин отвечал валашскому стольнику с благодарностью за то, «что и письма належащия к послу, как ево к нам, так и наши к нему персылаютца без замедления»²⁹⁰. Брынковяну и Константин Кантакузино в письмах 1708 г. также сообщали о свое временной пересылке корреспонденции между П. А. Толстым и русским правительством²⁹¹. Брынковяну и Константин Кантакузино оказывали русскому послу в нужный момент и дипломатическую поддержку. В октябре 1702 г. голландский резидент сообщал из Константинополя о связях русского посла с валашским капи-кегаем²⁹². Константин Кантакузино в 1704 г. предупредил П. А. Толстого о польско-шведских происках в Крыму и тем самым помог ему обезвредить их²⁹³. В 1707 г., когда Франция через крымского хана пыталась восстановить Турцию против России, П. П. Шафиров просил Брынковяну и Кантакузино помочь Толстому преодолеть франко-крымские интриги²⁹⁴.

В необходимых случаях русский посол получал от Брынковяну и Константина Кантакузино и денежную помощь. В письме Ф. А. Головину от 17 января 1704 г. валашский господарь сообщал о помощи П. А. Толстому деньгами в размере 30 тыс. ефимков²⁹⁵. П. П. Шафиров и Г. И. Голов-

²⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 2, л. 32 об.

²⁸⁸ Там же, лл. 86 об.—87.

²⁸⁹ Там же, лл. 90 об.—91.

²⁹⁰ Там же, д. 3, л. 58 об.

²⁹¹ Там же, 1708 г., д. 2, лл. 33 об., 67—68, 71, 91—91 об.

²⁹² «Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu». Publ. de N. Iorga, р. 123.

²⁹³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1704 г., кн. 3, лл. 289—292, 294—295.

²⁹⁴ Там же, 1707 г., кн. 3, лл. 120, 125—126, 147, 182—183.

²⁹⁵ Там же, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1704 г., д. 1, л. 6 об.

кии в мае 1707 г. сообщали П. А. Толстому о том, что ими написаны письма валашскому господарю и стольнику с просьбой о помощи русскому послу. В случае, если негде будет достать денег, писали Шафиров и Головкин Толстому, «то извольте, что потребно, ежели конечная нужда требовать будет, занять у сих»²⁹⁶.

В январе 1708 г. П. А. Толстой получил личный указ Петра I с поручением назначить 3—4 тыс. венецианских червонцев за обязательство предупредить о турецком решении начать войну против России²⁹⁷. В это же время Г. И. Головкин направил Брынковяну письмо, в котором просил оказывать русскому послу в Константинополе всяческую помощь и поддержку, а в случае необходимости дать ему взаймы денег²⁹⁸. В ответ на просьбу Головкина валашский господарь писал: «О сем паки изволь ведать высочество ваше, что потщуся помогать и работати елико возможно в делах и указах великого монарха»²⁹⁹. 20 февраля 1708 г. П. А. Толстой через валашского капи-кегая получил от Брынковяну необходимые 4 тыс. червонцев³⁰⁰. Толстой направил валашскому господарю письмо с благодарностью за то, что «в нужное сие время изволил ваша светлость толикое учинить споможение и ссуду»³⁰¹.

Русское правительство благодарило Брынковяну и Константина Кантакузино за оказанные П. А. Толстому услуги и выражало надежду, что русский посол и в будущем будет иметь их поддержку. 30 июня 1708 г. Г. И. Головкин писал валашскому стольнику, что 4 тыс. червонцев будут с благодарностью возвращены Брынковяну³⁰².

Важное значение для укрепления валашско-русских отношений в начале XVIII в. имела переписка Брынковяну и Константина Кантакузино с русским правительством. Она была связана не только с пересылкой корреспонденции между русским правительством и П. А. Толстым, но и с сообщением ценных для России подробных сведений о действиях Порты, о положении на Балканах.

²⁹⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1707 г., кн. 3, л. 147 об.

²⁹⁷ Т. К. Крылов. Указ. соч., стр. 265.

²⁹⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 3, л. 3—3 об.

²⁹⁹ Там же, д. 2, л. 32—32 об.

³⁰⁰ Там же, ф. Сношения России с Турцией, 1708 г., кн. 2, л. 124.

³⁰¹ Там же, лл. 124 об.—125.

³⁰² Там же, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 3, лл. 12 об.—13.

В своих письмах Брынковяну и Кантакузино сообщали о внутреннем положении в Османской империи и ее отношениях с европейскими странами, о тяжести турецкой зависимости для жителей Молдавского княжества и Валахии, о настроениях всех балканских народов, о стремлении их освободиться с помощью русских.

Сведения о действиях Порты, получаемые от Константина Кантакузино и Брынковяну, приобрели особенно важное значение для России в 1707—1708 гг., когда главной ее внешнеполитической задачей было сохранение мирных отношений с Турцией.

В европейских дипломатических кругах в 1707 г. распространялись слухи, что шведский король Карл XII и его польский ставленник Станислав Лещинский заключили союз с турецким султаном, что Порта проводит военные приготовления, укрепляет пограничные крепости. Обеспокоенные русские дипломатические представители в Гааге и в Вене сообщали об этом в своих донесениях русскому правительству.

Петр I с большим доверием относился к сведениям, получаемым из Валахии. Узнав в ноябре 1707 г. об укреплении турками крепости Бендера, Петр I поручил Г. И. Головкину проверить достоверность этих сведений через валашского господаря и Константина Кантакузино³⁰³.

Выполняя поручение Петра I, Головкин в январе 1708 г. сообщал валашскому господарю, что им получены сведения о турецких военных приготовлениях, в частности об укреплении крепости Бендера, о переговорах султана со шведским королем и Станиславом Лещинским. Головкин просил Брынковяну: «чтоб изволили вы к нам отписать, подлинно то или неподлинно, дабы мы знали для безопасности своей и могли учинить такое предупреждение заранее»³⁰⁴. С такой же просьбой Г. И. Головкин направил письмо и Константину Кантакузино³⁰⁵. В ответ на эту просьбу Брынковяну и Константин Кантакузино в целом ряде писем подробно излагали получаемые от своих резидентов из Константинополя сведения по всем вопросам, интересующим русское правительство.

³⁰³ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. VI, стр. 117, № 2990.

³⁰⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 3, лл. 1 об.—2.

³⁰⁵ Там же, лл. 8—9.

Информации из Валахии подтверждали слухи о турецких военных приготовлениях. Константин Кантакузино сообщал о посыпке султаном указов «по разным местам к пашам для сбору провиантов, а также б и войска были тотчас в сборе»³⁰⁶. Валахский стольник подтверждал также и укрепление турками в военных целях пограничных крепостей Бендер, Очакова и других³⁰⁷.

Константин Кантакузино и Брынковяну в своих письмах подробно останавливались на отношениях шведского короля и Станислава Лещинского с турецким султаном. 13 января 1708 г. валахский стольник писал о том, что Станислав Лещинский от своего имени и от имени шведского короля направил в Константинополь посла, чтобы склонить султана к признанию Лещинского королем³⁰⁸. Константин Брынковяну 23 марта 1708 г. сообщал о посыпке к шведскому королю и Станиславу Лещинскому турецкого посла, который по возвращении заявил о желании Карла XII иметь союз с Турцией и о его готовности прислать своего резидента в Константинополь в случае согласия турецкого султана³⁰⁹.

В действительности турки не посыпали своего посла к шведскому королю и Станиславу Лещинскому. В 1708 г. силистрийский сераскер Юсуф-паша получил у султана разрешение направить посла в Венгрию и Польшу с освездомительными целями. Современные событиям дипломаты ошибочно приняли агента Юсуф-паши, приезжавшего в шведскую ставку осенью 1707 г., за турецкого посла³¹⁰.

Сообщения из Валахии от мая-июня 1708 г. убедили русское правительство в том, что кроме укрепления пограничных крепостей Порта не проводит никаких военных приготовлений. Брынковяну писал, что желание Лещинского и шведского короля, «чтоб турки дали им помочь... не исполнилось», «того ради кажется, что турки мир с великим государем никаким образом не желают нарушить»³¹¹.

Русское правительство было удовлетворено теми сведениями, которые оно получило из Валахии. В марте 1708 г.

³⁰⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 2, л. 62.

³⁰⁷ Там же, л. 72.

³⁰⁸ Там же, лл. 9—14.

³⁰⁹ Там же, лл. 68 об.—69.

³¹⁰ Т. К. Крылова. Указ. соч., стр. 263.

³¹¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1708 г., д. 2, л. 94.

Г. И. Головкин благодарил Брынковяну и Константина Кантакузино за обстоятельные ответы на интересующие его вопросы. Он писал валашскому господарю: «Видя на вопросы наши и сумнительства (которые мы от иностранных дворов было восприяли) довольно истолковательные вашего высочества ответы и решения, попремногу радуемся и высочеству вашему благодарим»³¹².

Петр I приказал послать в подарок Брынковяну и боярам Кантакузино соболи меха³¹³. В письмах от июня 1708 г. валашские бояре и господарь благодарили Петра I и Г. И. Головкина за полученных соболей и заверяли в своей готовности и в будущем служить русскому правительству³¹⁴.

Потерпев поражение под Полтавой (1709 г.), шведский король Карл XII и Мазепа с остатками разбитых войск укрылись недалеко от Бендера, получив защиту и покровительство турецкого султана. Подстрекаемая шведским королем и англо-французскими дипломатами, Порта начала приготовления к войне с Россией.

Брынковяну и Константина Кантакузино сообщали русскому правительству об укреплении турками пограничных крепостей — Бендера, Очакова, Измаила и других и концентрации в них турецких войск³¹⁵. «Новых янычар собирают, — писал Константин Кантакузино Г. И. Головкину 16 июня 1709 г., — для посылки в Анатолию, ядра готовят в Царьграде. Кроме того, собираются турки послать суда в Очаков для охраны от прохода русских судов». Валашский стольник доносил, что турецкий султан издал указ о посыпке в Россию человека для получения сведений о состоянии русских дел³¹⁶.

Русское правительство, стремившееся воспрепятствовать использованию Карлом XII султана в качестве своего союзника, придавало большое значение сведениям о турецких действиях, получаемым в 1709 г. из Валахии.

Выражая радость по поводу победы русской армии под предводительством Петра I над шведскими войсками под Полтавой и рассчитывая на возможность русско-турецкой войны, Брынковяну и Константина Кантакузино заверяли

³¹² Там же, д. 3, л. 4.

³¹³ Там же, л. 9.

³¹⁴ Там же, д. 2, лл. 85—86, 87 об., 90 об., 91, 95, 97, 115 об.—117.

³¹⁵ Там же, 1709 г., д. 3, лл. 66 об., 87 об.—88.

³¹⁶ Там же, лл. 35 об.—36 об.

русскоe правительство в том, что не только жители Валахии и Молдавского княжества, но все угнетенные султаном балканские народы надеются на освобождение с помощью России и ждут прихода русских войск, чтобы соединиться с ними. 28 июля 1709 г. валашский господарь в письме Г. И. Головкину сообщал о приезде в Валахию сербского генерала Текели, который заявил, что в случае войны России с Турцией сербы в количестве 30—40 тыс. человек готовы выступить навстречу русским войскам³¹⁷. Константин Кантакузино высказывал готовность любым способом и средствами служить «священному и державному его величеству». «Его же, освободителя и спасителя от нечестивых всего православного рода,— писал он,— молимся всем купна и просим распространятьми руками и слезами»³¹⁸.

Турция, встревоженная победой русских под Полтавой, особенно опасалась тяготения Валахии и Молдавского княжества к России. Хотя связи Брынковяну с Россией были тайными, в Константинополе подозревали о них.

Французский посланник в Константинополе Ферриоль в письме королю от 22 ноября 1709 г., извещая о свержении молдавского господаря Михаила Раковицы с престола за связи с Россией, замечал, что следовало бы поступить так же и с господарем Валахии³¹⁹. Шведский король сообщал туркам, «что мунтении хорошие друзья с москалями и обо всем им пишут, что видят и слышат в Порте»³²⁰. Крымский хан, завладевший архивом Мазепы³²¹, прямо говорил султану, что «Брынковяну, господарь мунтянский, богатый и сильный, имеет много войска, с давних пор хороший друг москалей»³²². 24 января 1711 г. французский посол в Константинополе Дезальер писал королю о прибытии из Москвы посла венгерского князя Ракоци Талаба и о полученных от него сведениях относительно переговоров валашского господаря с Петром I после победы русских под Полтавой³²³.

³¹⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1709 г., д.3, л. 49 об.

³¹⁸ Там же, л. 73 об.

³¹⁹ E. Hurmuzaki. Supl. I, vol. I. *Vuscureşti*, 1897, p. 372.

³²⁰ Neculce, p. 256.

³²¹ G. Beziu соп. Op. cit., p. 132.

³²² Neculce, p. 257; см. также С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII, т. 16, стр. 375—376.

³²³ E. Hurmuzaki. Supl. I, vol. I, p. 391—393.

Стремясь к укреплению своего влияния в княжествах, турки решили лишить Брынковяну престола, уличив его в связях с русскими. Некулче рассказывает, что с этой целью они посадили на молдавский престол его врага Дмитрия Кантемира, дав ему задание схватить Брынковяну в нужный момент и обещая за это валашский престол. По совету Кантемира великий визирь, решив испытать валашского господаря, потребовал с него 500 кошельков бань. Брынковяну, «как человек с умом», пишет Некулче, без возражений согласился уплатить эту сумму, но не сразу, а, ссылаясь на истощение страны, в течение 5 месяцев, решив, что за это время придут «москали» ³²⁴.

Таким образом, Брынковяну, догадываясь о подозрениях турок, занял выжидательную позицию, прикинувшись послушным турецким подданным, но не прекратив, однако, своих тайных связей с Россией.

4. Укрепление торговых и культурных взаимосвязей между Россией и Валахией в конце XVII — начале XVIII в.

{ Установление постоянных политических отношений Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в. способствовало развитию торговых и культурных связей между ними.

В торговых отношениях Валахии с Россией периода правления Брынковяну, так же как и на протяжении всей второй половины XVII в., продолжала играть большую роль торговля господаря и крупных бояр с царской казной. Основным русским товаром, интересовавшим господарей и боярство, были меха, главным образом собольи, лисьи. Русские меха в то время высоко ценились в княжествах, считались ценным подарком. Дорогие русские меха использовались господарями и боярством как средство наживы путем перепродажи или как средство получения благосклонности султана и турецких чиновников.

Книга записей доходов и расходов казны за 1694—1704 гг. содержит сведения о расходах на дары турецким сановникам, в которых упоминаются меха, одежда, подшитая ме-

³²⁴ Neculce, p. 258.

хом, привезенные «из Московии». 15 декабря 1695 г. казной было уплачено 150 талеров за «две лисьи шубы из Московии», посланные турецкому паше в Тимишоару³²⁵. Среди даров, посланных капитану-паше на Дунай в 1697 г., называется «коужух из белых лисиц из Московии» стоимостью 100 талеров³²⁶. К 28 января 1701 г. относится запись казны о посылке турецкому паше в Никополь двух шуб «из Московии» стоимостью в 110 талеров³²⁷. Подобные записи в хронике казны довольно многочисленны³²⁸. Они свидетельствуют о широком распространении в Валахии времени правления Брынковяну русских мехов и о существовании постоянных торговых связей княжества с Россией. Об этом говорит также употребление русского термина «сорок» как единицы меры мехов.

Господарь и бояре выделяли большие суммы денег для покупки русских мехов³²⁹. Они направляли в Россию своих посланцев-купцов с ценными товарами для обмена на меха или специально для приобретения мехов на деньги. Так, в июле 1707 г. из Валахии от бояр Кантакузино был послан в Москву Григорий Грозов для покупки «про их обиход товаров». Для этих целей Гр. Грозову было дано 500 рублей³³⁰. Под товарами «про их обиход» разумелись прежде всего дорогие меха. 26 апреля 1710 г. в Россию приехал посланник Брынковяну Дементий Павлов «для покупки мягкой рухляди про обиход господаря»³³¹. Роспись товаров, купленных Дементием Павловым, показывает, что это были меха — лисьи, куницы, беличьи, общей стоимостью на 974 рубля³³². Приобретаемые валашским господарем и боярами русские меха шли на дары султану и покровителям из Константинополя, а также в личное пользование. Итальянец Дель Чиаро, живший при дворе Брынковяну, писал, что при свержении господаря с престола в 1714 г. в его личной казне среди других ценностей было обнаружено много дорогих мехов, привезенных из Москвы³³³.

³²⁵ «Condica», p. 176.

³²⁶ Ibid., p. 287.

³²⁷ Ibid., p. 605.

³²⁸ Ibid., p. 276, 443, 451, 526, 530, 641, 644, 701—704, 742.

³²⁹ Р. Constantinescu - Iașι. Op. cit., p. 27.

³³⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 13, л. 2.

³³¹ Там же, 1710 г., д. 4, л. 3.

³³² Там же, лл. 7 об—8.

³³³ Del Chiaro, p. 122.

Бывали случаи, когда русские меха продавались в Валахии по просьбе русских бояр, так как меха, в особенности собольи, там дорого ценились. Так, в 1705 г., когда чауш Давид Корбя был отозван Константином Брынковяну в Валахию, Ф. А. Головин поручил Давиду продать соболей. В письме к нему от 19 марта 1706 г. Головин писал: «А что принадлежит о соболях, изволь елико возможно потщатися, чтоб были проданы, и цену им сам по данному своему обещанию привози»³³⁴. В другом письме чаушу Ф. А. Головин просил, чтобы эти соболи были проданы за деньги, а не в обмен на какие-либо товары³³⁵.

Валашские посланцы привозили в Россию вино, лимоны. В 1706 г. прибыл из Валахии Дементий Христофоров от Брынковяну с письмами и свежими лимонами³³⁶. В том же году был прислан из Валахии брат Давида чауша Матвей с вином³³⁷. Он привез письмо Брынковяну Ф. А. Головину и шесть бочек вина: четыре — царю и две — Головину³³⁸.

Прибывавшие в Россию валашские торговые посланцы от господаря получали «кормовые», подводы для купленных товаров, сопровождающего и имели право свободного и беспошлинного провоза товаров до русской границы. Так, Григорию Грозову были предоставлены 4 подводы для товаров, был дан в провожатые толмач³³⁹. Кроме того, Грозов был снабжен проездной грамотой³⁴⁰. Из Посольского приказа в городскую ратушу была послана память о свободном и беспошлинном пропуске из Москвы Грозова с товарами³⁴¹.

Наряду с официальными торговыми отношениями развивались и частные торговые связи. Торговцы из Валахии и Молдавского княжества приезжали в Москву главным образом через Севск и Путивль. К концу XVII в. их приезды становятся довольно частыми. Имеющийся материал дает возможность сделать некоторые интересные наблюдения. В 1679 г. по запросу севских таможенных властей из

³³⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1706 г., д. 3, л. 19.

³³⁵ Там же, л. 20.

³³⁶ Там же, 1710 г., д. 4, лл. 4—5 об.

³³⁷ Там же, л. 5.

³³⁸ Там же, 1706 г., д. 2, л. 28—28 об.

³³⁹ Там же, 1707 г., д. 13, л. 8.

³⁴⁰ Там же, л. 11.

³⁴¹ Там же, л. 9—9 об.

Приказа Большого прихода была отправлена «память» в Разрядный приказ о посылке по государеву указу грамоты в Севск относительно порядка взимания проезжих пошлин с торговых греков, молдаван и валахов. Севскому таможенному голове предписывалось не задерживать греков, молдаван и валахов, едущих с товарами в Москву, а отпускать их с выписями к Москве, не взимая проезжих пошлин, «чтобы от того в греческих и мутьянских и волоцких торгах на Москве в пошлинах недобору не учинилось, потому что, послыша тое напрасную задержку и иманья пошлин не в указанных местах, с товары своими многие к Москве не поедут, а севскому голове против указу великого государя иметь пошлины довелось с тех товаров, которые в Севску в продаже будут»³⁴².

Здесь интересны несколько моментов. Прежде всего речь идет, конечно, о частных торговцах, так как торговые посланцы господаря имели проезжие листы и проезжали беспошлинно. Во-вторых, самый факт запроса севских воевод о порядке взимания проезжих пошлин с торговых греков, валахов, молдаван говорит за то, что их приезды к концу XVII в. становятся частыми. Подтверждением этому служит и указание на существование в Москве специальных валашских, молдавских и греческих торгов, где продаивались привозимые этими торговцами товары и платились пошлины. Русское правительство, будучи заинтересованным в привозе товаров из Греции, Молдавского княжества и Валахии, стремилось к урегулированию взимания пошлин с торговцев из этих стран.

Валашские и молдавские торговцы были частыми посетителями многих украинских и русских ярмарок в Миргороде, Шаргороде, Нежине, Чернигове, Глухове, Тихвине, Свинске и других. Донося в 1706 г. Петру I о необходимости возобновления в Брянском уезде Свинской ярмарки, славившейся в конце XVII в. и считавшейся большим торгом, привлекавшим к себе торговцев из многих стран³⁴³, А. А. Курбатов называл среди торговых людей, посещавших ярмарку, валашских и молдавских торговцев³⁴⁴.

В 1695 и 1697 гг. в связи с военными действиями против

³⁴² ЦГАДА, ф. Разрядный приказ, Севский ст., стр. 329, л. 36.

³⁴³ Н. И. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862, стр. 123.

³⁴⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. IV, вып. 2. СПб., 1900, стр. 881, прим. к № 1230.

Турции и Крыма русское правительство издало указы о временном запрещении въезда и выезда представителей восточного духовенства, а также торговых греков, валашов и молдаван³⁴⁵. Но по указу 1700 г. греческие, валашские и молдавские торговцы получили право, наряду с духовенством, свободного проезда в Севск и Москву³⁴⁶.

Несомненно, что этот указ способствовал притоку торговцев из Греции, Валахии и Молдавского княжества в начале XVIII в. В справке Посольского приказа 1708 г. о торговых греках и предъявлении ими товаров в Московской большой таможне упоминаются и валашские торговцы, в частности мултянец Герасим Федоров³⁴⁷.

При Брынковяну среди валашских торговцев, приезжавших в Россию, были и такие, которые за те или иные услуги пользовались здесь правом свободной торговли. Так, в 1707 г. из Валахии в Москву приехал Иван Иванов и просил восстановить и переписать на его имя грамоту, данную царем Алексеем Михайловичем его отцу Ивану Алексееву, по которой ему и его детям предоставлялось право свободной торговли в Русском государстве³⁴⁸. Ивану Иванову за службу его отца Ивана Алексеева русскому царю была дана жалованная грамота, по которой он получал право свободно торговать в русских городах всеми товарами, заплатив соответствующие пошлины. Исключение составляли те товары, которые брались в царскую казну³⁴⁹. Переселившийся из Валахии в Россию во время русско-турецкой войны 1711 г. Георгий Маржинян просил русского царя пожаловать его грамотой о свободной торговле в России³⁵⁰.

Но не только валашские торговцы приезжали в Россию. Ездили в Валахию и русские купцы. Главными валашскими торгами, где появлялись русские купцы со своими товарами, наряду с торговцами из других стран, были Бухарест, Крайова, Тырговиште, Бузэу, Кымпулунг³⁵¹.

³⁴⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1700 г., д. 4, лл. 1,3 об., 4; ф. Разрядный приказ, Белгородский стол, столб. 1487, л. 14.

³⁴⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1700 г., д. 4, л. 6.

³⁴⁷ Там же, 1708 г., д. 2, л. 50.

³⁴⁸ Там же, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 8, л. 2.

³⁴⁹ Там же, л. 6 — 6 об.

³⁵⁰ Там же, 1712 г., д. 12 л. 2.

³⁵¹ C. Seghete. Din istoria relațiilor comerciale româno-ruse în secolul al XVIII-lea (pînă la 1774). — «Studii privind relațiile româno-ruse», 1963, p. 74.

Интересные свидетельства о пребывании русских купцов в Валахии конца XVII — начала XVIII в. содержатся в книге записей доходов и расходов валашской казны. 25 октября 1696 г. было записано о расходах 7500 талеров на покупку соболей «у московских купцов»³⁵². 7 февраля 1703 г. казной было выдано 7500 талеров «московскому купцу Георгию за 12 сорок соболей...»³⁵³. Известно имя русского купца Порфирия, поставлявшего меха господарю Брынковяну³⁵⁴.

Как видно из приведенных свидетельств, русские торговцы привозили в Валахию различные меха, главным образом собольи. Другим русским товаром, пользовавшимся большим спросом в Валахии, были конопля и конопляное масло³⁵⁵.

Русские купцы покупали в Валахии вино, лимоны и другие фрукты. В письмах Брынковяну и Константина Кантакузино Г. И. Головкину, относящихся к 1707 г., имеется свидетельство о приезде русских купцов в Фокшаны «для покупки лимонов и иных овощей»³⁵⁶. Развитию частных валашско-русских торговых отношений способствовала также транзитная торговля, которую вели русские купцы через Валахию с соседними с ней странами³⁵⁷.

Несмотря на существование частных торговых связей Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в., все же основная торговля в этот период шла между валашским господарем и крупными боярами, с одной стороны, и царской казной — с другой. Так, в 1707 г., узнав о приезде русских купцов в Фокшаны за лимонами, Константин Кантакузино писал Г. И. Головкину 5 февраля, что в Валахию лимоны и «иные овощи» привозят в большом количестве из Румелии, Греции, Константинополя, и предлагал услуги в посылке их царскому величеству. В том же году Брынковяну послал Петру I и Г. И. Головкину 5 кошниц лимонов по 400 в каждой и 10 суденков конфектов, из

³⁵² «Condica», p. 442.

³⁵³ Ibid., p. 694.

³⁵⁴ G. Beziiconi. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse, p. 119.

³⁵⁵ C. Șerban. Din istoria relațiilor comerciale româno-ruse..., p. 74—76.

³⁵⁶ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 2, л. 36 об.

³⁵⁷ C. Șerban. Die istoria relațiilor comerciale româno-ruse..., p. 75.

Дворец Константина Брынковяну в Могошои

которых одна кошница и три суденка Головкину, остальные — Петру I³⁵⁸.

Правление Брынковяну было временем культурного подъема в Валахии. Будучи образованным человеком, Брынковяну покровительствовал развитию науки и просвещения, окружал себя видными деятелями и учеными Востока и Запада. При нем Бухарест превратился в один из крупных культурных центров Юго-Восточной Европы³⁵⁹. Несмотря на усилившееся в этот период проникновение греческой культуры, расширяются и валашско-русские культурные связи. Этому способствовали существовавшие ранее тесные культурные связи, в том числе общая славянская письменность и общность религий.

Применение церковнославянского языка в богослужении и религиозной литературе Валахии объясняет то что

³⁵⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1707 г., д. 2, л. 35.

³⁵⁹ Р. С е г п о в о д е а п и. Bucarest. Important centre politique du Sud-Est européen à la fin du XVIIe siècle et au commencement du XVIIIe — «Revue des études sud-est européennes», Bucureşti, 1966, N 1—2, p. 147—167.

рокое распространение, которое получила здесь в начале XVIII в. русская церковная книга. Очень небольшая часть этих книг дошла до наших дней. Они хранятся в рукописном отделе библиотеки Академии Социалистической Республики Румыния и описаны современным румынским историком Д. Богданом³⁶⁰.

Русская книга распространялась в Валахии несколькими путями. Нередко валашские паломники, ездившие в Москву, привозили с собой русские церковные книги. Затем они дарили эти книги монастырю или церкви. Самыми старыми русскими книгами, встречающимися в Валахии в период Брынковяну, были «Острожская библия» и «Пролог», привезенный в 1698 г. из Москвы паломником Ко-зиева монастыря Паисием и подаренный монастырю Бистрица³⁶¹. Среди русских книг, привезенных паломниками и сохранившихся до наших дней, Д. Богдан называет также «Осмогласник» (т. е. «Октоих»), «Псалтырь», «Соборник», изданный в Москве в 1700 г., «Минею», изданную в Москве в 1691 г.³⁶²

Кроме того, сам господарь лично приобретал русские церковные книги. Русские книги, принадлежавшие Брынковяну, отмечены его, господарской, печатью. Из этих книг до наших дней дошло 10, среди них «Апостол», изданный в Москве в 1688 г., «Псалтырь», изданная в Москве в 1689 г., и другие³⁶³.

Русская книга распространялась в Валахии и в переводе на румынский язык. Первой книгой, переведенной при Брынковяну, был «Киево-Печерский патерик». Сохранилось всего несколько румынских рукописей, представляющих переводы русских церковных книг.

Практические потребности княжества в развитии культуры и образования в конце XVII — начале XVIII в. вызывали иногда переиздание русских книг. Речь идет о распространении в Валахии известной русской грамматики Мелетия Смотрицкого. Издание ее связано с типографской

³⁶⁰ D. Bogdan. Cărți rusești în Țara Românească sub Constantin Brâncoveanu.—«Biserica ortodoxă română», 1956, 6—7, p. 543—557.

³⁶¹ D. Bogdan. Între români și ruși. Legături și influențe din veacul XVII și pînă la 1721.—«Analele româno-sovietice», București, 1947, 5, p. 818; он же. Cărți rusești în Țara Românească..., p. 546.

³⁶² D. Bogdan. Cărți rusești în Țara Românească..., p. 546—547

³⁶³ Ibid., p. 547—548.

деятельностью митрополита Антима Ивериану, сыгравшего большую роль в развитии валашско-русских культурных связей.

Антим Ивериану, грузин по происхождению, был угнан турками и продан на стамбульском невольничьем рынке. Выкупил его иерусалимский патриарх Досифей, при котором Антим находился до 1689 г.³⁶⁴ Одним из мероприятий Брынковяну, направленных на развитие культуры и образования в Валахии, было улучшение типографского дела. Для этой цели по рекомендации Досифея валашский господарь и привез Антима в Бухарест. Точная дата приезда Антима в Валахию исследователями не установлена. С достоверностью можно лишь сказать, что Антим приехал в Валахию между ноябрем 1688 г., когда Брынковяну стал господарем, и 1691 г., датой выхода первой книги с подписью Антима³⁶⁵.

Кроме грузинского, Антим Ивериану прекрасно знал греческий, турецкий, арабский языки, а после переезда в Валахию изучил румынский и церковнославянский. С 1691 по 1694 г. он работал мастером в господарской типографии Бухареста³⁶⁶. В 1694 г. он переехал в Снагов, где основал собственную типографию, являясь одновременно и игуменом местного монастыря. С 1701 по 1705 г. Антим снова работал в типографии Бухареста³⁶⁷. Одаренный выдающимися способностями, Антим быстро поднялся по ступенькам церковной иерархии. В 1705 г. он был назначен епископом Рымникским, а в 1708 г. избран митрополитом на место умершего Феодосия³⁶⁸.

Но главным в жизни Антима была типографская деятельность. Все 64 книги, напечатанные в Валахии с 1691 по 1716 г., связаны с его именем³⁶⁹. Под его руководством выходят в свет из типографий Бухареста, Снагова, Рымника-Вылча и Тырговиште прекрасные издания на румынском, греческом, церковнославянском, сербском языках не только

³⁶⁴ Ф. Джинджихашвили. Атимоз Ивериели (Антим Ивериану). Жизнь и творчество. Тбилиси, 1967, стр. 17.

³⁶⁵ Там же, стр. 102.

³⁶⁶ Там же, стр. 104; P. Constantinescu-Iașii. Op. cit., p. 176.

³⁶⁷ R. Albală. Antim Ivireanul și vremea lui. București, 1962, p. 58.

³⁶⁸ D. Teodog [Bogdan]. Despre Antim Ivireanul.—«Studii teologice», 1955, 3—4, Ap. VII, ser. II, p. 245; R. Albală. Op. cit., p. 61, 72.

³⁶⁹ Ф. Джинджихашвили. Указ. соч., стр. 101.

ко религиозного, но и светского содержания. Антим Ивериану, посвятивший всю свою жизнь делу просвещения, был ярым противником турок, сторонником сближения с Россией в борьбе за освобождение Валахии от турецкой зависимости. В 1716 г. за связи с антитурецкой коалицией во время австро-турецкой войны Антим был лишен духовного сана³⁷⁰ и приговорен к пожизненному заключению на горе Синай в монастыре св. Екатерины. По дороге к месту ссылки Антим был убит турками³⁷¹.

Одним из светских изданий Антима Ивериану была русская грамматика Мелетия Смотрицкого. Грамматика была напечатана Антимом в 1697 г. с русского издания 1648 г.³⁷² Экземпляр этого русского издания сохранился в библиотеке Академии Социалистической Республики Румыния среди книг валашского стольника Константина Кантакузино³⁷³. Пометки стольника на некоторых страницах книги свидетельствуют о глубоком изучении и знании им церковнославянского языка. Из сохранившейся на книге надписи следует, что по этой же книге обучались и его дети³⁷⁴.

В предисловии к изданию Антима русской грамматики Смотрицкого изложены причины, вызвавшие необходимость ее публикации в Валахии. Грамматика нужна была для изучения применявшегося в богослужении церковнославянского языка, ибо из-за незнания его люди могли «многажды и огрешение впасти»³⁷⁵. Кроме того, русская грамматика должна была служить учебником в организованной Брынковяну школе для обучения церковнославянскому языку детей отроческого и младшего возраста³⁷⁶.

Русская книга не только распространялась в Валахии, но и оказывала влияние на печатные издания в княжестве. Это влияние сказалось прежде всего в изменениях техники печатания. В конце XVII — начале XVIII в. утрачивает-

³⁷⁰ E. Hurmuzaki. XIV/2, p. 794; R. Albalia. Op. cit., p. 185—187.

³⁷¹ Ф. Джиджихашвили. Указ. соч., стр. 43; R. Albalia. Op. cit., p. 187—188.

³⁷² D. Teodor [Bogdan]. Op. cit., p. 256.

³⁷³ Подробно о библиотеке Константина Кантакузино см.: D. Drăgăneanu. Orizonturi umaniste în cultura românească din secolul al XVII-lea (Biblioteca unui mare cărturar român, stolnicul Constantin Cantacuzino). — «Studii. Revistă de istorie», 1966, N 4, p. 667—682.

³⁷⁴ D. Teodor [Bogdan]. Op. cit., p. 256.

³⁷⁵ Ibid., p. 257.

³⁷⁶ Ibidem.

ся применявшимся в Валахии и Молдавском княжестве кирилловский шрифт и преобладает шрифт львовского или московского типа, чаще всего мелкий московский шрифт³⁷⁷. По образцу южнорусских изданий в валашских и молдавских изданиях приводится азбука с прописными буквами отдельно или рядом со строчными («Снаговское евангелие» 1697 г.)³⁷⁸. Русское влияние сказалось также и на орнаментировке книг. Это влияние было не только следствием распространения русских и украинских книг в Валахии и Молдавском княжестве, но и наличия в типографиях княжеств оборудования, привезенного из Киева и Москвы, и украинских мастеров-типографов. В середине XVII в. при господаре Матее Басарабе в типографиях Валахии работали украинские мастера Тимофей Вербицкий, Иван Глебкович, Иван Кунотович, иеромонах Иосиф, Андрей Скольский³⁷⁹.

Современный украинский историк Г. И. Коляда, исследуя влияние орнаментировки и миниатюры старых русских и украинских книг на валашские и молдавские издания, показал, что высокое типографское мастерство русского первопечатника Ивана Федорова оказало огромное влияние на книгопечатание в княжествах. Прослеживая на валашских и молдавских изданиях распространение федоровских заставок, инициалов, Г. И. Коляда приходит к выводу, что к концу XVII — началу XVIII в. они становятся обычными для этих изданий³⁸⁰.

Найденные нами новые архивные материалы позволяют осветить такие стороны валашско-русских культурных связей периода Брынковяну, как обмен мастерами разных специальностей.

В 1698 г. валашский посол Георгий Кастроот от имени господаря предложил Петру I принять на службу греческих корабельных мастеров. Петр I выразил согласие на предложение Кастроота. В том же 1698 г. от валашского господаря к Петру I был прислан корабельщик Христо-

³⁷⁷ А. И. Яцимирский. Русское влияние на печатные книги у румын в XVII в. СПб., 1907, стр. 4, 7.

³⁷⁸ Там же, стр. 4.

³⁷⁹ Г. И. Коляда. Из истории книгопечатных связей России, Украины, Румынии в XVI—XVII вв.—«У истоков русского книгоиздания». К трехсотсемидесятипятилетию со дня смерти Ивана Федорова (1583—1958). М., 1959, стр. 88—89; G. Stremfel. Sprijinul acordat de Rusia tiparului românesc în secolul al XVII-lea.—«Studii și cercetări de bibliologie», I, 1955, p. 20—21.

³⁸⁰ Г. И. Коляда. Указ. соч., стр. 81—100.

фор Константинов³⁸¹. В письме своему послу Кастроиту Брынковяну писал, что Христофор Константинов «в морском хождении человек зело искусный», что таких корабельных мастеров теперь трудно сыскать, так как все они взяты на службу к султану³⁸². Господарь сообщал, что он посыпает Константина на службу великому государю. Христофор Константинов был принят на службу в русский флот. Он стал одним из лучших корабельных мастеров. Об этом свидетельствует специальный указ Петра I о том, чтобы Христофор Константинов был с ним в походе на Воронеж³⁸³.

Есть основание полагать, что Христофор Константинов не был в России единственным корабельщиком из Валахии. В делах Посольского приказа имеется указ Петра I об отпуске в Валахию прибывшего к Кастроиту валашского посла «к тамошнему господарю для нанятия морских корабельщиков 50 человек, которые бы были правители и вожды Черного моря»³⁸⁴.

Мероприятия Петра I по строительству русского флота на Черном море были связаны с его планами широких военных действий против Турции. В связи с мирными переговорами на Карловицком конгрессе Петр I указал, в случае заключения мирного договора с султаном, греческих корабельных мастеров не нанимать³⁸⁵. Поскольку 24 января 1699 г. между Россией и Турцией был заключен договор о перемирии на два года, мастера не были наняты. Но в последующие годы мы встречаем в русском флоте греческих корабельных мастеров из Валахии. Сохранилось письмо Спафария-Милеску боярину Ф. А. Головину от 1705 г. с сообщением о приезде грека Параскевы, посланного Ф. М. Апраксиным из Азова в Константинополь и о привозе им из Бухареста мастера каторги, подмастерья и кормщика³⁸⁶.

Не только корабельные мастера приезжали из Валахии в Россию в период правления Брынковяну. В 1708 г. в Посольском приказе была проведена перепись всех живших

³⁸¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1698 г. д. 1, л. 113.

³⁸² Там же, л. 272.

³⁸³ Там же, л. 312.

³⁸⁴ Там же, л. 316.

³⁸⁵ Там же, лл. 347—348.

³⁸⁶ Архив ЛОИИ, ф. Собрание Гамеля, оп. 3, № 21, л. 251.

в Москве греков. В переписи указывались фамилии, имена, когда и откуда кто приехал, с какой целью. Переписью зафиксировано шесть валахов, живших в 1708 г. в Москве. Все они мастера скорняжного дела³⁸⁷.

В Валахии в этот период также встречались русские мастера. Свидетельства об этом мы находим в валашских источниках. Одно из свидетельств — договор от 11 марта 1689 г., по которому мастер-строитель Алексей Русул договаривался с пыркалабом Вылку из поместья Бузеу, принадлежавшего Михаилу Кантакузино, о строительстве церкви спафарию Михаилу. Интересно здесь то, что мастер-строитель Алексей Русул был или русским человеком, или украинцем, пришедшим в Валахию в числе казаков после событий 1648 г. «Русул» (*Rusul*) в дословном переводе означает «русский». Но «Русул» не означало фамилии Алексея, хотя и служило ее синонимом и, конечно, было связано только с его происхождением³⁸⁸.

Сохранившиеся в Бухарестском государственном архиве документы о постройке мельниц в Валахии и Молдавском княжестве в XVII в. свидетельствуют о наличии русских рабочих, занятых выкапыванием мельничных каналов в Валахии³⁸⁹.

В правление Брынковяну в Валахии работали и русские мастера церковной иконописи. Дель Киаро, описывая внутреннее убранство валашских церквей, восхищался росписями, выполненными иконописцами, «которые обучены московскими художниками, являющимися мастерами этого искусства»³⁹⁰.

Необходимо отметить еще одну сторону валашско-русских культурных связей периода Брынковяну. Это посыпка русских людей в Валахию для обучения наукам, в частности языкам — греческому, латинскому и другим. Так, в 1705 г. вместе с Давидом Корбя,озванным Брынковяну, были посланы в Валахию переводчик греческого языка Посольского приказа Андрей Михайлов «для учения латин-

³⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Грецией, 1708 г., д. 2, лл. 13—16.

³⁸⁸ Публикация договора: I. Ion a ş c u. Două știri mărunte privind legăturile Ţării Româneşti cu Rusia în epoca lui Brîncoveanu.— «Studii și cercetări de istorie medie», I, 1951, p. 75—76.

³⁸⁹ Публикация: N. Stoică s c u. Constructori ruși de iazuri în secolul al XVII-lea în Tara Românească și Moldova.— «Studii și materiale de istorie medie», III, 1959, p. 373—378.

³⁹⁰ Del Chiaro, p. 53.

ского языка и иных наук» и его брат Данила Васильев «для
изучения волошского языка»³⁹¹.

Румынский исследователь В. Папакостя полагает, что Андрей Михайлов обучался в Бухаресте в Академии св. Савы, так называемой греческой Академии³⁹², слушателями которой чаще всего бывали иностранцы. Данила Васильев же, по его мнению, был учеником школы славянского обучения, находившейся при монастыре св. Георгия Старого³⁹³. Вернулся А. Михайлов из Валахии в феврале 1707 г.³⁹⁴

Бывали случаи, когда из Валахии тоже приезжали в Россию для обучения в московских школах. В 1707 г. в Москву приехал сын Давида Корбя Севастьян для «учения в московских школах греческого, латинского и словенского языков»³⁹⁵.

Все вышеизложенное дает нам право утверждать, что период правления в Валахии господаря Брынковяну был не только периодом установления постоянных дипломатических отношений Валахии с Россией. Вместе с тем развивались и более тесные связи между обеими сторонами, расширялись торговые и культурные взаимоотношения.

³⁹¹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавней и Валахией, 1704 г., д. 11, л. 24—24 об.; 1707 г., д. 14, л. 1—1 об.

³⁹² О деятельности Академии во время правления Брынковяну см.: I. Iopășcu. Activitatea de început a Academiei domnești de la sfîntul Sava (1694—1716).—«Analele Universității București», seria istorie, 1964, p. 119—141.

³⁹³ V. Papacoste. Doi bursieri ai lui Petru cel Mare la școlile din București.—«Studii. Revistă de istorie», 1961, N 1, p. 117—118.

³⁹⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавней и Валахией, 1707 г., д. 4, лл. 14—17 об.

³⁹⁵ Там же, 1707 г., д. 12, л. 4.

ГЛАВА II

Русско-валашские связи 1711—1713 гг.

1. Отношения Валахии с Россией в период русско-турецкой войны 1711 г.

К 1710 г. между Россией и Турцией назревала война. Победа русской армии под Полтавой вызвала тревогу в Константинополе. Турция опасалась, что Россия, одержав победу над Швецией и устроив свои дела в Польше, объявит ей войну. Эти опасения были на руку Карлу XII. Он послал султану письмо, в котором, пугая возрастающим могуществом России, предлагал заключить турецко-шведский союз и предоставить ему отряд турецкой конницы для действий «против Московии»¹. Султан ответил уклончиво на это предложение. Тогда Карл XII послал в Константинополь своего поверенного Станислава Понятовского с целью склонить Порту к разрыву мира с Россией.

Русские успехи в Северной войне вызвали беспокойство и среди западных дипломатов, которые тоже подстрекали Турцию к войне с Россией. Наметившееся кратковременное франко-русское сближение в условиях роста международного авторитета России после Полтавской победы и военных неудач Франции в 1709 г. сменилось охлаждением. Французское правительство склонялось к союзу со Швецией².

¹ Neculce, p. 256.

² Б. Б. Кафенгауз. Полтавская победа и русско-французские отношения.— В кн.: «Полтава». К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 1959, стр. 148—155; Т. К. Крылов. Внешняя политика России после Полтавы (1709—1710 гг.).— Там же, стр. 164—167.

Дезальер сотрудничал со шведским поверенным Понятовским, оказывал ему денежную поддержку и «Порту побуждал к разрыву мира с Россиею»³. Объявление Турцией войны России было встречено во Франции с воодушевлением⁴.

Особое рвение к разжиганию войны Турции с Россией проявляла Англия, стремившаяся отвлечь русские войска с севера, не допустить их вступления в шведские владения на территории Германии и тем самым ослабить действия других участниц Северного союза (Дании, Польши). Кроме того, война России с Турцией обеспечила бы спокойный тыл для Австрии, союзницы морских держав в борьбе за испанское наследство⁵. Все же, несмотря на пройски шведского короля и западных дипломатов, П. А. Толстому удалось в ноябре 1709 г. возобновить тридцатилетний мир России с Турцией. При этом было принято условие, что Карл XII немедленно должен оставить Бендера.

Разгневанный таким оборотом дела Карл XII усилил свои пройски в Турции. В результате этих пройсков был свергнут Али-паша и на пост великого визиря назначен Балтаджи Мехмет-паша, который повел дело к разрыву с Россией. Период пребывания Балтаджи на посту великого визиря характеризуется усилением воинственных настроений в Турции против России. Порта зариась на украинские земли. Сильны были в Турции и реваншистские настроения — желание отобрать у России Азов.

Русское правительство было заинтересовано в сохранении мира с Турцией, так как считало необходимым в первую очередь решить балтийскую проблему.

17 июля 1710 г. Петр I направил турецкому султану послание, в котором обращал внимание на неисполнение условий недавно возобновленного мирного договора. Петр I указывал, что Карл XII не только не выслан из пределов Турции, но в Бендерах концентрируются турецкие и татарские войска и что сам султан благодаря наушничеству короля на-

³ «Журнал или поденная записка блаженного и вечнодостойного памяти государя императора Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира», ч. I. СПб., 1770, стр. 309 (далее — «Журнал Петра Великого»).

⁴ О роли Франции в развязывании русско-турецкой войны в 1710 г. см.: «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. X. М., 1956, стр. 656—660, прим. к № 3875.

⁵ Там же, стр. 656—660, прим. к № 3875; стр. 768—772, прим. к № 4165.

мерен нарушить мир и объявить войну⁶. Но ответа Петр I не получил. Русские курьеры, посланные в Турцию, были арестованы турецкими властями в Молдавском княжестве и посажены в «земляные тюрьмы», где они и находились до заключения Прутского мира в 1711 г.⁷

Не получил Петр I ответа и на второе свое послание от 18 октября, в котором решительно писал турецкому султану, что если Турция не намерена исполнять условий мира, то «не можете нам принять за зло, что принуждены будем и мы в свое беспоаствие войска наши к границам приближать и всякое воинское предуготовление чинить и с союзником своим королем польским Августом и всей при нем сущею Речью Посполитою намерения свои к пресечению против нас таковых неприятельских замыслов воспринимать будем»⁸. Гонцы, везшие эту грамоту, были схвачены сподручными Понятовского и Дезальера.

Турция начала усиленные военные приготовления. Валашский господарь Константин Брынковяну в письме Г. И. Головкину от 2 января 1710 г. сообщал об открытых военных приготовлениях турок. Что турки «военные приготовления чинят, явно то всем, — писал Брынковяну, — потому что провиант и запасы в некоторых местах подунайских собирают»⁹. О турецких военных приготовлениях валашский господарь сообщал и в письме киевскому губернатору князю Д. М. Голицыну от 13 января 1711 г.¹⁰

Положение П. А. Толстого в Константинополе стало невыносимым. В своем донесении от 10 ноября 1710 г. он писал, что турецкие власти «завтра или послезавтра» его «запрут и оберут совсем»¹¹.

20 ноября 1710 г. в Константинополе было официально объявлено о начале войны с Россией. П. А. Толстой был арестован и брошен в тюрьму¹². В Петербурге официальное

⁶ «Там же, стр. 233—236, № 3878.

⁷ «Журнал Петра Великого», стр. 310—311.

⁸ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. X, стр. 383—384, № 4063.

⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1710 г., д. 1, л. 4 об.

¹⁰ Архив ЛОИИ, ф. Походная канцелярия А. Д. Меньшикова, оп. 1., карт. 15, № 17.

¹¹ Цит. по кн.: А. З. Мышлаевский. Россия и Турция перед Прутским походом.— «Военный сборник», 1901, № 1, стр. 29.

¹² «Полное собрание законов Российской империи», т. IV. СПб., 1830, № 2322, стр. 628 (далее — ПСЗ).

сообщение об объявлении Турцией войны России было получено 22 декабря 1710 г. Русское правительство приняло ряд мер по подготовке к войне. Но, стремясь к сохранению мира с Турцией, Петр I направил султану 6 января 1711 г. еще одну грамоту¹³. Ответа также не последовало. 25 февраля в Москве в Успенском соборе был публично оглашен царский манифест о разрыве мира с Турцией и начале войны¹⁴.

В начавшейся войне русское правительство возлагало большие надежды на восстание угнетенных турками народов Балканского полуострова. В манифесте об объявлении войны подчеркивалось, что турки угрожают не только России, но и всем христианским народам — грекам, молдаванам, болгарам, сербам и другим¹⁵.

В мае 1710 г. в Москву прибыл сербский сотник Богдан Гопович с просьбой принять сербов в русское подданство¹⁶. Серб Савва Рагузинский, находившийся на русской службе, и его агенты весной 1711 г. распространяли манифести Петра I с призывом восстать и принять участие в борьбе против Турции. Под влиянием этих манифестов среди турецких сербов развернулось широкое повстанческое движение, которое к лету 1711 г. насчитывало в своих рядах до 30 тыс. человек¹⁷.

Непосредственными союзниками России в этой войне были Молдавское княжество и Валахия. 13 апреля 1711 г. Петр I заключил с молдавским господарем договор о союзе и совместной борьбе против Турции, зафиксированный в «Дипломе и пунктах» Димитрию Кантемиру¹⁸. Такой же договор Петр I надеялся заключить и с валашским господарем Константином Брынковяну¹⁹.

¹³ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1. М., 1962, стр. 24—25, № 4203.

¹⁴ «Журнал Петра Великого», стр. 327.

¹⁵ ПСЗ, т. IV, № 2322, стр. 629.

¹⁶ А. А. Ко чу бин ский. Мы и Они (1711—1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878, стр. 117.

¹⁷ С. К. Б о г о я в л е н с к и й. Из русско-сербских отношений при Петре Великом.— «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 29—33.

¹⁸ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 173—176, № 4385; см. также: Neculce, p. 264—265. Исследование проблемы: P. R a p a i t e s c u. Tratatul de alianță dintre Moldova și Rusia din 1711. 250 de ani de la încheierea lui.— «Studii. Revistă de istorie», 1961, N 4, p. 897—914.

¹⁹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 221, № 4436.

Молдавский господарь
Димитрий Кантемир

8 мая 1711 г. Петром I был написан манифест к правителям и жителям Молдавского княжества и Валахии с призывом объединиться с русскими войсками для освобождения от турецкой зависимости. Подчеркивалось, что русское правительство не будет требовать за это «какой-либо корысти и самовластия», а оставит каждый народ «под прежними начальники» и будет содержать под своим протекторатом как вольные и союзные народы²⁰.

План военных действий, намеченный Петром I в войне с Турцией, заключался в том, чтобы, форсировав Днестр, идти прямо к Дунаю, опередить турок, не дав им перейти Дунай. Переправа через Дунай и вступление турецких войск в Молдавское княжество и Валахию первыми лишили русские войска не только подкрепления военными силами, обещанными господарями, но и продовольствием и фуражом. Несмотря на исключительное внимание, уделяемое русским командованием подготовке продовольственной базы предстоящего похода²¹, большие надежды возлагались на поддержку продовольствием и фуражом со стороны молдавского и валашского господарей. Но движение русских войск под командованием Б. П. Шереметева от Риги на Волынь происходило медленно. Выступив из Риги 11 февраля 1711 г., Шереметев лишь 9 апреля прибыл в Луцк²². После свидания с царем в Луцке Шереметев получил задание, чтобы компенсировать потерянное время, оставить главные силы и двигаться с 13 драгунскими и 2 пехотными полками к границам Молдавского княжества с целью поднять местное население и захватить переправы через Дунай.

В «пунктах», посланных Б. П. Шереметеву и В. В. Долгорукому из Яворова 7 мая 1711 г., Петр I, объясняя необходимость быстрейшего продвижения к Дунаю, писал, что вступление русских войск в Молдавское княжество и Валахию побудит жителей княжеств, сербов и другие балканские народы восстать против турок и соединиться с русски-

²⁰ Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Музейное собр., № 14096, папка 1. Опубл.: «Письма и бумаги императора Петра Великого» т. XI, вып. 1, стр. 225—227, № 4440.

²¹ «Журнал Петра Великого», стр. 331—332; Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг. Под ред. А. З. Мыслевского. СПб., 1898, стр. 21 (далее — «Военно-походный журнал Б. П. Шереметева»).

²² «Походный журнал 1711 года». СПб., 1913, стр. 6—7.

ми войсками²³. Он приказывал Шереметеву послать человека к молдавскому господарю для соединения его с русскими войсками, разослать молдавскому народу листы, указы. «Також послать,— писал Петр I,— и к мультиянскому господарю и писать от себя ко оному и Кантакузиным по совету Рагузинского, желая того же совокупления с войсками и присылки напредь верной особы для советов и согласия»²⁴. Петр I в «пунктах» Б. П. Шереметеву подчеркивал необходимость привлечения на свою сторону угнетенных турками народов, давая им жалование и запрещая разорять жителей, брать деньги, хлеб и «живность»²⁵.

30 мая Шереметев с кавалерийскими полками перешел Днестр под местечком Рашковом²⁶.

Между тем турки в конце мая навели мосты через Дунай, но великий визирь медлил с переправой, напуганный сообщениями о численном превосходстве русских войск и переходе молдавского господаря на сторону русских²⁷.

Шереметев, получив сведения о сосредоточении турок на Дунае, пошел, вопреки ранее намеченному плану, не к Дунаю, а к Проту, ожидая подхода основных сил русской армии²⁸.

Сразу же после переправы через Днестр Шереметев направил в Яссы бригадира Г. И. Кропотова с 3 тыс. драгун, Апостола Кигеча во главе полка молдаван (около 500 человек), находившихся на русской службе²⁹. 1 июня Г. И. Кропотов был у Прота. В Загаранче его встретил Димитрий Кантемир³⁰. После встречи с Кропотовым Кантемир разослал по всем уездам царские универсалы и специальный манифест, призывающий народ к вооруженному восстанию против турок³¹. Об этом Кантемир

²³ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып 1, стр. 221, № 4436.

²⁴ Там же, стр. 222.

²⁵ Там же, стр. 223.

²⁶ «Походный журнал 1711 года», стр. 12.

²⁷ Neculce, p. 271.

²⁸ Ibid., p. 269.

²⁹ «Походный журнал 1711 года», стр. 12; Neculce, p. 269.

³⁰ «Военно-походный журнал Б. П. Шереметева», стр. 40; Costin, p. 100.

³¹ Текст манифеста: ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1711 г., д. 3, л. 1. Опубл.: E. Hurmuzaki, Supl. I, vol. I, p. 396—397. См. также P. Răpătescu. Dimitrie Cantemir. Viața și opera. București, 1958, p. 108.

сообщил Шереметеву в своем письме от 2 июня 1711 г.³²

Шереметев прибыл к Пруту 5 июня. 6 июня его встречал в Цуцоре Кантемир со своими боярами³³. А 13 июня к Днестру, в районе Сороки, к населенному пункту Еланц, подошли основные силы русской армии³⁴. С 17 по 19 июня вся русская армия перешла Днestr и направилась к Пруту³⁵.

Вступление русских войск на территорию Молдавского княжества, возвзвание Петра I и Кантемира к населению с призывом восстать против турок вызвали огромный патриотический подъем среди жителей. Во время форсирования русскими войсками Днестра молдавские крестьяне, ремесленники, мелкие купцы, служилые люди поднялись на борьбу с турками. «Все жители Оргеевского, Сорокского и Лапушнянского уездов» восстали против турок, пишет летописец Некулче³⁶. Петр I издал возвзвания, которые призывали жителей Молдавского княжества вступать в русскую армию и без боязни продавать свои продукты русским войскам³⁷. Некулче рассказывает, что в русскую армию шли «сапожники, портные, землекопы, трактирщики, батраки»³⁸. В военной сводке штаба действующей армии от 31 мая 1711 г. сообщалось, что «волохи к нашим беспрестанно приходят и с великим доброжелательством и желанием»³⁹. По сведениям Некулче, через 15 дней после манифеста Кантемира на военной службе уже состояли 17 полковников и 170 ротмистров со своими подразделениями, в которых должно было быть по 100 человек, но они еще не были полностью сформированы⁴⁰.

Вступившие в 1711 г. на русскую военную службу составляли полки так называемых «новозатяжных волохов»,

³² «Война с Турциею 1711 года (Прутская операция)». Под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898, стр. 119—120, № 114 (далее — «Война с Турциею 1711 года»); см. также «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 539, прим. к № 4495.

³³ Neculce, p. 272; Costin, p. 101; «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI вып. 1, стр. 538, прим. к № 4495.

³⁴ «Походный журнал 1711 года», стр. 46.

³⁵ Там же, стр. 15.

³⁶ Neculce, p. 272.

³⁷ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 539, прим. к № 4495.

³⁸ Neculce, p. 273.

³⁹ «Война с Турциею 1711 года», стр. 250, № 31.

⁴⁰ Neculce, p. 273.

среди которых источники называют полки Накула, Киржева, Абазина и другие⁴¹. Наряду с существовавшими еще ранее молдавскими полками русской армии, такими, как полки Василия и Ионицы Танских, Апостола Кигеча, Иваненка и других⁴², они плечом к плечу с русскими боролись в 1711 г. против турок⁴³.

Поход русской армии от Днестра к Пруту проходил в труднейших условиях. Обнаружились продовольственные затруднения, русские войска шли через опустошенную молдавскую землю, где не было не только продовольствия, но и питьевой воды.

В этот момент особенно остро встал вопрос о переходе Валахии на сторону России. С дороги из Сорок к Пруту 21 июня Петр I писал Б. П. Шереметеву о необходимости послать в Валахию 3 тыс. «регулярной кавалерии и сколько пристойно нерегулярной» и написать с ними господарю и боярам Кантакузино, «призывая их, чтоб по обещанию своему к нам пристали. А меж тем велеть купить провианту». На случай, если не будет продовольствия, Петр I предписывал просить валашского господаря и бояр Кантакузино о покупке скота и послать им для этого деньги⁴⁴.

Петр I понимал всю серьезность продовольственного положения в русской армии, поэтому считал возможным, в случае если валашский господарь откажется присоединиться к русским, самовольно отбирать хлеб и скот в Валахии, но ничего другого грабить не разрешал. В том же письме от 21 июня он писал Шереметеву: «Буде же станут мултяны отговариватца, что не могут пристать, то объявить, что мы ис того увидим их самое неприятство, и велеть в таком случае тому командиру, посылая, брать самим в Мултянской земле хлеба и скота, сколько могут получить безденежно, только чтоб иного ничего не грабили»⁴⁵.

⁴¹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 46, № 4630.

⁴² Там же..

⁴³ Подробно об участии молдавских отрядов в военных действиях русских войск см.: Н. П. Кирichenko. К вопросу об участии молдавского народа в Прутском походе русской армии 1711 года.— «Ученые записки Кишиневского государственного педагогического института», т. VIII, 1958, стр. 15—28.

⁴⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 299, № 4535.

⁴⁵ Там же, стр. 299—300, № 4535.

Еще 7 мая 1711 г. валашский господарь покинул Бухарест и в ожидании прихода русских войск на территорию Валахии расположился со своим войском в лагере Урлац, в районе Альбешти⁴⁶.

Переход Димитрия Кантемира на сторону русских поставил Брынковяну в затруднительное положение. Считая Кантемира своим врагом и зная о цели, с которой турки посадили его на молдавский престол, он сделался более осторожным в отношении открытого перехода на сторону русских. Поэтому Брынковяну с недоверием отнесся к письму Кантемира с предложением перейти на сторону русских и присланному через него письму фельдмаршала Б. П. Шереметева. В письме Б. П. Шереметеву и С. Рагузинскому от 2 июня Кантемир сообщал, что письмо валашскому господарю, переданное через Кропотова, он отоспал и сам ему написал. Кантемир просил Б. П. Шереметева написать повторно Брынковяну, «дабы немедленно и он свое обещание исполнил и с нами соединился»⁴⁷.

Брынковяну хотел сам через своего посла установить связь с русскими, но не мог этого сделать, так как турки внимательно следили за его поведением.

В это время турецкий султан через иерусалимского патриарха предложил валашскому господарю быть посредником в русско-турецких мирных переговорах. Вступление русских войск на территорию Молдавского княжества и переход его во главе с Кантемиром на сторону русских вызвали тревогу в Константинополе. Турецкий султан боялся, пишет Некулче, «что христианские народы всех областей могут восстать против него»⁴⁸. Некулче рассказывает, что султан направил письмо иерусалимскому патриарху Хрисанфу с просьбой написать Брынковяну, приятелю Хрисанфа и, как говорит летописец, «старому приятелю москалей», чтобы он послал человека к русским с предложениями мира от турецкого султана. Некулче сообщает, что для посреднических переговоров о мире Брынковяну направил в Яссы к русскому императору комисса Македона⁴⁹. Валашский хронист Раду Гречану указывает, что с

⁴⁶ Grecianu, p. 197—198.

⁴⁷ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 539, прим. к № 4495.

⁴⁸ Neculce, p. 279.

⁴⁹ Ibidem.

этой целью Брынковяну послал в Яссы Георгия Кастро-
та⁵⁰. Русские источники тоже называют Георгия Кастро-
та, прибывшего с предложением мира по поручению сул-
тана⁵¹. Возможно, что турки предложили России мир через
Брынковяну с целью испытать его верность. Поэтому для
своей безопасности он посыпает в Яссы Кастро-тута под псев-
донимом Македона. Это было необходимо и потому, что вала-
шский господарь поручил Кастро-ту не только посред-
нические переговоры от имени султана. Русские источники
указывают, что Кастро-тут объявил о мирном предложении
турецкого султана «междо иными прошении»⁵².

Каковы были эти «прошения», неизвестно, но цель их и
самого посольства Кастро-тута к русскому правительству
выясняется из письма Брынковяну Кастро-ту от 7 июля
1711 г. В этом письме валашский господарь писал, что он
надеялся через посольство Кастро-тута «с радостию видеть
такого приближения, через что дабы и корреспонденцию
чащее нам иметь, получая наставления от вас полезныя»⁵³.
На основании этого можно полагать, что через Кастро-ту
Брынковяну пытался установить постоянную связь с рус-
скими. Русское правительство отклонило мирные предло-
жения турецкого султана, «что тогда частию не поверено,
паче же того ради не принято, дабы не дать неприятелю
сердца»⁵⁴.

Нерешительная, выжидательная позиция Брынковяну
была использована боярской партией Кантакузино, стре-
мившейся захватить господарский престол. Спафарий Фо-
ма Кантакузино вместе с группой преданных ему бояр и
служилых людей бежал из лагеря Урлац к русским. Ви-
чале, в течение 4—5 дней, он находился в обозе Шереме-
тева в Цуцоре, а затем в Яссах, после прибытия туда
Петра I⁵⁵.

Как велика была группа бежавших с Фомой Кантакузино
к русским? Румынский буржуазный историк А. Д. Ксе-

⁵⁰ Grecianu, p. 198—199.

⁵¹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2,
стр. 35, № 4621.

⁵² Там же.

⁵³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1711 г.,
д. 5, л. 5.

⁵⁴ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2,
стр. 35, № 4621.

⁵⁵ Grecianu, p. 201—202.

попол указывает, что с Фомой было 70 человек⁵⁶. По-видимому, эта цифра преувеличена. Английский посланник Суттон сообщал из Константинополя, что Фома Кантакузино перешел на сторону русских со своими людьми в количестве 40—50 человек⁵⁷. При устройстве же на русскую службу в 1712 г. Фома Кантакузино объявил при себе 31 человека⁵⁸. Надо думать, что цифра, названная Суттоном, близка к истине. Валашские источники содержат данные о круге лиц, перешедших в 1711 г. вместе с Фомой Кантакузино на сторону русских войск и составлявших группу близких ему бояр и служилых людей. Хронист Раду Гречану повествует, что Фома бежал к «москалям», сопровождаемый чаушем Киня, двоюродным братом Гаврилой Другенеску, логофетом Федором Корбя, братом Давида Корбя, капитаном Михалаком, несколькими служилыми людьми⁵⁹. Запись от 1 августа 1717 г. боярыни Марии и детей ее Ионицы и Антона о продаже епископии части своего поместья в Бузеу упоминает Лаудата, бывшего «с Фомой у москалиев»⁶⁰. Очевидно, Лаудат, ватаф Бузеу, был среди тех служилых, бежавших с Фомой Кантакузино, о которых говорит Гречану.

Некулче рассказывает, что, прибыв в Яссы к Петру I, Фома Кантакузино стал обвинять Брынковяну в невыполнении взятых им перед царем обязательств по подготовке продовольствия и войска для соединения с русскими, втайных замыслах подчиниться немцам в случае победы русских над турками. По свидетельству летописца, Фома Кантакузино говорил Петру I, что все жители Валахии готовы соединиться с русскими войсками, только Брынковяну этому препятствует и задерживает 18 тыс. сербов, которые хотят перейти на службу к русским. Далее Некулче повествует о том, что Фома Кантакузино попросил войска для похода к Браиле и ее взятия, так как, по его мнению, узнав

⁵⁶ A. D. X e p o r o l. *Istoria Românilor din Dacia Traiană*, vol. VIII. Bucureşti, 1925, p. 63.

⁵⁷ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 556, прим. к № 4535.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1712 г., д. 16, л. 89—89 об.

⁵⁹ Grecianu, p. 200—201.

⁶⁰ I. I o n a ş c u. Două știri mărunte privind legăturile Ţării Româneşti cu Rusia în epoca lui Brîncoveanu.—«Studii și cercetări de istorie medie», I, 1951, p. 76.

об этом, весь народ и все войско придет к Браиле и таким образом Брынковяну будет изолирован, а он, Фома, вместе с войском и продовольствием, заготовленным турками в районе Браилы, выйдет навстречу русскому императору в Фальчи⁶¹.

Интересно замечание Некулче, отрицательно относившегося к Брынковяну и с симпатией — к Фоме Кантакузино, о том, что Фома «бежал в Яссы, к московскому императору, рассчитывая стать господарем Валахии вместо Брынковяну»⁶². Гречану, враждебно настроенный к Кантакузино, указывает, что между Кантакузино и русскими существовало тайное соглашение после победы над турками передать валашский престол Кантакузино⁶³.

Из замечаний этих двух хронистов, противоположно настроенных по отношению к Фоме Кантакузино, ясно одно: Фома Кантакузино стремился использовать сложившуюся в Валахии обстановку для захвата господарского престола⁶⁴.

В России не могли не догадываться о его намерениях. В письме Петру I от 22 июня 1711 г. Б. П. Шерemetев писал о Фоме Кантакузино: «Не в указ доношу: надлежит из ево поступок довольно предвидеть, не трактует ли своего партикулярного интересу, чтоб через оное не озлобить господаря мултянского...»⁶⁵. Вполне понятно, что Фома Кантакузино представил русскому правительству политику Брынковяну в неприглядном для валашского господаря свете. Обвинение Брынковяну в том, что он препятствует 18 тыс. сербов присоединиться к русским войскам, было необоснованным. Движение 18 тыс. сербов не могло ускользнуть от внимания габсбургских властей, которым удалось раскрыть намерения сербских добровольцев и арестовать их руководителей⁶⁶.

⁶¹ Neculce, p. 279—280.

⁶² Ibid., p. 279.

⁶³ Grecianu, p. 201.

⁶⁴ См. также R. Panaitescu. Moldova și Țara Românească în ultimele decenii ale secolului al XVII-lea și la începutul secolului al XVIII-lea, p. 210; G. Bezviconi. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse, p. 131.

⁶⁵ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 556, прим. к № 4535.

⁶⁶ С. К. Богоявленский. Указ. соч., стр. 29—30; И. С. Достин. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV — начало XIX в. М., 1958, стр. 98.

Нет данных, говорящих о существовании какого-либо соглашения между Петром I и боярами Кантакузино о передаче им престола после освобождения Валахии, как утверждает Раду Гречану, но ясно одно, что нерешительная политика Брынковяну в отношении открытого перехода на сторону русских, противоречия его с Кантакузино и, наконец, прибытие Фомы Кантакузино с группой бояр и служилых в лагерь Петра I отрицательно сказалось на отношении русских к валашскому господарю.

В письме адмиралу Ф. М. Апраксину 30 июня П. П. Шафиров писал, что к Браиле отправлен корпус К. Ренне, «дабы тем народ мултянский скорее к стороне нашей привлечь, а ежели господарь тамошний, как выше означенено, противен тому явится, то велено ему позволение дать народу обратъ вместо него иного господаря»⁶⁷. Несомненно, что на отношение русских к Брынковяну оказал влияние и Фома Кантакузино. Об этом свидетельствуют записи в Походном журнале Петра I за 1711 г. о приезде снафария Фомы Кантакузино в Яссы, «со объявлением своей и всего мултянского народа к его царскому величеству верности, что сколь скоро войска его царского величества к ним приближатся, то они тотчас ко оному пристанут. А о господаре мултянском сказывал онъ, что онъ, паче чаяния, в подданстве его царскому величеству весьма медлит и некоторыя отговорки оттого и несклонность являет, понеже зело богат и не хочет себя в трудности и опасности вдаваться...»⁶⁸.

Однако после открытого перехода Фомы Кантакузино в русский лагерь Брынковяну не прекратил своих связей с русскими, как утверждают румынские буржуазные историки А. Д. Ксенопол и К. К. Джуреску⁶⁹. Петр I надеялся привлечь на свою сторону в борьбе с Турцией валахов и валашского господаря и получить в Валахии продовольствие для армии. С этой целью был снаряжен специальный корпус в район Браилы, на территории Валахии. Действия этого корпуса имели большое значение для развития валашско-русских связей в 1711 г.

⁶⁷ «Война с Турциею 1711 года», стр. 141, № 138.

⁶⁸ «Походный журнал 1711 года», стр. 49—50.

⁶⁹ A. D. Xeporol. Op. cit., 64; C. C. Giurescu. Istoria Românilor, vol. III (1). Bucureşti, 1944, p. 177.

Выехав 19 июня из Сорок на Днестре, Петр I достиг 24 июня Загаранчи на реке Прут и, отправив войско к Цуцоре на соединение с Шереметевым, переправился через Прут в Яссы⁷⁰, где был торжественно принят Димитрием Кантемиром, молдавским боярством, духовенством и всем молдавским народом⁷¹. Сюда же прибыли Фома Кантакузино и Георгий Кастроот от валашского господаря⁷².

28 июня в Яссах состоялся военный совет для обсуждения вопроса о дальнейшем развертывании действий в связи с продовольственными затруднениями, поскольку обнаружилось, что в разоренном турками Молдавском княжестве трудно найти достаточно продовольствия для армии⁷³. Отклонив мнение иностранных генералов, предлагавших отступить к Днестру, Петр I приказал развертывать дальнейшие наступательные действия, основываясь на показаниях Димитрия Кантемира, Фомы Кантакузино и Георгия Кастроота, которые сообщили, что за рекой Сирет около Браилы турки собрали большие склады продовольствия⁷⁴. С другой стороны, это решение было вызвано стремлением привлечь на свою сторону Валахию. Сам Петр I впоследствии писал в «Истории Свейской войны», в разделе о Прутском походе, что «сей марш зело отчаянно учинен для обнадеживания господаря мултянского»⁷⁵.

Было принято решение отправить генерала Ренне, бригадиров Чирикова и Кропотова с кавалерийским корпусом из 8 полков в 5600 драгун⁷⁶ для захвата провианта, заготовленного турками в Валахии в районе Браилы. Но задачи корпуса Ренне этим не ограничивались. Необходимо было захватить и разрушить мост через Дунай у населенного пункта Исакча, чтобы лишить турок возможности отступления через Дунай или получить новые подкрепления из

⁷⁰ «Походный журнал 1711 года», стр. 47—49.

⁷¹ Neculce, p. 275—277; R. Răpătescu. Op. cit., p. 112.

⁷² «Походный журнал 1711 года», стр. 15—16, 49—50.

⁷³ Там же, стр. 16, 51.

⁷⁴ Там же, стр. 16; «Война с Турциею 1711 года», стр. 141, № 138.

⁷⁵ Д. Ф. Масловский. Записки по истории военного искусства в России, вып. I. СПб., 1891, Приложение 1, стр. 22.

⁷⁶ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 38, № 4621; см. также C. Seghian. O publicație contemporană referitoare la campania de la Prut (1711).—«Studii. Revista de istorie», 1961, N 5, p. 1230.

Турции, поднять валахов против турок и укрепить отношения с валашским господарем. П. П. Шафиров писал адмиралу Ф. М. Апраксину 30 июня, что корпус Ренне пойдет к Браиле, чтобы «туда посыпкою как мултян привлечь, так и провианту на армию полу́чить возмощи»⁷⁷. После выполнения возложенных на него задач Ренне должен был встретиться в Галаце с основными силами русской армии, которая для прикрытия действий корпуса Ренне должна была, перейдя Прут, двигаться вдоль реки к Галацу⁷⁸. 30 июня Ренне и Чириков оставили главные силы русской армии⁷⁹ и направились к реке Сирет. Вместе с ними были Фома Кантакузино и полк молдаван во главе с Кропотовым⁸⁰.

После перехода реки Сирет корпус Ренне направился в Фокшаны, откуда рассыпал царские манифести к жителям Валахии «за подписанием его величества собственные руки и печатью»⁸¹ с призывом восстать против турок, перейти на сторону России и помочь в снабжении русской армии продовольствием. Как рассказывает хронист Раду Гречану, такой манифест был доставлен тайно валашскому митрополиту Антиму Ивериану знаменосцем Власием⁸². Из Фокшан Ренне направился к монастырю Максинень, где, по имевшимся у него сведениям, находился один из больших продовольственных складов турок. Однако по прибытии в монастырь было установлено, что за несколько дней до прихода русского корпуса склад был эвакуирован в Урлац⁸³.

Крепость Браила занимала важное место в турецких военных планах и была хорошо укреплена. Здесь были собраны большие запасы вооружения и продовольствия. Узнав о вступлении русских войск в Яссы и продвижении их к Дунаю, турецкий комендант крепости Дауд-паша принял меры к усилению ее обороны. Получив сведения об этом в монастыре Максинень, Ренне предпринял 11 июля форсированный марш к Браиле. Русский корпус занял подступы к крепости (дорогу к Бузеу и Фокшанам), а затем вступил

⁷⁷ «Война с Турциею 1711 года», стр. 141, № 138.

⁷⁸ Там же; «Походный журнал 1711 года», стр. 17.

⁷⁹ «Война с Турциею 1711 года», стр. 147, № 145. В «Походном журнале 1711 года» — 28 июня.

⁸⁰ Neculce, p. 280.

⁸¹ «Походный журнал 1711 года», стр. 52.

⁸² Grecianu, p. 206.

⁸³ C. S e r g b a n. Un episod al campaniei de la Prut: cucerirea Brăilei (1711).— «Studii și materiale de istorie medie», II, 1957, p. 452.

в положение боя. План Ренне в захвате Браилы состоял прежде всего в том, чтобы изолировать турок от возможной помощи извне и затем одновременным штурмом взять все укрепления крепости⁸⁴. Генеральная атака крепости была предпринята в ночь с 13 на 14 июля. 14 июля командующий крепости Дауд-паша объявил о капитуляции, а 15 июля русские заняли Браилу⁸⁵. Фома Кантакузино начал тотчас же собирать продовольственные запасы и составлять валашское войско⁸⁶.

Взятие Браилы позволяло Ренне продолжать выполнение возложенных на него задач, а именно продвинуться к Исакче для захвата моста через Дунай, а затем идти в Галац для соединения с основными силами русской армии.

Появление русского корпуса на территории Валахии и захват русскими Браилы вызвали подъем среди жителей княжества.

Валашский хронист Раду Гречану, описывающий события с позиций господствующего класса, находившегося на службе у турок, вынужден признать энтузиазм жителей Браильской райи, вызванный приходом русских войск. Хронист рассказывает, что некоторые служилые люди господаря, как, например, капитан Манта, сборщик харака, бежал в Браилу навстречу русской армии, вместе с ним перешли на сторону русских Иордакий Кокорескул, Константин, сын Козьмы Бана, и другие⁸⁷. А «простые и бедные», говорит Гречану, встретили русских с радостью, нападая на турок, находящихся в Браиле⁸⁸. Далее хронист повествует о том, что местные жители из числа турецких купцов Браилы говорили о выступлениях в это время «людей княжества» (*de la omenii sei de țăgă*), о разорении простыми людьми складов турецких товаров в Браиле во время штурма ее русскими⁸⁹.

В русских источниках также имеются свидетельства о военном сотрудничестве валахов с русскими войсками во время штурма ими Браилы. К. Ренне в письме Петру I от 19 июля 1711 г., сообщая о ходе Браильской операции,

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 37, № 4621.

⁸⁶ Neculce, p. 282.

⁸⁷ Grecianu, p. 213.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Ibid., p. 213—214.

о возвращении крепости туркам после получения указа Петра I о заключении мира, замечает, что во время атаки валахи и молдаване захватывали у турок лошадей и скот⁹⁰.

Эти замечания валашского хрониста и данные русских источников, несмотря на краткость и малочисленность, очень ценные и интересны. Они свидетельствуют о том, что во время взятия Браилы русскими войсками жители Браильской райи переходили на сторону русских, борясь против общего врага — турок. Это сотрудничество валахов с русскими войсками примыкает к тесному военному сотрудничеству молдаван с русскими в период русско-турецкой войны 1711 г.

Пребывание русских войск на территории Валахии оказалось кратковременным, поэтому народное движение не получило широкого размаха по всему княжеству. События, происходившие в Браильской райе во время военных действий русских войск, показали, что открытый переход Брынковяну на сторону русских был бы выражением стремления народных масс. Но валашский господарь проявил нерешительность.

Брынковяну, узнав о движении русских войск во главе с Ренне к Браиле от капитанов провинции Фокшаны⁹¹, поспешил установить связь с генералом Ренне. 2 июля 1711 г. он направил Ренне письмо, в котором информировал его о действиях турецких войск, о своем решении открыто перейти на сторону России, когда русские войска соединятся с валашскими. Он просил также сообщить ему о количестве провизии, необходимой русской армии⁹². Еще не получив письма Брынковяну, генерал Ренне направил ему письмо с призывом перейти на сторону русских войск для объединения совместных усилий в борьбе с Турцией. Об этом свидетельствует письмо Л. Чирикова Г. И. Головкину от 9 июля 1711 г., в котором он сообщал, что «народ мунтянской к нам склонен, о господаре еще неизвестно, а ко оному экспедиции надлежащие отправлены»⁹³.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1711 г., д. 6а, л. 3 об.

⁹¹ Grecianu, p. 205.

⁹² См. письмо К. Ренне Константину Брынковяну от 13 июля: S. C a 1-1 i m a c h i. Un document inedit din anul 1711 privitor la colaborarea militară română-rusă.— «Studii. Revistă de istorie și filosofie», 1950, N 3, p. 178—179.

⁹³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1711 г., д. 4, л. 45 об.

Турки, боясь, что Брынковяну последует примеру Кантемира, внимательно следили за его действиями. В рапорте в Вену из Белграда от 18 июля 1711 г. сообщалось, что турки ставили целью не выпустить Брынковяну из Урлаца, для чего в Валахии находилось 20 тыс. турок⁹⁴. Если цифра эта и преувеличена, то самый факт контроля турок за действиями валашского господаря не подлежит сомнению. Находясь в Урлаце под контролем турок, Брынковяну не мог установить постоянной связи с русскими, что отрицательно сказалось на его поведении в ответственный момент, когда русские войска приблизились к границам Валахии. Валашский господарь надеялся через Георгия Кастроита установить связь с русскими, но не получил от него никаких известий. 17 июня он направил ему письмо через капитана Василия, но не получил ответа⁹⁵. Узнав о приближении русских войск к Валахии, Брынковяну 7 июля вновь направил письмо Кастроиту, в котором выражал удивление по поводу такого длительного молчания⁹⁶. Он писал Кастроиту, что «дела якобы поослабели и нам яко не оборонительны и сумнительны и любви прежней не познаваем, а от чего ж то происходит, не ведаем»⁹⁷.

Отсутствие постоянной связи с русскими привело к тому, что Брынковяну узнал о движении русского корпуса к Браиле по слухам. Это создало у него впечатление, что русские под влиянием Димитрия Кантемира и Фомы Кантакузино игнорируют его как господаря, не считая нужным сообщить о своем вступлении на территорию Валахии. Поэтому он писал Кастроиту, что в народе распространяется слух о движении русских войск к Браиле, «вкупе с ним будто и Фома и будто маршируют к нашим сим странам, которое видится нам, что будто и не наше дело, ежели так есть...»⁹⁸. Брынковяну просил Кастроита наладить связь и скорее сообщить ему, «как обходятся дела... в каком намерении нас там имеют, чтоб нам то ведать и управляться»⁹⁹.

⁹⁴ «Acte și fragmente cu privire la istoria Românilor». Publ. de N. Iorga, vol. I. București, 1895, p. 320.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1711 г., д. 5, л. 5.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, л. 5 об.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же, л. 6.

Одновременно Брынковяну написал письмо Г. И. Головкину, в котором сообщал об отсутствии связи со своим послом Кастиотом и выражал надежду на победу русского оружия, на освобождение от турецкой зависимости. Валашский господарь заверял Головкина, «что елико возможно мы печемся и радеем, в чем надлежит в сия времена при сей святой войне и всяким способом готовимся, чтоб было чинено в пристойное время, и потщимся со всяким усердием явитьца в том деле, которого давно мы ожидали. И так о том да будет высочество ваше надежден»¹⁰⁰.

Письма Брынковяну Г. И. Головкину и Георгию Кастиоту свидетельствуют о том, что валашский господарь оказался изолированным турками в лагере Урлац, не имея постоянной связи с русскими, а потому в момент, когда русские войска вступили на территорию Валахии, не проявил необходимой решительности и не перешел открыто на сторону России. Неизвестно, получил ли Брынковяну письмо генерала Ренне, о котором говорит Чириков в письме Г. И. Головкину от 9 июля. Но Ренне получил его письмо от 2 июля вечером 12 июля. А 13 июля написал ему ответ из лагеря около Браилы. Ренне напоминал Брынковяну об обещании соединиться с русскими войсками, советовал ему не откладывать прибытия в русский лагерь, так как наступил благоприятный момент для объединения совместных усилий в борьбе против общего врага христианства — турок. Ренне предупреждал валашского господаря, что затягивание открытого перехода на сторону русских вызовет враждебное отношение к нему. Что касалось обещанного продовольствия, то Ренне просил Брынковяну известить о количестве продовольственных запасов, находившихся ранее в монастыре Максинень. В заключение Ренне выразил надежду, что Брынковяну прибудет в русский лагерь. В добавлении к письму он сообщал валашскому господарю о подготовке к штурму Браилы и передавал вести о действиях основных сил русских войск¹⁰¹⁻¹⁰².

Едва ли успел Брынковяну получить это письмо Ренне, как 18 июля великий визирь направил ему указ султана об условиях мира, заключенного с русскими на Пруте 12 июля 1711 г.¹⁰³

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавней и Валахией, 1711 г., д. 5, л. 4.

¹⁰¹⁻¹⁰² S. Callimachi. Op. cit., p. 178—179.

¹⁰³ E. Hurmuzaki, vol. VI. Bucureşti, 1878, p. 91—92.

После отсылки Ренне к Браиле русские получили сведения, что турецкая армия во главе с Балтаджи переправилась через Дунай в районе Исакчи и быстро продвигается на северо-запад, по левому берегу Прута¹⁰⁴. Получив эти сведения, Петр I приказал немедленно переправиться на правый берег и предпринять марш вниз по течению. Генералу Янусу с кавалерийскими полками было дано задание предупредить переправу турок у Фальчи на правый берег Прута. По дороге к Фальчи Янус получил известия о численном превосходстве турецких войск и отступил к устью реки Прутецул, где находились основные силы русской армии. Впоследствии выяснилось, что сообщение о форсировании турками Прута оказалось ложным¹⁰⁵.

Отступление Януса позволило туркам беспрепятственно переправиться на правый берег Прута. Это расстроило первоначальные планы Петра I. Коммуникация между главной армией и корпусом генерала Ренне оказалась прерванной. Чтобы выйти к Дунаю, надо было двинуться к реке Сирет, обогнув слева турецкую армию, однако «великих ради гор и безводицы не могли того учинить»¹⁰⁶. На военном совете было решено отступить, чтобы занять выгодную позицию для боя с турками.

9—10 июля у селения Станишты на реке Прут произошло сражение между русскими и турецкими войсками, решившее исход войны. Вечером 9 июля турки предприняли ряд ожесточенных атак, которые были отбиты русскими с большими потерями для турецкой армии¹⁰⁷. Утром 10 июля началась перестрелка. Турецкая конница и пехота непрерывно атаковали русские позиции. В составе русских войск плечом к плечу с русскими сражались молдавские отряды¹⁰⁸. Петр I созвал военный совет, на котором было решено «по объявлению Кастроитову» предложить Турции мир¹⁰⁹, так как, «видя при таком многолюдстве турецком, а малолюдстве своих войск..., тако не токмо лучшее войско

¹⁰⁴ «Война с Турциею 1711 года», стр. 141, № 138.

¹⁰⁵ «Очерки истории СССР», XVIII век. Первая четверть, стр. 533.

¹⁰⁶ «Походный журнал 1711 года», стр. 17.

¹⁰⁷ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 35, № 4621.

¹⁰⁸ Подробнее см.: I. F o c ș e n e a p u. Tratatul de la Luțk și campania țarului Pertru I în Moldova (1711).— «Studii privind relațiile româno-ruse», 1963, p. 46—51.

¹⁰⁹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 35, № 4621.

Российское..., но и благополучие всей империи Российской в отвагу отдать было не безопасно»¹¹⁰. Одновременно был дан приказ готовиться к решительной битве, «обоз велено здвинуть и частию окопать, дабы, ежели не примет неприятель мира, чтоб, оставя обоз, ити на неприятельский апроши и оныя атаковать»¹¹¹.

По свидетельству турецкого хрониста Рашида, на военном совете, созванном великим визирем для обсуждения ответа на русское предложение о перемирии, командующие говорили о тяжелом положении турецких войск¹¹². Великий визирь ответил согласием на русское предложение о мирных переговорах¹¹³. 10 июля для ведения переговоров в турецкий лагерь был отправлен подканцлер П. П. Шафиров¹¹⁴.

В результате переговоров 12 июля был заключен договор о мире. По условиям Прутского договора Азов возвращался Турции; Таганрог, Каменный Затон и другие укрепления должны были быть срыты, Браила и Крым очищались от русских войск. Россия и Турция обязывались не вмешиваться во внутренние дела Польши. Между обеими сторонами устанавливалась свободная торговля. Русское правительство не должно было препятствовать проезду Карла XII в Швецию. Прутский договор содержал одно дипломатическое условие, чрезвычайно невыгодное для России, «послу царского величества впредь в Царьграде не резидовать». До подтверждения мирного договора и до исполнения русской стороной всех обязательств П. П. Шафиров и сын фельдмаршала М. Б. Шереметев должны были оставаться в Турции¹¹⁵. Договор отражал реальное соотношение сил воюющих сторон¹¹⁶.

¹¹⁰ «Журнал Петра Великого», стр. 341.

¹¹¹ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 35—36, № 4621.

¹¹² M. A. M e h m e t t. Cronica lui Mehmed Raşid..., p. 928.

¹¹³ «Журнал Петра Великого», стр. 341. Молдавские хронисты Некулче и Костин утверждают, что турки первые послали своего представителя с просьбой о перемирии.—Neculce, p. 292; Costin, p. 107.

¹¹⁴ «Походный журнал 1711 года», стр. 18; «Военно-походный журнал Б. П. Шереметева», стр. 53.

¹¹⁵ «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1, стр. 322—324, № 4576; стр. 585, прим. к № 4578—4579.

¹¹⁶ Вывод: Р. Ю. Энгельгардт. Из истории Прутского похода Петра I.—«Ученые записки Кишиневского государственного университета», т. VI, 1953, стр. 113.

13 июля Петр I направил генералу Ренне письмо с извещением о заключении мирного договора с Турцией и с указом, оставив Браилу, возвратиться для соединения с основными силами русской армии¹¹⁷. 16 июля в Браилу прибыли русский посланный с указом Петра I и посланный великого визиря с вестью о мире¹¹⁸. Сдав крепость туркам, 18 июля Ренне со своим корпусом выступил из Браилы по направлению к реке Сирет. Переправившись через Сирет, он двинул корпус к монастырю Максинен, откуда доносил Петру I о Браильской операции¹¹⁹. Из Максинен Ренне продвигался вверх по реке Сирет до Черновиц, оттуда к Днестру, который он перешел в районе Хотина, и вступил в Польшу¹²⁰. Фома Кантакузино, узнав о мире, бежал в Брашов (Трансильвания), а оттуда с группой близких бояр и служилых людей — к переправлявшимся в Россию войскам генерала Ренне¹²¹.

Итак, с получением известия о заключении мирного договора с Турцией и оставлением русскими войсками территории Валахии валашско-русские связи прерываются.

Оценивая валашско-русские связи 1711 г., необходимо учитывать два обстоятельства. С одной стороны, Россия не была готова к широким военным действиям против Турции, которые могли бы завершиться освобождением Молдавского княжества и Валахии. Война с Турцией была для нее лишь эпизодом Северной войны. Оказавшись в 1711 г. в тяжелом положении, как военном, так и продовольственном, Россия была вынуждена заключить с Турцией мир. В сложившихся условиях заключение Прутского договора имело положительное значение для России. В письме от 28 июля послу в Польше Г. Ф. Долгорукому Петр I сообщал: «...Хотя с убытком сей мир с одной стороны, аднакож сим случаём уже мы вовсе розвязаны с турской стороны и можем всею силою, с помошью божиего, воевать против шведов»¹²².

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1711 г., д. 6а, л. 2.

¹¹⁸ Там же, л. 3.

¹¹⁹ Там же, лл. 3—4.

¹²⁰ Там же, л. 11—11 об; «Война с Турциею 1711 года», стр. 174, № 86; стр. 188, № 203; Neculce, p. 298; Costin, p. 108.

¹²¹ «Acte și fragmente», vol. I, p. 325; Grecianu, p. 208; Neculce, p. 298; ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1711 г., д. 6а, л. 19—19 об.

¹²² «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 2, стр. 41, № 4625.

С другой стороны, на результаты валашско-русских связей в 1711 г. оказала влияние нерешительная и выжидательная позиция, занятая валашским господарем в отношении перехода на сторону России. Чем же объяснить, что Брынковяну, имевший длительные и постоянные тайные связи с Россией, в 1711 г. проявил нерешительность?

Валахия была под властью турок, и ее господарь был турецким подданным. Огромные богатства позволили Брынковяну путем политики подкупа турецкого султана и его приближенных продержаться на господарском престоле 25 лет. Такое длительное княжение сделало его осторожным в своих действиях. В 1711 г. Брынковяну ждал вступления русских войск на территорию Валахии, чтобы открыто перейти на сторону России. Турки внимательно следили за его поведением, поэтому он должен был до прихода русских в Валахию быть послушным турецким подданным. Однако Брынковяну со своим войском не участвовал в военных действиях на стороне турок. Он расположился в лагере Урлац в ожидании прихода русских войск. Вследствие контроля турок Брынковяну оказался изолированным в Урлаце. Отсутствие постоянной связи с русскими лишало его уверенности. Когда русские войска во главе с Ренне вступили на территорию Валахии, Брынковяну не смог решиться на открытый переход на сторону России. Необходимо учесть и то обстоятельство, что пребывание русских войск в Валахии было кратковременным.

Отрицательное влияние на результаты валашско-русских связей в 1711 г. оказали враждебные отношения между Константином Брынковяну и Димитрием Кантемиром, уже в самом начале войны перешедшим на сторону русских. Нахождение в русском лагере Кантемира, которого валашский господарь считал своим врагом, увеличивало его осторожность.

Выжидательная политика Брынковяну в отношении перехода на сторону России вывела наружу назревавшие противоречия между валашским господарем и крупной боярской партией Кантакузино. Причины этих противоречий были глубже, чем недовольство нерешительной политикой Брынковяну. Кантакузино стремились к установлению наследственной власти своего рода в Валахии. Переход Фомы Кантакузино с группой близких ему бояр и служилых в лагерь Петра I был рассчитан на получение престола после освобождения русскими Валахии.

Брынковяну был поставлен в сложное положение. Он оказался разоблаченным перед турками в связях с Россией. У русских же переход Фомы Кантакузино вызвал недоверие к проводимой валашским господарем политике. Присутствие у русских Дмитрия Кантемира и Фомы Кантакузино он считал причиной изменения отношения к нему со стороны русских. Впоследствии, в 1713 г., Брынковяну писал киевскому губернатору Д. М. Голицыну: «О чём мы удивляемся, чего ради вашему сиятельству неведома причина оной жалобы и нашего подозрения, ибо повседневно настоящих нам имеете изменников и неверных наших, которые никогда не престают сопротив нас многие лжи и беззаконие клеветать»¹²³.

Но главной причиной ухудшения отношения русских к Брынковяну являлась занятая им нерешительная позиция в отношении открытого перехода на сторону России. Петр I в рукописи о Свейской войне писал о Брынковяну, что все его письма и заверения были «иудским лобзанием», «ибо все сообщал туркам, что от нас получал, и нарочно тянул на нашу пагубу»¹²⁴.

Недоверие к политике Брынковяну со стороны русских также явилось причиной того, что он не сумел установить с ними постоянной связи. В конечном итоге валашский господарь не использовал кратковременного пребывания русских войск в Валахии для решительного и открытого перехода на сторону России. Но до самого последнего момента, пока не пришел указ великого визиря от 18 июля о заключении Прутского мира, Брынковяну не переходил на сторону турок. Рапорты из Урлаца в Вену от 15 июля говорят о нейтралитете Брынковяну¹²⁵.

Выжидательная позиция, занятая валашским господарем в 1711 г., сыграла отрицательную роль как в развертывании военных действий русских войск, так и в развитии валашско-русских связей в этот период. Политика Брынковяну в 1711 г. противоречила интересам Валахии. Выступления жителей Браильской райи против турок, вызванные вступлением туда корпуса Ренне, свидетельствовали о решимости валахов освободиться от власти султана с помощью русского оружия.

¹²³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1713 г., д. 22, л. 180а—180а об.

¹²⁴ Д. Ф. М а с л о в с к и й. Указ. соч., Приложение 1, стр. 22.

¹²⁵ «Acte și fragmente», vol. I, p. 319.

2. Русско-валашские связи 1712—1713 гг.

Окончательное утверждение Прутского договора затянулось до июня 1713 г.

Турецкий султан, подстрекаемый шведским и французским послами, и не думал соблюдать условий Прутского мира. Желая обезопасить себя от шведских интриг, русское правительство отказалось выполнить условия договора до высылки Карла XII из Бендер. Поверенный Карла XII Понятовский с помощью французского посла прилагал все старания, чтобы снова разжечь русско-турецкую войну. Балтаджи был смешен с поста великого визиря. В декабре 1711 г., угрожая войной, турки предъявили новые требования, по которым вся Украина должна была отойти под протекторат Порты, русские войска должны были быть немедленно выведены из Польши и не могли вступить на ее территорию даже в случае вступления туда шведских войск. К тому же Порта выдвигала требование о заключении русско-шведского перемирия на три года. Тогда русское правительство изменило свою тактику, решив немедленно возвратить Азов, ускорить вывод войск из Польши, но отклонив притязания на Украину. 5 апреля 1712 г. при посредничестве английского и голландского послов Прутский мир был возобновлен. Основным условием был вывод русских войск из Польши, но оговаривалось право вступления на ее территорию в случае вступления шведских войск. На западной стороне Днепра за Россией закреплялся Киев, Сечь отходила к Турции.

Сближение Англии с Францией летом 1712 г. активизировало деятельность французского и шведского послов по развертыванию кампании против русско-турецкого мира. Порта потребовала, чтобы русские войска, возвращаясь из Померании домой, не заходили в Польшу. Когда осенью 1712 г. турецкие посланные известили о наличии в Польше русских войск, султан разослал объявление о войне. При посредничестве голландских представителей в конце марта 1713 г. русско-турецкие мирные переговоры были продолжены. В июне 1713 г. в Адрианополе Прутский договор получил окончательное утверждение ¹²⁶.

¹²⁶ О русско-турецких отношениях в 1711—1713 гг. см.: Т. К. Крылов а. Расская дипломатия на Босфоре в 1711—1714 гг.— В кн. «Международные связи России в XVII—XVIII вв.», М., 1966, стр. 410—446.

В этих условиях ухудшения русско-турецких отношений возобновившиеся связи с Валахией снова приобрели для России важное значение. Через Валахию шла пересылка корреспонденции между русскими послами в Адрианополе П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым, с одной стороны, и русским правительством — с другой. Вместе с письмами П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева валашские послы доставляли письма от Брынковяну и бояр Кантакузино. Всю эту корреспонденцию русское правительство получало через киевского губернатора Голицына и фельдмаршала Б. П. Шереметева, который, находясь в этот период на Украине во главе части русских войск, сосредоточивал внимание на получении сведений о действиях Турции, чтобы в нужный момент призвать свои войска к ее границам.

1 января 1712 г. фельдмаршал Б. П. Шереметев получил письмо П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева, присланное Константином Брынковяну с послом капитаном Леподатом, который доставил фельдмаршалу также письмо от господаря ¹²⁷.

Сведения о русско-турецких и турецко-шведских отношениях Б. П. Шереметев получал от валашского посла Георгия Кастириота, находившегося по указу Петра I в Киеве ¹²⁸. Кастириот через посланцев имел переписку с Брынковяну и Кантакузино, сообщавшими в своих письмах о замыслах Турции, о ее приготовлениях к возобновлению войны с Россией. Так, в письме от 27 января 1712 г. Брынковяну писал Кастириоту, что турки продолжают военные приготовления, несмотря на выдвинутые ими условия, на основе которых они могли бы подтвердить мир с Россией. Валашский господарь просил Кастириота, «как возможно самому ль царскому величеству или ближним его министрам чинить добрые советы, не уповая на мирное постановление, дабы от турков иметь опасение и во всем готовность» ¹²⁹. В заключение Брынковяну обещал и в будущем сообщать обо всем, «разведывая подлинно впередь, и для того, чтоб были к нему частые посыльщики» ¹³⁰.

12 февраля 1712 г. Кастириот сообщал из Киева Б. П. Шереметеву о посылке ему писем русских послов в Турции и

¹²⁷ «Военно-походный журнал Б. П. Шереметева», стр. 11 — 117.

¹²⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1711 г., д. 9, л. 16.

¹²⁹ «Военно-походный журнал Б. П. Шереметева», стр. 153.

¹³⁰ Там же.

письма Брынковяну¹³¹. 19 февраля Кастроитом были получены письма от валашского господаря и Кантакузино с сообщениями о турецких действиях¹³². Послы Ю. Андреев, С. Маринович, Н. Павлов в марте и апреле 1712 г. неоднократно доставляли Кастроиту письма Брынковяну и Кантакузино вместе с письмами П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева¹³³.

Именно с целью поддержания связей с Валахией Кастроит и был задержан в России с 1711 г. В письме от 9 сентября 1712 г. Б. П. Шереметев по совету Фомы Кантакузино предлагал Г. И. Головкину продлить пребывание Кастроита в Киеве. В этот же день Б. П. Шереметев отправил письмо Д. М. Голицыну, в котором просил задержать Кастроита в Киеве¹³⁴. Но согласно указу, полученному в письме Г. И. Головкина от 10 июня 1712 г., Д. М. Голицын отпустил Кастроита в Валахию, о чем и сообщал Г. И. Головкину в письме от 30 августа 1712 г.¹³⁵ С Кастроитом было послано письмо Г. И. Головкина Брынковяну от 10 июня 1712 г. с извещением об отпуске Кастроита и причинах его задержки с 1711 г. в России¹³⁶.

В 1713 г. устанавливается постоянная переписка между Константином Брынковяну и Д. М. Голицыным, связанная с пересылкой писем между русскими послами в Турции и русским правительством.

В письме Д. М. Голицыну от 2 апреля 1713 г. Брынковяну в ответ на предложение иметь, как прежде, корреспонденцию писал, что «то охотно желаем и никогда от того не отступали и всегда готовы будем исполнять. И хотя на нас некоторые нашли время оклеветать, якобы мы не истинны суть к службе царского величества, токмо представляем в том бога, да судить тем, а наше сердце как пред сим, так и ныне в правде содержится и к православию больше

¹³¹ Архив ЛОИИ, ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меньшикова, оп. 1, карт. 18, № 56.

¹³² Там же, карт. 21, № 41а.

¹³³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1712 г., д. 16, лл. 52 об.—53; д. 20, лл. 15—16; Архив ЛОИИ, ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меньшикова, оп. 1, карт. 20, № 276а.

¹³⁴ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1712 г., д. 16, л. 86—86 об.

¹³⁵ Там же, д. 19, л. 10; д. 20, л. 62—62 об.

¹³⁶ Там же, д. 19, л. 11—11 об.

желаем, нежели к другим»¹³⁷. Подробно описывая положение дел в Турции, Брынковяну отмечал, что султан со жалеет относительно ухудшения отношений с Россией, причиной чему служили, по его мнению, происки крымского хана и в особенности шведского короля и его единомышленников¹³⁸. Брынковяну сообщал о высылке шведского короля Карла XII из пределов Турции, о прибытии к султану польского посла для переговоров и в связи с этим о появлении некоторых признаков, «что любое и скорое уготовление войны почalo утоляться и слабети помалу и дают многим надежду и веру, что учинитца паки между обоими государствы мир»¹³⁹.

31 мая 1713 г. к киевскому губернатору прибыл валашский посол с письмом господаря и письмами русских послов к Б. П. Шереметеву¹⁴⁰.

Письмом от 7 августа 1713 г. Брынковяну извещал Д. М. Голицына об отсылке в Адрианополь присланных им писем для русских послов и об отправке к нему своего человека с ответными письмами П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева¹⁴¹.

Несмотря на возникшее после 1711 г. недоверие к Брынковяну; в России не могли не оценить его услуг. В письмах к Д. М. Голицыну от 19 и 28 июня 1713 г. П. П. Шафиров подчеркивал, что валашский господарь и иерусалимский патриарх оказывали им, послам, всяческое содействие в Турции, принимали письма для отсылки в Киев, уведомляли о всех событиях и что они и впредь обещают поступать так же. Поэтому он просил Д. М. Голицына «к присланным господаря мултянского поступать ласково и отпускать паки с награждением и иметь с ними, патриархом и з господарем, корреспонденцию и за присылку их посольских писем возблагодарить»¹⁴². Письмо подобного же содержания было послано П. П. Шафировым и Г. И. Головкину. По получении этого письма Г. И. Головкин направил киевскому губернатору письмо от 2 сентября с указом отпустить с пожалованием посланцев валашского господаря, задержанных в

¹³⁷ Там же, 1713 г., д. 22, л. 109.

¹³⁸ Там же, лл. 109 об.—110.

¹³⁹ Там же, лл. 111 об.—112.

¹⁴⁰ Там же, лл. 129, 139—140.

¹⁴¹ Там же, лл. 179—180 об.

¹⁴² Там же, л. 197—197 об.

связи с утверждением мира с Турцией, а иерусалимского патриарха и валашского господаря возблагодарить, «да бы он не имел в том никакова сумнения и впредь бы присыпал и корреспонденцию с вами имел»¹⁴³. Д. М. Голицын отвечал Г. И. Головкину 8 октября, что еще 1 июня он писал ему, что указ о задержании валашских посланцев «не в добной случай интересов его величества, и, хотя их есть к нам некакая противность, токмо без них в сем деле обойтитца трудно, и письма, и ведомости следуют через их ныне руки»¹⁴⁴. Д. М. Голицын сообщал, что посланцев валашского господаря он уже отпустил, наградив жалованьем, и посыпает списки с писем, присланных валашским господарем¹⁴⁵.

Таким образом, после 1711 г. Брынковяну не прекращает связей с Россией. В 1712—1713 гг. он активно содействует пересылке корреспонденции между П. П. Шафировым и М. Б. Шереметевым и русским правительством, продолжает направлять в Россию информацию о действиях Турции, о положении на Балканах.

Однако с большим доверием в этот период в России относились к боярам Кантакузино. Переселившиеся на жительство в Россию после 1711 г. Фома Кантакузино и группа бояр и служилых были приняты на русскую военную службу.

Фома Кантакузино получил поместье в Киевской губернии и в чине генерал-майора кавалерийского полка был определен к Б. П. Шереметеву¹⁴⁶. Извещая Б. П. Шереметева 8 февраля 1712 г. об определении к нему Фомы Кантакузино, Г. И. Головкин подчеркивал, «что он (Фома Кантакузино.—Л. С.) под нынешний случай может вам в советах о тамошних делах угоден будет»¹⁴⁷. Г. И. Головкин сообщал также Б. П. Шереметеву указ Петра I о принятии на русскую службу приехавших с Фомой Кантакузино валахов и просил определить их «в волоские хорунгии», назначив им надлежащее жалованье¹⁴⁸.

¹⁴³ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1713 г., д. 21, л. 10 об.

¹⁴⁴ Там же, д. 22, л. 195 об.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1712 г., д. 2, л. 26; Архив ЛОИИ, ф. Собрание Гамеля, оп. 3, № 21, л. 129.

¹⁴⁷ Там же, ф. Сношения России с Турцией, 1712 г., д. 15, л. 4.

¹⁴⁸ Там же, л. 4 об.

Валашский стольник
Константин Кантакузино

9 сентября 1712 г. Б. П. Шереметев извещал Г. И. Головкина о том, что Фома Кантакузино объявил при себе 31 человека¹⁴⁹. Из них в русских источниках мы встречаем полковника Киня, капитана Михалака, логофета Федора Корбя. Федор Корбя был принят на службу с окладом в 300 рублей и получил в 1712 г. в Киевской губернии деревни Лукьянковку и Крупполь из владений бывшего полковника Д. Райча¹⁵⁰. В 1720 г. Федор Корбя упоминается в русских источниках как переводчик¹⁵¹.

В 1712 г., когда возникла угроза новой войны с Турцией, Петр I и Г. И. Головкин через Фому Кантакузино возобновили переписку с валашскими боярами Кантакузино с целью иметь постоянную информацию о турецких действиях. В письме от 26 апреля 1712 г. Г. И. Головкин по указу Петра I просил Фому Кантакузино установить переписку со своими родственниками из Валахии и «с иными доброжелаемыми к стороне его царского величества», «да бы через них о тамошних поведениях и намерениях подлинные ведомости иметь», так как получены сведения о военных приготовлениях Турции против России и о переброске уже части турецких войск на Дунай¹⁵².

Петр I лично письмом 25 марта 1712 г. свидетельствовал свое благоволение Михаилу Кантакузино и его соотечественникам за «христианскую ревность», обещал свою милость и достойное награждение¹⁵³.

В этот период Петру I необходимо было иметь своих людей в Валахии не только для получения сведений о турецких действиях, но и для привлечения других народов Балканского полуострова на сторону России. В письме Михаилу Кантакузино от 25 марта 1712 г. Г. И. Головкин писал, что три сербских полковника Тукелин, Вулин и Хаджи с 10 тыс. сербов выразили готовность присоединиться к русским войскам в случае объявления Турцией войны России. По указу Петра I Г. И. Головкин просил Михаила Кантакузино наладить переписку с сербскими полковниками, содействовать их переходу на русскую сторону и уско-

¹⁴⁹ ЦГАДА, ф. Сношения России с Турцией, 1712 г., д. 16, л. 89—89 об.

¹⁵⁰ Там же, д. 19, лл. 1 об.—2; «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I. СПб., 1871, стр. 609.

¹⁵¹ «Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I, стр. 609.

¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, отд. I, № 33, л. 8.

¹⁵³ Там же, л. 16.

рить их продвижение к границам России. Михаилу Кантакузино поручалось узнать, когда сербские полковники пойдут в поход, с каким количеством войск, и известить об этом Петра I через Фому Кантакузино, которому было поручено нанять сербов на русскую службу.

До прихода к русским границам действия сербских войск должны были направляться Михаилом Кантакузино. Во время похода к русским границам перед сербскими соединениями ставилась задача уничтожения турецких продольственных складов. Г. И. Головкин просил Михаила Кантакузино, если будет необходимость, оказать сербским войскам во время похода помочь деньгами, которые обещал выплатить с вознаграждением в будущем. Михаилу Кантакузино отводилась важная роль в привлечении и других народов Балканского полуострова на сторону России¹⁵⁴.

Подобное доверие русского правительства боярам Кантакузино в делах связей с народами Балканского полуострова в период военной угрозы со стороны Турции было основано не только на прежних политических отношениях, сложившихся до 1711 г.

В 1712 г. Кантакузино направляют Г. И. Головкину ряд писем, в которых выражают желание служить интересам русского правительства и заверяют в верности. Так, в письме от 23 января 1712 г. Константин Кантакузино писал Г. И. Головкину: «...Ваш раб был и есмь и пока жив буду я и все убогого дома нашего со всеми сродниками и друзьями, как были есьмы, и обретаемся к вашей стороне»¹⁵⁵. Далее валашский стольник сообщал о решении турок объявить войну России и о рассылке ими указов к пашам вести военные приготовления¹⁵⁶.

8 марта 1712 г. в Петербург прибыл серб Димитрий Семенов с письмами П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева к Г. И. Головкину. С Семеновым были присланы также письма от Константина Кантакузино и Брынковяну, о чем он сообщил в расспросе в Киеве¹⁵⁷. В Посольском приказе Дмитрий Семенов говорил, что ехал он через Бухарест и Константин Кантакузино просил его передать о подготовке

¹⁵⁴ Там же, лл. 4 об.—5.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1712 г., д. 1, л. 3 об.

¹⁵⁶ Там же, лл. 5, 8.

¹⁵⁷ Там же, ф. Сношения России с Турцией, 1712 г., д. 20, лл. 7—8 об.; «Военно-походный журнал Б. П. Шереметева», стр. 149—150.

турками войны, чтобы русские войска пошли в Буджак раньше, чем турки придут к Дунаю¹⁵⁸.

От Михаила Кантакузино Семенов имел особое поручение сообщить, что австрийские сербы, от которых он получал письма, хотят перейти на русскую военную службу и вести войну против турок и что, если бы был к нему об этом указ русского царя, он готов трудиться по своей должности¹⁵⁹. Поэтому в период турецкой военной опасности 1712 г. в ответ на предложения сербских полковников Петр I и Г. И. Головкин обращаются к Михаилу Кантакузино с просьбой привлечь сербов на русскую сторону и в случае войны вести их на соединение с русскими войсками.

2 мая 1712 г. Фома Кантакузино сообщал Б. П. Шерemetеву об отпуске Димитрия Семенова в Сербию¹⁶⁰. С Семеновым и были посланы Михаилу Кантакузино в Валахию письма Петра I и Г. И. Головкина от 25 марта 1712 г. В ответ на эти письма Михаил Кантакузино писал 28 декабря 1712 г. Фоме Кантакузино, что он готов исполнить все, что от него потребуется¹⁶¹. «Я на всякий час есть готов к службе царского величества», — писал он в тот же день Федору Корбя¹⁶².

Матвей Корбя, прибывший в Россию к Федору Корбя и Фоме Кантакузино с поручением от Михаила Кантакузино, в расспросе 7 февраля 1713 г. сообщил о получении писем, посланных с Димитрием Семеновым. От имени Михаила Кантакузино Матвей Корбя должен был узнать, посыпать ли письма к сербским полковникам, и сообщить, что «и венгры, и волохи, и сербы охотно быть в службе царского величества желают, токмо ожидают в том указу»¹⁶³.

Но связи России с Валахией, Сербией и другими балканскими народами не получили развития вследствие окончательного утверждения в июне 1713 г. Прутского договора.

Таким образом, приведенные материалы о русско-валашских связях 1712—1713 гг. свидетельствуют, во-первых, о важном значении для России в условиях возникновения угрозы новой войны с Турцией получения из Валахии

¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. Сношения России с Молдавией и Валахией, 1712 г. д. 9, л. 7.

¹⁵⁹ Там же, л. 7 об.

¹⁶⁰ Архив ЛОИИ, ф. Походная канцелярия кн. А. Д. Меньшикова, оп. 1, карт. 18, № 285а.

¹⁶¹ Там же, карт. 20, № 275.

¹⁶² Там же, № 274.

¹⁶³ Там же, карт. 21, № 32, л. 159.

подробной информации о турецких действиях, а также переписки через Валахию с русскими послами в Адрианополе; во-вторых, рассмотрение русско-валашских связей 1712—1713 гг. расширяет представление о политике валашского господаря Брынковяну по отношению к России, показывая его роль в оживлении этих связей наряду с боярами Кантакузино.

Турки, давно подозревавшие валашского господаря в связях с Россией, особенно после 1711 г., стремились, свергнув его с престола, укрепить свое влияние в Валахии.

Обострение в 1714 г. противоречий между Брынковяну и боярской партией Кантакузино, которые хотели посадить на господарский престол сына Константина Кантакузино Штефана, дало турецким властям повод для претворения в жизнь их планов.

Копии переписки Брынковяну с русскими, имевшиеся у Константина Кантакузино, были подосланы султану врагами валашского господаря в Константинополе¹⁶⁴.

В марте 1714 г. Брынковяну был свергнут с престола. Главное обвинение, предъявленное ему турками,— измена в 1711 г. В тексте указа султана содержалось, в первую очередь, обвинение в том, что Брынковяну «привел москалей в Браилу» и дал продовольствие¹⁶⁵. Валашский господарь вместе с тремя сыновьями был схвачен, доставлен в Стамбул и подвергнут страшной казни. На глазах у старого князя были отрублены головы его сыновей, после чего та же участь постигла и его самого¹⁶⁶.

Так расправились турки с Константином Брынковяну за его связи с Россией. Такая же участь в 1716 г. постигла Штефана и Михаила Кантакузино¹⁶⁷.

¹⁶⁴ «Genealogia Cantacuzinilor». Publ. de N. Iorga. Bucureşti, 1902, p. 303, 309; N. Iorga. Istoria Românilor, vol. VI. Bucureşti, 1936, p. 483.

¹⁶⁵ «Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu». Publ. de N. Iorga. Bucureşti, 1901, p. 60—64; см. также N. Iorga. Istoria Românilor, vol. VI, p. 486; он же. Viaţa şi domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu. Bucureşti, 1914, p. 206.

¹⁶⁶ «Documente privitoare la Constantin-Vodă Brâncoveanu», p. 144—146; N. Iorga. Căderea şi moartea lui Constantin-Vodă Brâncoveanu.—«Cuget clar», 1933, VI, N 1—4, p. 39; он же. Viaţa şi domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu, p. 212; см. также A. D. Xepopol. Op. cit., p. 70—71; C. C. Ciurescu. Op. cit., p. 178.

¹⁶⁷ C. Şerban. Legăturile stolnicului Constantin Cantacuzino cu Rusia, p. 252—253.

Прутский поход русской армии в 1711 г. не принес освобождения Валахии и Молдавскому княжеству: Турецкий султан укрепил свое господство в княжествах, установив жесточайший режим господарей-фанариотов, уничтоживший их относительную политическую автономию и приведший к еще большему усилению турецкой зависимости.

Несмотря на это, связи Валахии, как и Молдавского княжества, с Россией не прекратились, но они относятся уже к другому периоду, периоду русско-турецких войн XVIII в.

Заключение

Воспроизведение конкретной истории русско-валашских отношений в конце XVII — начале XVIII в. на основе пересмотра свидетельств всей совокупности источников, в том числе и неизданных, позволяет изложить и оценить отдельные положения и выводы, с которыми читатель может встретиться в некоторых трудах как русских, так и зарубежных историков, в той или иной связи касающихся данной проблемы.

С. М. Соловьев, затрагивая вопросы связей с христианскими народами Турции при характеристике внешней политики Русского государства в конце XVII — начале XVIII в., останавливался на приезде в 1688 г. архимандрита Исаи с просьбой валашского господаря Шербана Кантакузино о помощи в борьбе против султана, на посыпке в Валахию грека Дементия Фомина с ответной грамотой русского правительства¹.

Соловьев отмечал, что в начале XVIII в. устанавливаются постоянные связи России с Валахией при посредстве гетмана Мазепы². Касаясь валашско-русских связей в период Прутского похода, Соловьев обращал внимание на то, что еще до 1711 г. турки подозревали о тайных связях Брынковяну с Россией и хотели с помощью Кантемира лишить его господарского престола³. Отправление корпуса Ренне к Браиле рассматривается Соловьевым как попытка при-

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII, т. 14. М., 1962, стр. 403—405.

² Там же, стр. 606.

³ Там же, кн. VIII, т. 16, стр. 375—376.

нудить Брынковяну к открытому переходу на сторону России, после того как Фома Кантакузино без ведома господаря прибыл в русский лагерь и заявил, что Брынковяну богат и, не желая ставить себя в затруднительное положение, отказывается от союза с русскими⁴.

Н. Г. Устрялов собрал и использовал огромный документальный материал по истории царствования Петра Великого как из русских, так и из иностранных архивов. Среди этих материалов большой интерес для нас представляют документы о приезде в 1697 г. в Россию валашского посла Кастроита с просьбой Брынковяну о помощи в освобождении княжества от турецкой зависимости⁵.

Основываясь на данных С. М. Соловьева и Н. Г. Устрялова, А. Г. Брикнер также останавливается на некоторых моментах русско-валашских отношений при Петре I. Брикнер пишет о приезде Кастроита, о постоянных связях России с греками и южными славянами в конце XVII — начале XVIII в., имея в виду главным образом переписку восточных церковных иерархов с Петром I и его приближенными⁶. Брикнер отмечает, что Брынковяну имел тайный союзный договор с Петром I на случай войны России с Турцией и получил от него орден⁷. Отрицательное влияние на валашско-русские отношения в 1711 г. оказала, по справедливому замечанию Брикнера, вражда между Брынковянами и Кантемирами⁸. Брикнер утверждает, что требование у Брынковяну продовольствия и угрозы со стороны Петра I привели к разрыву отношений между ними, к переходу валашского господаря на сторону турецких войск⁹.

В специальных работах по истории Молдавского княжества и Валахии Г. Карра, С. Н. Палаузова русско-валашские отношения интересующего нас периода затрагиваются лишь попутно, главным образом при описании событий 1711 г. Карра называет Брынковяну обманщиком, имевшим с самого начала предательские замыслы по отно-

⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VIII, т. 16, стр. 383—384.

⁵ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. 3. СПб., 1858, стр. 246—247, 471—474, 477—478.

⁶ А. Г. Брикнер. Иллюстрированная история Петра Великого, т. 2. СПб., 1912, стр. 9, 143.

⁷ Там же, стр. 147.

⁸ Там же, стр. 152.

⁹ Там же, стр. 153.

шению к русским¹⁰. Посылка корпуса генерала Ренне в Валахию для привлечения валашского господаря на сторону русских, по утверждению Карра, ставила цель насильственного отобрания русскими войсками у Брынковяну заготовленного продовольствия¹¹.

Рассматривая историю Молдавского княжества и Валахии с древнейших времен до первой половины XIX в., С. Н. Палаузов отмечает связи Валахии с Россией при господаре Шербане Кантакузино. Брынковяну, по его мнению, устанавливает отношения с Петром I только после Полтавской победы¹². В отличие от Карра Палаузов не считает Брынковяну предателем. Главную причину нерешительности валашского господаря в отношении перехода на сторону русских войск в 1711 г. Палаузов видит в старой вражде Брынковяну с Кантемирами. Переход молдавского господаря Димитрия Кантемира, одного из представителей этого рода, на русскую сторону в самом начале войны 1711 г. усилил, по мнению Палаузова, боязнь Брынковяну потерять господарский престол в Валахии¹³.

Среди работ русских дореволюционных историков, касающихся связей России с Валахией в конце XVII — начале XVIII в., наиболее ценными представляются труды А. А. Кочубинского, одним из первых использовавшего молдавские хроники и некоторые зарубежные исследования по истории Молдавского княжества и Валахии.

Останавливаясь на русско-валашских связях периода до 1711 г., Кочубинский достаточно подробно описывает посольство Исаии 1688 г. в Москву, называет посольства Георгия Кастроита 1697 г. и Давида Корбя 1702 г.¹⁴ Однако некритическое использование работы австрийского историка И. Энгеля¹⁵ не только сказалось на общей оценке Кочубинским русско-валашских отношений конца XVII —

¹⁰ Г. Карра. «История Молдавии и Валахии, с рассуждениями о настоящем состоянии обоих княжеств». СПб., 1791, стр. 61.

¹¹ Там же, стр. 132.

¹² С. Н. Палаузов. Румынские государства Молдавия и Валахия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 57.

¹³ Там же, стр. 120—121.

¹⁴ А. А. Кочубинский. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1872, кн. 2, стр. 6—8, 21; он же. Мы и они (1711—1878). Одесса, 1878, стр. 37—53, 77—78, 84.

¹⁵ I. Engels. Geschichte der Moldau und Walachei. Halle, 1804.

начала XVIII в., но и привело его к ряду фактических ошибок. Так, он ошибочно относит посольство Давида Корбя к 1704 г.¹⁶ Противоречит историческим фактам утверждение Кочубинского о том, что после Полтавской победы русских в 1709 г. Брынковяну послал к Петру I своих послов для заключения тайного союзного договора, сначала Давида Корбя, а потом Георгия Кастроита¹⁷. Известно, что Давид Корбя умер в 1707 г., а Георгий Кастроит упоминается в русских источниках как посол валашского господаря вторично только в 1711 г.

Более подробно, основываясь на материалах молдавских хроник Иона Некулче и Николая Костина, Кочубинский описывает связи России с Валахией в период русско-турецкой войны 1711 г. Но и здесь некритическое использование материалов хроник как особого вида исторического источника, недостаточное привлечение русских источников приводит его к ряду ошибок, а также неправильной оценке некоторых фактов и событий. Кочубинский считает Брынковяну виновным в неудачном исходе Прутского похода¹⁸. Отправление Петром I корпуса генерала Ренне к Браиле и требование обещанного Брынковяну продовольствия для русской армии, по его мнению, оскорбили господаря и послужили причиной разрыва отношений с русскими и перехода на сторону султана¹⁹. Исходя из этой общей оценки политики Брынковяну по отношению к русским в 1711 г., Кочубинский неправильно считает, что с 1711 г. валашский господарь стал злейшим врагом России, запретившим в Валахии под страхом смертной казни всякие сношения с русскими²⁰.

Румынские буржуазные историки связывали установление отношений Брынковяну с Петром I с победой русской армии под Полтавой. Валашско-русские связи 1709—1711 гг. А. Д. Ксенопол сводил к рассмотрению и оценке политики Брынковяну в период русско-турецкой войны 1711 г. По его мнению, валашский господарь никогда не имел тесных связей с русскими, и его политика по отношению к ним

¹⁶ А. А. Кочубинский. Мы и Они (1711—1878), стр. 84.

¹⁷ Там же, стр. 86.

¹⁸ Там же, стр. 162; он же. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, стр. 75.

¹⁹ А. А. Кочубинский. Мы и Они (1711—1878), стр. 150—151.

²⁰ Там же, стр. 175—176.

в 1711 г. была лишь двойной игрой, рассчитанной на то, чтобы встать на сторону победителя²¹.

Увидев опасность быть разоблаченным перед турками переходом командующего валашским войском Фомы Кантакузино с группой бояр в 70 человек на сторону русских, пишет Ксенопол, Брынковяну покончил с этой игрой, порвал отношения с Россией и объявил себя союзником Турции²². По утверждению Ксенопола, с этого времени прекращаются всякие отношения валашского господаря с русскими, которые стали его злейшими врагами и плели против него сеть интриг в Константинополе²³.

Н. Иорга посвятил ряд работ истории правления в Валахии Константина Брынковяну, в которых, между прочим, получили освещение и связи валашского господаря с русскими в 1711 г.²⁴ Говоря о заключении в 1709 г. формального договора между Брынковяну и Петром I, Иорга отмечает, что договору предшествовала длительная переписка валашского господаря с русскими²⁵. Однако, по его мнению, Брынковяну никогда не стремился к тесному сближению с русскими. И в 1711 г., когда русская армия нуждалась в продовольствии, Брынковяну, пишет Иорга, имея достаточное количество запасов, не был расположен послать их Петру I²⁶. Иорга утверждает, что попытки русских привлечь Брынковяну на свою сторону были напрасными²⁷.

Посылку Петром I корпуса генерала Ренне с Фомой Кантакузино к Браиле Иорга рассматривает как попытку русских принудить валашского господаря принять новые вассальные условия, какие были приняты Димитрием Кан-

²¹ A. D. X e n o p o l. *Istoria Românilor din Dacia Traiană*, vol. VIII. Bucureşti, 1925, p. 60—63.

²² Ibid., p. 64.

²³ Ibidem.

²⁴ N. I o r g a. *Carol al XII-lea, Petru cel Mare și țările noastre (1709—1714)*.—«Analele Academiei Române», Ser. II, vol. XXXIII, Mem. Secț. istorice. Bucureşti, 1911; он же. *Viața și domnia lui Constantin-Vodă Brâncoveanu*. Bucureşti, 1914; он же. *Valoarea politică a lui Constantin Brâncoveanu*. Vălenii-de-Munte, 1914; он же. *Activitatea culturală a lui Constantin Vodă Brâncoveanu și scopurile Academiei Române*.—«Analele Academiei Române», Ser. II, tom. XXXVII. Mem. Secț. istorice. Bucureşti, 1914; он же. *Căderea și moartea lui Constantin-Vodă Brâncoveanu*.—«Cuget clar», 1933, VI, nr. 1—4, p. 17—42.

²⁵ N. I o r g a. *Istoria Românilor*, vol. VI. Bucureşti, 1936, p. 470.

²⁶ N. I o r g a. *Carol al XII-lea...*, p. 98.

²⁷ N. I o r g a. *Istoria Românilor*, vol. VI, p. 475.

темиром²⁸. Но малочисленность русского войска и переход в лагерь Петра I Фомы Кантакузино, стремившегося захватить господарский престол, убедили Брынковяну, пишет Иорга, в необходимости сохранить верность султану, ибо главной целью политики валашского господаря было обеспечение безопасности княжества с обеих сторон²⁹.

Наиболее отчетливо оценка политики валашского господаря в 1711 г. была выражена Иорга в 1914 г., в выступлении по случаю 200-летия со дня смерти Константина Брынковяну. Останавливаясь на политической и государственной деятельности Брынковяну, Иорга говорил, что политика валашского господаря в 1711 г. была абсолютно твердой и абсолютно ясной. Напрасно Петр I думал, что Брынковяну предал его, говорил Иорга, так как валашский господарь не звал русских в 1711 г., а боялся их и вынужден был ожидать в Урлаце перевеса в войне с целью сохранить безопасность княжества³⁰.

Такая оценка политики Брынковяну в 1711 г. отражает характерный для румынских буржуазных историков подход к освещению румыно-русских связей. Будучи вынужденными говорить о связях Валахии с Россией в период русско-турецкой войны 1711 г., они сводили их к оценке политики Брынковяну и стремились представить историю так, что валашский господарь в 1711 г. имел твердую позицию, не хотел союза с русскими, и попытки русских, по их мнению, принудить его к этому, равно как и попытка скомпрометировать его внутри страны (переход спафария Фомы Кантакузино на сторону русских), были напрасными.

Из западноевропейских исследований по истории Молдавского княжества и Валахии рассмотрим работы И. Энгеля и И. Нейгебаура.

Работа И. Энгеля представляет интерес не только по своему содержанию, но и потому, что она была известна в русской исторической литературе.

Описывая правление Брынковяну, Энгель отмечает, что после 1709 г. валашский господарь послал к Петру I своих послов Давида Корбя и Георгия Кастроита для заключения договора на случай войны России с Турцией³¹. Как уже отмечалось выше, это утверждение является ошибочным.

²⁸ N. Iorga. Carol al XII-lea..., p. 104.

²⁹ Ibid., p. 105.

³⁰ N. Iorga. Valoarea politică a lui Constantin Brâncoveanu, p. 42—43.

³¹ I. Engel. Op. cit., S. 366.

Связи Брынковяну с русскими в 1711 г. освещаются Энгелем на основе данных Дмитрия Кантемира. Поэтому все внимание Энгель сосредоточивает на вражде Брынковяну и Кантемира в 1711 г. Он подробно описывает, как валашский господарь пытался обличить Дмитрия Кантемира перед турками в его связях с русскими³². По мнению Энгеля, Брынковяну заранее имел предательские цели по отношению к России. Валашский господарь, по его словам, сообщал туркам все сведения о русских в то время, как писал Петру I, что он ждет русские войска, чтобы перейти на их сторону³³. Переход Фомы Кантакузино на сторону русских, пишет Энгель, вызвал у Брынковяну страх перед турками, и он, притворившись больным, вернулся из Урлаца в свою столицу Тырговиште³⁴. Энгель отмечает, что после 1711 г. валашский господарь делал все, чтобы вернуть доверие турок, вплоть до посылки пасквилей в Вену и Венецию против русских и издания в Валахии закона, запрещающего всякие сношения с русскими³⁵.

Из утверждений Энгеля следует, что Брынковяну никогда не стремился к тесным связям с русскими, а отношения его с ними в 1711 г. были лишь двойной игрой, имевшей целью замаскировать его предательские замыслы в отношении России.

Политическая тенденциозность наиболее отчетливо выступает в работе И. Нейгебаура. Являясь представителем юридического направления в австрийской историографии, Нейгебаур для оправдания захватнических планов Габсбургов пытался обосновать несостоятельность для Молдавского княжества и Валахии права суверенитета, которое им, по его словам, обещала Россия с момента своего первого появления на Дунае (1711 г.)³⁶. Эта тенденциозность становится понятной, если учесть, что работа Нейгебаура вышла в свет в 1856 г., когда в княжествах ширилось движение за объединение и создание суверенного Румынского государства.

Рассматривая появление Петра I на Дунае, Нейгебаур останавливается на отношениях его с молдавским и валаш-

³² Ibid., S. 367—368.

³³ Ibid., S. 369.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid., S. 370.

³⁶ I. F. Neigebaur, Die Donaupræfenthümer, 3-tes Heft. Breslau, 1856, S. 77—82.

ским господарями. Нейгебаур указывает, что Петр I имел с Брынковяну союз, послал ему 300 кошельков денег с целью заготовки продовольствия для русской армии и ожидал от него военной помощи не менее чем в 30 тыс. человек³⁷. Но обещал ли сам Брынковяну или кто-либо от его имени, добавляет Нейгебаур, до сих пор не выяснено³⁸.

По словам Нейгебаура, медлительная политика валашского господаря в отношении союза с Россией вызвала у Петра I подозрение, которое возбуждал у него Димитрий Кантемир, враждебно настроенный к Брынковяну³⁹. Когда Фома Кантакузино пришел в русский лагерь, пишет Нейгебаур, и объявил о тайном союзе валашского господаря с немцами, Петр I, вне себя от ярости, отдал приказ взять Браилу и лишить Брынковяну государства⁴⁰. Обвинением Брынковяну в предательстве Петр I, по мнению Нейгебаура, пытался скрыть свое недовольство симпатиями валашского господаря к Габсбургам⁴¹.

Таким образом, Нейгебаур стремился доказать, что Брынковяну питал больше симпатии к Габсбургам, чем к России. Ставя под сомнение обещания помощи Брынковяну Петру I на случай войны с Турцией, Нейгебаур считает, что никакого предательства валашского господаря по отношению к России не было, так как в 1711 г. он имел тайный союз с императором.

*

Рассмотренные нами источники позволяют проследить как на основе общей борьбы против захватнических устремлений татарских и турецких феодалов в конце XVII в. — начале XVIII в. между Россией и Валахией устанавливаются постоянные дипломатические отношения. Этому способствовала также и общность религии.

Сближение Валахии с Россией происходило в сложной обстановке, определявшейся: 1) началом внутреннего распада огромной Османской империи, падением ее военного могущества после поражения под Веной (1683 г.); 2) ростом

³⁷ I. F. Neigeba u r. Die Donaufürstenthümer, 3-tes Heft, S. 33.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., S. 35.

⁴⁰ Ibid., S. 35—36.

⁴¹ Ibid., S. 36.

турецкого гнета над покоренным и завоеванным народами, в том числе жителями Валахии и Молдавского княжества, усилившим тяги этих стран к освобождению; 3) стремлениями отдельных господарей и определенной части боярства, выступавших выразителями освободительных настроений, извлечь собственную выгоду, связанную с утверждением на господарском престоле, укреплением своей власти и влияния.

Вступление России в 1686 г. в антитурецкий союз европейских государств, походы 1687 и 1689 гг. против крымских татар, завоевание русскими турецкой крепости Азов в 1696 г. вызвали в Валахии надежды на освобождение с помощью России. Они усилились, когда Габсбурги, провозгласившие в составе Священной лиги борьбу за освобождение угнетенных христианских народов, обнаружили захватнические планы в отношении Валахии, начав сепаратные переговоры с султаном.

В конце XVII — начале XVIII в. русское правительство, со своей стороны, было заинтересовано в установлении связей с Валахией не только с целью создания опорных пунктов в борьбе с турецким султаном и крымским ханом за выход в Черное море, но и с целью получения через Валахию подробных сведений о турецких действиях, о положении на Балканах.

Установлению постоянных связей Валахии с Россией способствовала стабилизация господарской власти при Константине Брынковяну (1688—1714 гг.). Данное обстоятельство имело особое значение, если учесть, что для находившихся в вассальной зависимости от султана Валахии и Молдавского княжества была характерна неустойчивость политической обстановки, вызванная частой сменой Портой неугодных ей господарей.

Надежды на освобождение Валахии от турецкой зависимости и укрепление своей власти Брынковяну возлагал на успехи России в борьбе против Турции. Большое влияние на политику укрепления валашско-русских связей оказывала боярская партия Кантакузино. Посольство Георгия Кастроита в Россию с просьбой о помощи в освобождении Валахии, награждение Петром I Константина Брынковяну орденом св. Андрея Первозванного и пожалование валашскому господарю и боярам Кантакузино охранной грамоты на случай свержения Брынковяну с престола, пребывание в Москве валашского президента Давида Корбя,

постоянные приезды валашских послов, связанные с перепиской корреспонденции между русским правительством и его послом в Константинополе, а также доставкой писем Брынковяну и Константина Кантакузино Петру I и Г. И. Головкину с ценными сведениями о действиях Турции, о положении на Балканах,— все это привело к установлению в конце XVII — начале XVIII в. хотя и тайных, но постоянных политических отношений России с Валахией, которые способствовали развитию между ними более тесных связей, торговых и культурных взаимоотношений. При Брынковяну Валахия играла главную роль в связях России с балканскими народами.

Возникновение в 1711 г. русско-турецкой войны сделало реальными надежды жителей Молдавского княжества и Валахии на освобождение от власти султана. Но русско-валашские связи 1711 г. не привели к ожидаемым положительным результатам. С одной стороны, Россия еще не была готова к широким военным действиям против Турции, которые могли бы завершиться освобождением княжеств. С другой стороны, выжидательная позиция Брынковяну в отношении союза с Россией имела отрицательные последствия для результатов валашско-русских связей 1711 г., а также для развертывания военных действий русских войск.

Выступления жителей Браильской райи против турок во время штурма Браилы войсками генерала Ренне показали, что открытый переход Брынковяну на сторону России в 1711 г. был бы выражением стремлений валахов, отвечал бы интересам княжества.

В 1712—1713 гг., в условиях ухудшения русско-турецких отношений до окончательного утверждения Прутского договора, Брынковяну и бояре Кантакузино возобновили связи с Россией, подробно информируя русское правительство о всех действиях Порты и содействуя пересылке корреспонденции с его послами в Адрианополе.

После 1711 г. стремления Валахии и Молдавского княжества использовать борьбу России против Турции для своего освобождения усилились. Прутский поход был как бы предвестником русско-турецких войн XVIII в., во время которых связи княжеств с Россией продолжали укрепляться и которые, расшатывая могущество Османской империи, создавали благоприятные условия для освободительной борьбы народов Балканского полуострова.

Rezumat

Izvoarele cercetate de noi ne permit să urmărim procesul stabilirii unor permanente relații diplomatice dintre Rusia și Tara Românească, proces care se desfășura în cadrul luptei comune împotriva tendințelor de cotropire, de care dădeau dovadă feudalii turci și tătari la răscracea secolelor XVII—XVIII.

Procesul acesta avea loc într-o complicată situație politică determinată de următorii factori: 1) începutul destrămării lăuntrice a imensului Imperiu otoman, decăderea puterii lui militare de după înfrângerea sub zidurile Vienei (1683); 2) înapoirea jugului otoman asupra popoarelor subjugate și dependente de sultan, inclusiv Tara Românească și Moldova, și, ca răspuns la aceasta, sporirea tendințelor de eliberare a acestora; 3) nașuța unor domni și a unei părți a boierimii, exponenți ai tendințelor de eliberare, a trage din aceasta folose personale,— consolidarea situației, a puterii și autorității lor.

Muntenia, ca și alte țări supuse sultanului, spera să se folosească de lupta Rusiei împotriva Turciei pentru a scăpa de sub jugul turcesc. La sfîrșitul secolului XVII și începutul celui de al XVIII-lea guvernul rus avea tot interesul în stabilirea unor legături permanente cu Tara Românească, și aceasta nu numai în vederea creării unei baze pentru lupta împotriva Turciei și a hanului Crimeii pentru ieșirea în Marea Neagră, dar și a primirii prin intermediul Munteniei a unei amănunțite informații cu privire la acțiunile turcești și la situația din Balcani.

Consolidarea puterii domnești în anii cîrmuirii lui Constantin Brîncoveanu a și făcut ca Muntenia să joace în pe-

rioada aceasta rolul principal în relațiile Rusiei cu țările balcanice. Speranța în scuturarea jugului străin și consolidarea de mai departe a autorității sale Brîncoveanu le vedea determinate de succesele Rusiei în lupta ei împotriva Turciei. O mare înrîuire asupra politicii de întărire a relațiilor dintre Muntenia și Rusia o exercita partidul boieresc în fruntea căruia se aflau reprezentanții Cantacuzinilor.

Solia lui Gheorghe Castriotul în Rusia cu rugămîntea de acordare de ajutor pentru eliberarea Țării Românești de sub jugul turcesc, decorarea lui Constantin Brîncoveanu de către Petru I cu ordinul Sf. Andrei Pervozvannîi și acordarea domnului muntean și boierilor Cantacuzini înaltei protegüiri a țarului în cazul detronării lui Brîncoveanu, șederea la Moscova a rezidentului muntean David Corbea, desele sosiri ale solilor munteni, aducători de scrisori, prin care guvernul rus coresponda cu ambasadorul său de la Constantinopol, precum și a mesajilor lui Brîncoveanu și ale Cantacuzinilor către Petru I și G. I. Golovkin, care în felul acesta erau informați despre acțiunile Turciei și despre situația din Balcani — toate acestea au și dus la stabilirea la răscrucea secolelor XVII—XVIII a unor permanente relații politice (fie ele și secrete) între Rusia și Muntenia, ceace la rîndul său a contribuit și la dezvoltarea unor mai strînse legături economice și culturale.

Izbucnirea în anul 1711, a războiului ruso-turc a făcut mai reale speranțele Moldovei și ale Munteniei în eliberarea lor de sub jugul sultanului. Însă relațiile russo-muntene n-au dus la rezultatele scontate. Pe de o parte, Rusia încă nu era gata pentru efectuarea unor vaste acțiuni militare împotriva Turciei, ceace ar fi putut duce la eliberarea Principatelor. Pe de altă parte, poziția de expectativă adoptată de Brîncoveanu în privința trecerii fățișe de partea Rusiei a avut un efect dăunător atât pentru relațiile russo-muntene din anul 1711, cât și pentru ducerea cu succes a operațiilor militare ale oștirii ruse.

După anul 1711 sporește tendința Principatelor de a se folosi de lupta Rusiei împotriva Turciei și de a scutura în felul acesta jugul străin. Campania de la Prut marca începutul războaierilor russo-turce din sec. XVIII, în cursul cărora legăturile Țării Românești și ale Moldovei cu Rusia continuă să se întărească. Războaiele russo-turce zdruncină puterea Imperiului otoman și crează condiții favorabile pentru lupta de eliberare a popoarelor balcanice.

Словарь малоупотребительных слов

Ага	турецкий офицер, чиновник
Бань	турецкая разменная монета
Ватаф	смотритель, надзиратель, надсмотрщик
Визирь	высший турецкий сановник
Вистерник	1) придворный боярский чин, 2) казначей
Волоский	молдавский
Волохи	молдаване
Ворник	придворный боярский чин
Гетман	командующий войсками в Молдавском княжестве
Дукат	венецианская золотая монета, имевшая широкое распространение в Западной Европе
Ефимок	русское название талера
Жудец	уезд в Валахии
Қаймакан	турецкий чиновник, наместник округа
Капи-кегай	1) представитель валашского господаря в Константинополе, 2) турецкий чиновник
Каторга	морское военное судно
Кила	мера веса, равная 400 ок (в. Валахии)
Комис	придворная должность главного конюшего, конюший
Лей	денежная единица в Валахии и Молдавском княжестве
Логофет	высшее должностное лицо, возглавлявшее господарскую канцелярию
Мукарер	плата султану и его приближенным при получении господарского престола или продлении правления
Мултяне	валахи
Мултянский	валашский

Муфтий	турецкий сановник
Ока	мера веса, равная 1,27 кг (в Валахии)
Пешкеши	подарки высшим турецким сановникам
Постельник	придворная боярская должность, в ведении которой находились господарские покой]
Пыркалаб	наместник уезда, округа
Райя	захваченная турками территория княжества, прилегавшая к турецким пограничным крепостям и находившаяся под управлением турецких чиновников
Рупта	подушная подать в Валахии
Сеймены	наемная пехота в Валахии
Сераскер	турецкий военачальник
Слафарий	командующий войсками в Валахии
Стольник	придворный боярский чин, член господарского совета
Талер	серебряная монета, имевшая распространение в Западной Европе
Толмач	переводчик
Фирман	указ султана
Харак	ежегодная дань турецкому султану
Чауш	посол, курьер

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. РУССКО-ВАЛАШСКИЕ СВЯЗИ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в.	39
1. Усиление турецкого гнёта в Валахии	39
2. Развитие русско-валашских политических связей в XV — второй половине XVII в.	49
3. Установление постоянных дипломатических отношений Валахии с Россией в конце XVII — начале XVIII в.	68
4. Укрепление торговых и культурных взаимосвязей между Россией и Валахией в конце XVII — начале XVIII в.	103
ГЛАВА II. РУССКО-ВАЛАШСКИЕ СВЯЗИ 1711—1713 гг.	117
1. Отношения Валахии с Россией в период русско-турецкой войны 1711 г.	117
2. Русско-валашские связи 1712—1713 гг.	142
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
REZUMAT	163
СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ	165

Лидия Егоровна Семенова

**Русско-валашские отношения
в конце XVII — начале XVIII в.**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор *В. И. Буганов*

Редактор издательства *С. А. Левина*

Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 21/1-1969 г.

Подписано к печати 22/VII 1969 г.

Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 5,25.

Усл. печ. л. 8,82. Уч. изд. л. 9,2

Тираж 1400 экз. Т-08197. Бумага № 2. Тип. заказ 1765.

Цена 55 коп.

Издательство «Наука».

Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва Г-99, Шубинский пер., 10

55 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

+ни си87и

С+2Н870. ФН

707+09~ 41

+ днкдбндо7

5п7иХоздн

бн8ух фбсго

+ 207Н56+ 96

7+, 7и. Уни

зп22и4~ 1и'